

INSPIRIA

КОГДА НАСТУПИТ НИКОГДА

БАРБАРА ДЭВИС

 INSPIRIA

Annotation

Кристин уверена с детства – никому нельзя верить. В этом мире для нее не существует безопасной гавани.

На какое-то время она обрела счастье рядом с супругом Стивеном, популярным писателем. Но когда он попал в автокатастрофу вместе с неизвестной женщиной, что стало в прессе сенсацией, сравнимой с его лучшими романами, Кристин поняла – ее вновь предали.

Что за женщина была в машине со Стивеном, какая между ними связь? И чем может помочь Кристин старый приятель Стивена, журналист Уэйд?

Кристин отправляется в маленький провинциальный городок, где когда-то они со Стивеном провели медовый месяц, чтобы раз и навсегда решить для себя, кто она, чему ей верить и кто в ее жизни достоин занять по-настоящему важное место.

«В книги Барбары Дэвис непременно влюбятся поклонники Кэтрин Райан Хайд и Люсинды Райли». – Booklist

-
- [Барбара Дэвис](#)
 -
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [Один](#)
 - [Два](#)
 - [Три](#)
 - [Четыре](#)
 - [Пять](#)
 - [Шесть](#)
 - [Семь](#)
 - [Восемь](#)
 - [Девять](#)
 - [Десять](#)
 - [Одиннадцать](#)
 - [Двенадцать](#)

- [Тринадцать](#)
- [Четырнадцать](#)
- [Пятнадцать](#)
- [Шестнадцать](#)
- [Семнадцать](#)
- [Восемнадцать](#)
- [Девятнадцать](#)
- [Двадцать](#)
- [Двадцать один](#)
- [Двадцать два](#)
- [Двадцать три](#)
- [Двадцать четыре](#)
- [Двадцать пять](#)
- [Двадцать шесть](#)
- [Двадцать семь](#)
- [Двадцать восемь](#)
- [Двадцать девять](#)
- [Тридцать](#)
- [Тридцать один](#)
- [Тридцать два](#)
- [Тридцать три](#)
- [Тридцать четыре](#)
- [Тридцать пять](#)
- [Тридцать шесть](#)
- [Тридцать семь](#)
- [Тридцать восемь](#)
- [Тридцать девять](#)
- [Сорок](#)
- [Сорок один](#)
- [Сорок два](#)
- [Сорок три](#)
- [Сорок четыре](#)
- [Сорок пять](#)
- [Сорок шесть](#)
- [Сорок семь](#)
- [Сорок восемь](#)
- [Эпилог](#)

- [Благодарности](#)
-

Барбара Дэвис

Когда наступит никогда

Barbara Davis

WHEN NEVER COMES

Copyright © 2018 by Barbara Davis

This edition is made possible under a license arrangement

originating with Amazon Publishing,

www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

Перевод с английского Дарьи Сорокиной

Художественное оформление Натальи Каштыкиной

В оформлении переплета использованы фотографии:

© Mila Supinskaya Glashchenko, Yevhenii Chulovskyi, gornjak / Shutterstock.com и иллюстрация: © Olga Korneeva / Shutterstock.com

В оформлении форзаца использована иллюстрация: © Olga Korneeva / Shutterstock.com и пиктограммы: © Palsur, Butenkov Aleksei / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Сорокина Д., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Тому, который женился на мне
вопреки всему.*

Мы только начали...

Пролог

*Монкс Корнер, Южная Каролина.
19 августа 1986 г.*

В комнате темно, но не совсем тихо. На окне колышется потертая занавеска, подрагивая на влажной жаре. Снаружи тишину наполняют голоса ночных существ – хор надорванных глоток и дребезжащих крыльев за рваной сеткой.

В кровати возле окна мечется среди спутанных простыней девочка в розовой ночной рубашке. Прелестный ребенок – с темными волосами, бледной кожей и бахромой черных ресниц. Ее хныканье перерастает в плач, рыдания, крики. Она и спит, и не спит одновременно, то бьется, то замирает, ее преследует кошмар, который она не осознает и не может назвать. Сны, что приходят почти каждую ночь, вернулись. Но сегодня никто не придет ее утешить. Ее мама снова отключилась на полу в ванной.

Один

*Клир Харбор, Мэн.
19 ноября 2016 г.*

Прозвучавший телефонный звонок вызвал удушливую панику, которую всегда провоцируют звонки в два часа ночи. Дезориентацию. Ужас. Уверенность, что произошло нечто страшное.

Кристин подскочила, хватая ртом воздух, и взяла с прикроватного столика телефон.

– Алло?

– Миссис Ладлоу?

– Да.

– Кристин Ладлоу?

– Да. Кто звонит?

– Миссис Ладлоу, это сержант Стэнли из полиции Клир Харбор. Прошу прощения за звонок, но мы уже некоторое время стучимся в вашу дверь. Нужно поговорить.

«Полиция?» Пульс резко ускорился, а по шее поползли знакомые мурашки.

– Что случилось? Что не так?

Голос в трубке звучал вежливо, но напряженно.

– Мы бы предпочли не телефонный разговор.

Через несколько мгновений Кристин уже открыла переднюю дверь и увидела двух офицеров без униформы.

– Что такое? Зачем вы здесь?

– Боюсь, дело в вашем супруге, мэм. Случилась авария. Его машина слетела с моста в залив Эхо-бэй.

У Кристин перехватило дыхание.

– Где он? Он в порядке? В какой он больнице?

– Ваш муж не в больнице, миссис Ладлоу. Он... Не выжил в аварии. Боюсь, нам нужен ближайший родственник для опознания тела.

Она молчала, осознавая услышанное. «Тело Стивена. Эхо-бэй».

– Мы готовы вас отвезти, – предложил сержант с вежливым сочувствием в голосе. «Ему отнюдь не впервые приходится стучать посреди ночи в чужую дверь, – вяло подумала Кристин. – Скольким женам, матерям, возлюбленным и подругам довелось пережить такой же визит?»

– Нет, – ответила она, чувствуя себя странно отрешенной, словно наблюдая за сценой издалека. Последнее, чего ей сейчас хотелось, – ехать на заднем сиденье полицейской машины. – Спасибо. Я доеду сама.

Сержант кивнул.

– Тогда мы подождем, пока вы оденетесь и сможете поехать за нами в участок.

Кристин кивнула, пытаясь осознать произошедшее – и предстоящее. Автор бестселлеров Стивен Ладлоу мертв, и она должна опознать его тело. Но сначала нужно одеться.

Нетвердой походкой она зашла в приемную полицейского участка Клир Харбор. Протертые черно-белые плиты пола, беспощадный флуоресцентный свет, тошнотворный запах подгоревшего кофе и затхлого сигаретного дыма пробудили воспоминания о другой ночи – о другой катастрофе из прошлой жизни. Кристин прогнала мысли прочь. «*Разберись с нынешней катастрофой*». Если жизнь ее чему-то и научила, то именно этому.

Сержант Стэнли отошел поговорить с дежурным офицером, потом вернулся и с неловкой улыбкой показал на ряд синих пластиковых кресел вдоль стены.

– Если хотите, можете присесть. Мы вызвали человека, который проводит вас вниз.

Через несколько мгновений открылись железные двери лифта. К изумлению Кристин, в приемную вышла знакомая фигура. Дэниел Коннелли *был* близким другом Стивена, собутыльником и постоянным товарищем по играм в пятничном карточном клубе. Но Дэниел работает в отделе убийств, а Стивен погиб в аварии. Что Дэниел делает здесь в три часа ночи?

– Кристин. – Он взял ее за руки. Его ладони оказались горячими и слегка влажными. – Мне так жаль. Когда они поняли, что это Стивен, то позвонили мне. Подумали, может, будет легче, если бы я сам... Все тебе объяснил.

Кристин нахмурилась. *«Все тебе объяснил?»* Как-то странно он выразился, холодно и грубовато. Она освободила руки и попыталась незаметно вытереть ладони об куртку.

– Детектив, спасибо, что приехали в такое время.

– Пожалуйста, зови меня Дэнни.

Он был упитанный и коренастый, с полными румяными щеками и курчавыми седыми волосами. Они виделись лишь несколько раз, мельком, но она никогда не понимала симпатии Стивена к этому человеку – разве только детектив по убийствам был ценным источником информации и всегда с радостью делился сочными деталями за коробку сигар «Коиба» или бутылку хорошего виски.

– Думаю, пора приступать, – мрачно сказал Дэниел. – Ты готова?

Кристин кивнула. Другого выбора не было, если учесть, что тело ее мужа лежало где-то на каталке и ждало опознания. Она позволила Коннелли взять себя за локоть и отвести к лифтам, продолжая молчать, когда он нажал на кнопку с потертой буквой П. Значит, подвал. Стивен в подвале.

Когда двери снова открылись, Коннелли вышел, повернул налево и повел ее по облицованному белой плиткой коридору с рядом синих дверей. Остановился перед последней справа и потянулся к ручке. В голове у Кристин что-то тихо загудело, когда она уставилась на металлическую табличку с гравировкой: «**МОРГ**».

Коннелли посмотрел на Кристин:

– Ты в порядке?

Казалось, слова прозвучали издалека – словно их произнесли со дна очень глубокого колодца. Такого не может быть, это не реально. Но выражение лица Коннелли говорило об обратном. Сделав глубокий вдох, она посчитала до трех и кивнула. Сделав первый шаг, Кристин почувствовала на талии легкое, но твердое давление руки Коннелли и задалась вопросом, подталкивает ли он ее вперед или удерживает от падения назад. Несомненно, при нем падали в обморок, и не раз.

Войдя внутрь, Кристин слегка удивилась. Она готовилась к неприятным запахам – крови, разложения, формалина, – но в воздухе

вигал лишь легкий аромат хлорки. Небольшое милосердие, но милосердие. Кристин с ужасом пыталась ни на чем не задерживать взгляд, пока Коннелли вел ее в глубину комнаты: стерильного помещения с высокими потолками, флуоресцентными лампами и голубовато-серым полом.

Кристин старалась не смотреть на встроенные в пол сливные отверстия, не желая задумываться об их предназначении, и вместо этого разглядывала раковины-желоба у дальней стены. Справа тянулись пронумерованные дверцы – аккуратные ряды стальных квадратиков с тяжелыми металлическими люками. Скоро за одной из таких дверей будет Стивен. Она отвернулась, пытаясь прогнать эту мысль, но каждая деталь служила свежим напоминанием о цели визита. А потом Кристин увидела ее – каталку, покрытую простой белой простыней. У Кристин сразу перехватило дух, и воздух в помещении будто похолодел.

Возле каталки спиной к ним стоял мужчина в поношенном лабораторном халате и что-то писал на планшете. Мужчина повернулся, словно почувствовав их приближение. Молодой, лет двадцати пяти, с рябым лицом и в грязных очках с толстыми стеклами. Он замер, словно ждал какого-то сигнала.

Коннелли опустил на плечо Кристин ладонь.

– Готова?

Кристин кивнула, не в силах произнести даже слово.

Он перевел взгляд на сотрудника.

– Давай, Райан.

Сотрудник убрал простыню. Кристин собрала волю в кулак и посмотрела на лежащее на каталке тело – в его восковое, бескровное, синюшно-белое лицо, осунувшееся после смерти, но устрашающе целое. Куртки на нем не было, верхние пуговицы рубашки расстегнуты, галстук развязан и сдвинут набок. Да, это Стивен. Даже если бы лицо разбилось, Кристин все равно узнала бы. Этот подбородок, как у Роберта Митчема, ни с чем не спутать. Но возникла и неприятная неестественность. Черты кинозвезды одрябли, слегка опухли, сохранив лишь слабое подобие мужчины, за которого она вышла замуж восемь лет назад. Неподражаемый шарм и тщательно выверенная харизма, делавшие Стивена Ладлоу любимцем журналистов всего мира, исчезли.

– Да, – хрипло сказала Кристин и откашлялась. – Да, это Стивен.

Она с облегчением увидела, что сотрудник морга вернул простыню на место, но все равно отвернулась от каталки.

– Что теперь?

– Медицинский эксперт определит причину смерти, – объяснил Коннелли. – Но, если учесть наледь на мосту, думаю, можно с уверенностью считать аварию несчастным случаем, а смерть наступила либо из-за самого падения, либо из-за утопления. – Он немного помолчал. – Прости мою прямоту, но вряд ли можно выразиться мягче.

Кристин моргнула.

– Да. Конечно. Могу я ехать домой?

– Тебе нужно подписать кое-какие документы. Но мы думали... – Он осекся и кашлянул, на мгновение отведя взгляд. – Мы надеялись, ты поможешь нам еще кое с чем.

Кристин почувствовала первые ледяные уколы тревоги. От странной перемены в голосе Коннелли, от его внезапного нежелания смотреть ей в глаза по затылку поползли мурашки.

– С чем именно нужно помочь?

Коннелли опустил взгляд и вздохнул.

– Вообще-то вопрос весьма деликатный. И мне очень хотелось бы тебя от него избавить. Но дело в том... – Дэниел осекся и перевел взгляд на каталку в противоположном конце помещения. – Нам нужна твоя помощь, Кристин.

Тревога переросла в ужас, когда Кристин, проследив за взглядом Коннелли, рассмотрела невнятный белый холм на второй каталке. Теперь Дэниел переминался с ноги на ногу, засунув руки глубоко в карманы.

– Помимо Стивена, мы вытащили из машины еще одно тело, – угрюмо сказал он. – К сожалению, вторую жертву опознать не удалось. Мы надеялись...

Сотрудник морга уже переместился к каталке, синие латексные перчатки выжидательно зависли над простыней. Коннелли коротко кивнул. Когда поднимали простыню, все молчали, и в этой тишине Кристин услышала, как где-то тикают часы. Тяжело. Глухо. Словно пульс. А потом перед ней оказалась женщина.

Мертвенно-бледная, с растрепанными светлыми волосами, похожими на запутанный, влажный нимб. С раной на лбу и тошнотворной вмятиной на правом виске. Остекленевшие глаза были открыты – пронзительно-лиловые, с бездонными зрачками. На ней не было одежды выше талии – Кристин увидела голую грудь, слишком большую и идеально круглую, чтобы быть созданной природой.

Кристин смотрела и никак не могла отвести взгляд. Проститутка? Подруга на одну ночь? Просто флирт или нечто большее? А если так, то *насколько* большее?

Коннелли прочистил горло.

– Ты не знаешь...

– Нет.

– Кристин, я понимаю, тебе нелегко, но прошу, подумай. Присмотрись внимательнее.

– Мне не нужно присматриваться. Я не знаю, кто она такая и что делала в машине моего мужа. – Внезапно голос Кристин дрогнул, и ей захотелось наброситься на детектива. – Так вот зачем ты здесь. Из-за нее. Потому что Стивен был твоим другом, и они подумали, что тебе удастся выяснить у меня имя. Вот что ты собирался мне *объяснить*. Под *всё* ты имел в виду ее.

– Кристин, я понимаю, как это выглядит. Представить не могу, какие сейчас тебя посещают мысли, но мы пока не знаем, что произошло. Не следует делать скоропалительных выводов.

– На ней нет рубашки, детектив.

– И этому вполне может найтись пристойное объяснение. Может, когда водолазы доставали ее из машины, ее одежду...

Он не договорил, и по выражению его лица стало ясно: он пришел к тому же выводу, что и она, – единственному возможному выводу, когда полуголую женщину достают среди ночи из машины мужчины.

Коннелли неловко переступил с ноги на ногу, опустив широкие плечи.

– Он... может, ты знаешь... с кем-то встречался?

Кристин глянула на него с негодованием.

– Ты спрашиваешь, знаю ли я про любовницу мужа? Словно мы обсуждали такие вещи за ужином?

– Прости. Знаешь, я просто подумал, женщины же чувствуют такие вещи. Женская интуиция, или как там...

Она бросила на детектива холодный взгляд.

Коннелли провел рукой по копне седых волос.

– Слушай, я всего лишь пытаюсь делать свою работу. Мне осталось отслужить в убийствах два года, и потом все. А пока я делаю, что прикажут. Когда они поняли, кого вытащили из залива, то попросили меня спуститься и поговорить с тобой. У нас тут неизвестная, чья семья захочет узнать, почему она не вернулась сегодня вечером домой. А мы не сможем им помочь, пока не установим личность.

Кристин разозлил намек, что, в определенном смысле, помочь опознать полуголую женщину – ее долг.

– Боюсь, я ничем не могу помочь, детектив. А теперь, если вы не против, мне хотелось бы вернуться домой. Я вроде должна подписать какие-то бумаги.

Коннелли принес планшет, на котором писал Райан. Дэниел указал на линию внизу страницы, а потом перевернул ее и указал еще на две линии. Кристин подписала, не читая, и сунула планшет детективу в руки.

– Мы закончили?

– На данный момент да. Когда медицинские эксперты закончат работу, я подготовлю для тебя копию отчета, и кто-нибудь позвонит, когда можно будет приехать за вещами.

Кристин непонимающе посмотрела на него.

– За вещами?

– Ключи. Бумажник. Телефон.

– Верно. Его вещи. – Она повернулась к двери, нащупывая в кармане собственные ключи.

– Сюда, – сказал Коннелли. – Давай провожу.

– Спасибо, не надо. Я найду выход. – Она понимала, что следует поблагодарить его за ночную работу, но почему-то не смогла себя заставить это сделать.

Она почти дошла до двери, когда он заговорил снова.

– Я очень тебе сочувствую, Кристин. Искренне сочувствую. Стивен был моим другом, но, кроме того, очень заметной публичной личностью. СМИ захотят узнать, что случилось. Я постараюсь сохранить подробности в тайне, но гарантировать ничего не могу.

Кристин кивнула и снова повернулась к двери, не совсем понимая, должна она чувствовать благодарность или ужас.

Два

В полпятого утра «Рейнджровер» Кристин наконец заехал в гараж. Какое-то время – Кристин сама не знала, как долго, – она просто сидела с открытой дверью и включенным двигателем. Скоро взойдет солнце, и начнется новый день. Надо будет делать звонки, обсуждать детали, но сейчас она не могла об этом думать. Она сидела в сумрачном свете приборной панели и удивлялась, как ее спокойный брак мог закончиться столь грандиозным крахом.

Кристин вышла замуж за звезду – завидная партия. Весьма неплохо для девушки из неблагополучной семьи. Стивен Ладлоу. Само имя уже вызывало уважение. И если он решил сгладить острые углы и сделать из Кристин приличную светскую даму, это было небольшой платой за обретенную стабильность. Но кем она стала теперь, когда Стивен умер? Брошенная на произвол судьбы вдова, исключенная из жизни, которая никогда ей не принадлежала.

Вдова.

Как такое вообще возможно? Она ведь даже не собиралась выходить замуж. Детство Кристин было тяжелым и коротким, как у большинства детей алкоголиков и наркоманов, и она твердо усвоила несколько уроков.

В десять лет она узнала, что постоянного адреса не бывает, в двенадцать – что ни одно обещание не священо, а в шестнадцать – что безопасности не существует. Были и другие уроки. Их отпечатки до сих пор хранятся в ее разуме – и на теле.

Она оттянула рукав пальто и уставилась на запястье, на три сияющих бледных шрама, похожих на маленькие полумесяцы. Ее значок выживания. Да, она кое-чему научилась, пока росла, – в частности, что бывает, если довериться не тем людям.

А потом встретила Стивена. Красивого и очаровательного, восходящую звезду литературного мира. Но еще привлекательнее оказалась его абсолютно спокойная реакция на заявление, что дети не входят в ее долгосрочные планы на жизнь. Похоже, он был даже доволен. Его тоже интересовала карьера. Во всяком случае, такой вывод сделала Кристин. Шесть месяцев спустя они поженились.

Совсем не сказочная свадьба, но Кристин никогда и не верила в миф про «долго и счастливо». Как и в большинстве головокружительных романов, первые дни были полны новизны и химии, но со временем отношения переросли в безопасный, крепкий союз. Во всяком случае, она так думала.

Кристин посмотрела на часы. Почти пять. Как все могло настолько измениться за три часа? Но изменилось. Все, что она знала – или думала, что знала, – о собственной жизни и браке, внезапно перевернулось с ног на голову. Кристин закрыла глаза и откинулась на подголовник, дожидаясь слез. Но вместо этого голову заполнили образы – мертвенно-бледное лицо с вмятиной на виске, лиловые глаза, устремленные в пустоту.

«Кто она?»

Оцепеневшая Кристин оказалась не в состоянии раздумывать над этим вопросом – она слишком вымоталась, чтобы прокручивать в голове сценарии, ведущие к одному и тому же ужасному выводу. Она изнуренно потянулась за сумкой, лежавшей на пассажирском сиденье, и вылезла из машины.

Зайдя на кухню, Кристин на мгновение растерялась, словно случайно забрела в чужой дом. Хотя она привыкла, что дома никого нет. Последние несколько лет Стивен редко оставался здесь дольше чем на неделю. Ему постоянно приходилось куда-то ехать – очередной книжный тур, лекция, ток-шоу. Но теперь пустота ощущалась иначе. Будто после гибели Стивена дом потерял часть жизненной силы.

Впрочем, этот дом всегда был домом Стивена. Это он захотел купить особняк, где «Уорнер Бразерс» снимали финал «Прав жертвы» – фильма по его третьему роману, первому в серии хитов с рекордными сборами, – и договорился о сделке, даже не удосужившись посоветоваться с женой. Это случилось четыре года назад, и примерно тогда она начала понимать, сколь малую роль играет в собственном браке.

Кристин повалилась на диван и размотала шарф. Скоро взойдет солнце, на радиоволнах зазвучат утренние новости, у дверей разложат газеты. Ей нужно сделать несколько звонков: агент Стивена, их юрист, страховая компания. Ну хотя бы из семьи оповещать некого. Стивен тоже был единственным ребенком, и его родители умерли: отец – от инфаркта, когда Стивен еще учился в школе, а мать – от инсульта два

года назад. Ужасный повод для радости, но, если учесть, что произошло, Кристин не представляла, как рассказала бы его родителям об аварии или встретила бы с ними на похоронах.

Она развязывала шнурки, когда на кухне зазвонил телефон. Пока Кристин шла, включился автоответчик. Она дождалась, пока проиграется запись, взяла трубку и услышала голос агента Стивена.

– Слушаю тебя, Гэри.

– Кристин, скажи, что это ошибка. Скажи, что в новостях лгут.

– Это не ошибка. Стивен мертв.

– Что произошло?

– В полиции сказали, на мосту было скользко. Его машина упала в залив Эхо-бэй.

– Господи, Кристин, мне так жаль. Это... Поверить не могу. Я думал, он едет в Нью-Йорк, на автограф-сессию в книжный «Стрэнд». Какого черта он делал возле Эхо-бэй?

Кристин крепче сжала трубку. Нет, она не скажет. Не сейчас. И вообще никогда, если получится.

– Наверное, рано закончил и пытался добраться домой. Разве это имеет значение?

– Нет, уже нет. Но ты уверена, что нет какой-то ошибки? Иногда полиция...

– Гэри, я его видела. Они заставили меня поехать на опознание тела.

– Господи Иисусе. Сочувствую. Должно быть, ужасно.

– Да.

– Нужно будет... – Он осекся. Ненадолго повисло молчание. – Слушай, не хочу показаться мерзавцем. Стивен был моим другом. Но нам нужно обсудить некоторые тонкости. Детали.

– Медицинские эксперты отдадут его тело, когда закончат. Сомневаюсь, что это займет дольше нескольких дней. Думаю, можно...

Гэри прервал ее, смущенно кашлянув.

– Кристин, я говорю не про подготовку к похоронам. Я имел в виду детали контракта, то, что происходит, когда умирает автор. Часть аванса за следующую книгу уже выплачена, а теперь...

– Теперь он ее не закончит.

– Да.

– Гэри, меня это не волнует. Никогда не волновало. Ты знаешь. Просто обо всем позаботься. Сделай, что следует.

– Хорошо, – согласился он, желая поскорее закрыть тему. – Вернемся к этому, когда ты немного придешь в себя. Я и не собирался заниматься сегодня. Просто хотел сказать – рано или поздно придется все обсудить. Я пока не разговаривал с «Ллойд энд Гриффин». Уверен, они все еще переваривают новость, но я жду, что телефон зазвонит в любую минуту. Полагаю, как и твой. Трагедии продают, и медиа накинется на эту с бешеным аппетитом, Кристин. Просто помни – ты не обязана говорить, пока не будешь готова. И вообще. Твое горе – исключительно твое дело. А я пока посмотрю, как в контракте Стивена прописаны вопросы редакторского контроля и роялти – сама знаешь, весьма внушительные. Я знаю, он назначил тебя своим правопреемником.

Кристин слишком устала, чтобы осознать услышанное.

– Я не знаю, что это значит.

– Значит, теперь судьбой работ Стивена распоряжаешься ты: вопросами авторского права, экранизаций и так далее. Но пока об этом не беспокойся. Сейчас нужно позаботиться о себе и пережить случившееся. Если тебе что-нибудь нужно, что угодно, просто позвони. Я серьезно, Кристин. Что угодно.

Закончив разговор, Кристин оцепенела. Она осознала лишь половину из сказанного Гэри и сомневалась, что вторая половина ее волнует. На самом деле она никогда не вникала в финансовые дела мужа. Все казалось довольно запутанным еще с тремя книгами. А теперь их одиннадцать, не считая «Фатальной франшизы», которая выходит через восемь недель. Кристин даже примерно не представляла, сколько у Стивена денег.

Приходили отчеты. Денежные средства поступали в банк. Счета оплачивались. Пока дела вел Стивен, знания Кристин ограничивались этим, и она была вполне довольна. Она никогда не любила разговоров о деньгах – возможно, потому что получала несравнимо меньше, работая редактором на фрилансе. Она даже не знала, как зовут их маклера.

Утомленная мыслями о предстоящих хлопотах, она поднялась в их со Стивеном спальню. Кристин отчаянно хотелось принять душ, но не хватало сил даже снять одежду. Вместо этого она почистила зубы и

умылась. Она искала в аптечке ибупрофен, когда телефон зазвонил снова.

Незнакомый номер. Кристин дождалась переадресации на автоответчик и поморщилась, когда журналист из «Бостон глоуб» принес вежливые, но лаконичные соболезнования и перешел к делу, попросив об интервью. Едва сообщение закончилось, телефон зазвонил снова. На этот раз – «Портленд пресс геральд», а затем «Таймс», «Миррор» и «Даллас монин ньюс».

Кристин не снимала трубку. Сообщения практически не отличались – деланое сочувствие и просьба об интервью с вдовой. Когда телефон зазвонил в пятый раз, она выключила звонок, сделала то же самое с аппаратом на кухне и на всякий случай отключила мобильный. Гэри прав. Ее горе – и любые другие чувства – касается только ее.

Кристин по привычке поплелась на кухню и сделала кофе, а потом принялась бродить по дому с кружкой в руке, разглядывая вещи, накопленные за годы брака со Стивеном: стеклянная чаша ручной работы, купленная ими в маленьком магазинчике в Рокпорте; лампа из выброшенной на берег древесины, созданная художником из Портсмута; картина Томаса Арвида, купленная в медовый месяц. Как же это было давно.

Восемь лет.

Почему они промелькнули так быстро? И как она не заметила в Стивене изменений? А может, она просто *делала вид*, что не замечает?

Пытаясь отвлечься от мыслей, Кристин взяла пульт. Экран вспыхнул, и возникла пара говорящих голов в новостной программе канала WGME. Внизу экрана полз ярко-красный баннер с последними новостями. ПИСАТЕЛЬ СТИВЕН ЛАДЛОУ ПОГИБ В АВТОКАТАСТРОФЕ. Кристин было тяжело даже читать эти слова, но, когда на экране появилось лицо Стивена – портрет с обложки последней книги, – она опустила на диван и включила звук.

– По сообщениям полиции, машина Ладлоу слетела с моста Эхо-бэй в холодные воды залива. Причины аварии еще выясняются, но, похоже, виноват гололед. Водолазы достали тело вскоре после полуночи. Наибольшую известность Ладлоу принесли детективные романы о Крейге Чайлдresse, несколько из них успешно

экранизированы. Ладлоу жил в Клир Харбор, Мэн, с женой Кристин. Пара провела в браке восемь лет, детей у них нет.

– Нет, – сказала Кристин, выключив телевизор, когда начался сюжет про пожар в Портленде. – Детей нет.

Словно это кого-то касается. Разумеется, возникали вопросы. Неловкие, неудобные вопросы – она никогда не знала, как на них отвечать. *«Детей пока нет? Давно пытаетесь? Не думали про ЭКО? А то в новом медицинском центре в Портленде есть прекрасный доктор с отличными результатами».*

Она никогда не понимала, почему люди, особенно женщины, считают, что каждая женщина на планете испытывает острую потребность в размножении. Если бы они знали и видели то же, что и она, то поняли бы: есть вещи похуже бездетности – например, родить ребенка, о котором ты позаботиться не в состоянии, и оставить ему шрамы на всю жизнь.

Кристин встала, отнесла чашку на кухню и замерла возле раковины, глядя в окно. Пошел снег, и ленивые снежинки опускались словно маленькие белые перья. Шла третья неделя ноября – рановато для серьезного снегопада даже в Мэне, а значит, надолго он не задержится. Но вид все равно нагонял тоску.

Стивен любил зимы Новой Англии. Вернее, ему нравилась *идея* – пересидеть долгие, холодные месяцы, скрываясь в кабинете с высокими окнами, выходящими на море. Его привлекал образ – хотелось казаться именно таким. Впрочем, Стивен все делал ради образа. Карьера, дом и даже брак были тщательно подобраны словно для страниц глянцевого журнала – будто реальной жизни ему не хватало.

Возможно, это объясняло ту блондинку в морге. Но доказательств измены все равно не было. Возможно, Коннелли прав. Возможно, все иначе, чем выглядит. В любом случае детектив сдержал слово. О неизвестной девушке в новостях не сказали.

Внезапно она услышала хлопок закрывающейся автомобильной двери. Движение на Пулпит-Рок-роуд было спокойным даже в сезон – в основном местные на своих «Вольво» и «Субару», но после Дня труда, когда Клир Харбор пустела, машин практически не оставалось. Впрочем, иногда туристы шли на риск и игнорировали табличку «Частная дорога».

Кристина направилась в гостиную, с любопытством выглянула в окно и с ужасом обнаружила возле ворот несколько телевизионных фургонов – из-за огромных спутниковых тарелок они напоминали декорации к плохому научно-фантастическому фильму.

Господи, как они только успели?

Три

*Клир Харбор, Мэн.
26 ноября 2016 г.*

Понадобилось всего несколько дней, чтобы из местной трагедии смерть Стивена превратилась в национальное помешательство, и теперь, неделю спустя, стало невозможно включить телевизор и не наткнуться на очередной рассказ о непоправимой утрате литературного мира и уходе ярчайшей звезды. Но, словно этого было мало, количество фургонов за воротами росло день ото дня, и теперь к ним присоединились заглядывающие за забор журналисты.

Кристин только предстояло столкновение с этой толпой. До этого дня, помимо разговора с «Дорси энд Санс» насчет организации похорон, Кристин предпочитала ни с кем не видеться и зализывать раны в одиночестве, без телефонных звонков, газет или интернета. Но сегодня придется покинуть убежище. Сегодня похороны Стивена.

Проснувшись утром, она надеялась испытать нечто вроде облегчения – хотя бы *предчувствие* облегчения, – но ощутила лишь ужас. Она пропустила завтрак, пытаясь подыскать подходящую одежду. Теперь, спускаясь по лестнице, Кристин поймала собственное отражение в зеркале в конце коридора – призрак с потухшим взглядом, в костюме, купленном два года назад на похороны свекрови.

Кристин боялась предстоящего дня, содрогаясь при мысли о встрече с друзьями Стивена и необходимости играть роль скорбящей вдовы, хотя на самом деле была в тихой ярости. Сначала она не разрешала себе сердиться и провела первые дни будто в тумане. Казалось, злиться на недавно умершего человека как-то неправильно. Но потом в ней зародились гнев и любопытство и погнали в кабинет Стивена в поисках типичных улик – подозрительных отельных счетов, тайных писем, чеков на нижнее белье.

Сначала поиски не увенчались успехом. Но потом она обнаружила ежемесячные автоматические переводы на счет некоего ООО «Стар Пропертис». Название ни о чем не говорило. Вероятно, одна из фирм, куда Стивен обращался для организации мероприятий и составления

пресс-релизов. Но, кроме того, Стивен регулярно переводил деньги на счет, обозначенный как ПУТЕШЕСТВИЯ, – 4000 долларов пятого числа каждого месяца. Хотя доказательством измены это тоже не назовешь. Вполне возможно, выплаты были законными бизнес-расходами или как-то относились к инвестициям Стивена. Но интуиция подсказывала другое.

В конце концов подтверждение нашлось на фотографии. Утомившись от поисков, Кристин присела за рабочий стол Стивена и принялась рассматривать фотографии на книжной полке, размышляя, как мало он постарел за эти годы, когда заметила, что на одном из снимков его взгляд направлен на небольшую группу наблюдателей.

И там, возле самой рамки, была она – в облегающих джинсах, на высоких каблуках, с тяжелым макияжем, – и она откровенно смотрела Стивену в глаза. От интимности момента у Кристин перехватило дыхание, и она даже попыталась вспомнить, обменивались ли они со Стивеном когда-нибудь похожими взглядами. Даже если такое и было, она не помнила. Это вина Стивена или ее? Мысль засела где-то в темных глубинах разума, словно камушек в ботинке – какое-то время на него можно не обращать внимания, но рано или поздно придется вытащить.

На каминной полке мягко пробили часы, напомнив Кристин о делах. Когда она забирала с кухонной столешницы сумку, взгляд упал на телефон. Кристин проверяла сообщения всю неделю, надеясь на новости от Коннелли, но пока тщетно.

Когда она нажала кнопку, ее ждали одиннадцать новых сообщений – от журналистов, коллег и даже соседей, которые узнали новости в Сарасоте или каком-то другом месте, куда отправлялись, когда начинали опадать листья. Она удаляла их одно за другим, но замерла, когда кухню наполнил знакомый баритон.

– Кристин, это Гэри. Позвони, когда это услышишь.

Кристин нажала «Сохранить» и включила следующее сообщение, не желая общаться с агентом Стивена. Но оно тоже оказалось от Гэри. В его голосе звучало странное напряжение.

– Это снова я. Пожалуйста, перезвони и дай знать, что ты в порядке.

В порядке ли она?

Кристин выдохнула. Она ценила его заботу, но ее состояние в последние дни вряд ли можно было назвать «в порядке». Она снова нажала на кнопку. На этот раз Гэри говорил почти испуганно.

– Господи, Кристин. Куда ты запропастилась? Я уже второй день пытаюсь до тебя дозвониться и каждый раз натываюсь на чертов автоответчик. Позвони, когда получишь это сообщение. Нам нужно поговорить.

Посмотрев на часы, Кристин закатила глаза. Времени оставалось лишь на один телефонный звонок – явно не про авторские права. Она хотела – нет, *имела право* — хотя бы узнать имя женщины, которая умерла с ее мужем.

Номер Коннелли Кристин набрала на память – после четырех неудачных попыток она запомнила его наизусть. Не сказать, что она ожидала застать Дэниела на рабочем месте. Когда она звонила, он всегда был на каких-то расследованиях или на допросе. В этот раз ничего не изменилось.

Трубку сняла его сотрудница – она сообщила, что детектива Коннелли нет на месте, и перенаправила Кристин на голосовую почту. Кристин оставила очередное сообщение – насколько она помнила, пятое – и отключилась. Возможно, его постоянная недоступность лишь совпадение, но Кристин начала подозревать, что он избегает звонков. Возможно, он узнал больше, чем хотел, и пытался уберечь ее от правды. В таком случае он напрасно теряет время. Поезд ушел.

Кристин снова проверила время и взяла сумочку. Сегодня ей предстоит прощание с мужем. Но сперва придется прорваться сквозь толпу журналистов у ворот.

Обхватив руль липкими от пота ладонями, Кристи задом выехала из гаража на подъездную дорогу и потянулась к пульту. Когда Стивен настоял на установке глухого забора и ворот, чтобы отгородиться от сумасшедших фанатов и зевак, она назвала его параноиком, но теперь была благодарна. Хотя вряд ли Стивен предвидел, что зеваками окажутся журналисты, осаждающие его вдову.

Суматоха началась в этот момент, когда начали открываться ворота, – журналисты с блокнотами и камерами в телефонах пытались протиснуться внутрь словно красные муравьи. Видимо, они прочитали в «Геральде» сообщение о похоронах и надеялись урвать интервью прежде, чем Кристин покинет дом. Она осторожно надавила на педаль

газа и двинулась дальше. Кристин задержала дыхание, сосредоточенно глядя в зеркало заднего вида, и въехала в толпу плотоядных лиц. Еще несколько метров, и она выберется из дома.

Она уже собиралась облегченно выдохнуть, когда мясистый кулак ударил в окно с водительской стороны. Кристин, сдавленно охнув, нажала на тормоза и повернулась к мужчине в красной парке, который прижимал к стеклу газету. И вдруг Кристин с ужасом поняла: журналисты собрались здесь не из-за похорон. Они хотели узнать ее реакцию на жуткое изображение, глядящее с первой страницы «Экзаминера», – пустые глаза неизвестной спутницы Стивена.

ГОЛАЯ И МЕРТВАЯ: ИЗ МАШИНЫ СТИВЕНА ЛАДЛОУ

ДОСТАЛИ ЗАГАДОЧНУЮ БЛОНДИНКУ

Когда Кристин прочла заголовок, мир пошатнулся – медленный толчок, заметный лишь ей одной. Словно почувствовав ее смятение, журналисты принялись задавать вопросы, и голодный галдеж перерос в настоящее безумие. Она лихорадочно попыталась продумать путь к отступлению, но оказалась безнадежно отрезана и от дороги, и от открытой двери гаража. Придется бежать.

Они устремились к двери, едва ее ноги коснулись земли, – словно стая чаек к ребенку с картошкой фри. Кристин пришлось расталкивать толпу локтями, отчаянно упираясь взглядом во входную дверь. Как только получится войти в дом и запереться, она будет спасена. Но это понимали и журналисты, оттесняя ее от ступеней, – оставалось лишь пробиваться с боем.

Опустив голову, Кристин нырнула в толпу и принялась протискиваться среди алчущих лиц, которые словно слились в одну жадную сущность, блокируя ей путь. Когда Кристин наконец добралась до входа в дом, она почти плакала и едва не выронила ключ. Она потеряла по дороге шарф, верхняя пуговица пиджака болталась на одной нитке, но Кристин было плевать. Главное – добраться до убежища.

– Миссис Ладлоу! – внезапно выбился из общего гула женский голос. – Вы знали женщину, которую достали из машины вашего мужа

в день его смерти? Состояли ли они в сексуальной связи?

Все сразу утихло, дожидаясь ответа. Когда его не последовало, вопросы возобновились.

– Вы можете прокомментировать тот факт, что на ней не было одежды, когда ее достали из машины?

– Полиция пока не огласила личность женщины. Вы можете назвать ее имя?

– Вам известно, как долго продолжались отношения?

– Были ли и другие женщины или она первая?

Вставляя ключ в скважину, Кристин едва сдерживала рыдания. Оказавшись внутри и закрывшись на замок, она уже сглатывала слезы. Она сама не знала, как долго простояла на одном месте, неспособная даже пошевелить ногами, но вдруг почувствовала – ее сейчас вырвет. В панике она бросила сумочку и побежала к кухонной раковине. Кристин никогда не любила толпу, но армия журналистов со шквалом вопросов о любовнице ее погибшего мужа – совершенно новый уровень дискомфорта.

Кристин умылась, достала из холодильника бутылку воды и вернулась в гостиную, стараясь избегать окон. Сумочка по-прежнему лежала на полу. Кристин наклонилась ее поднять и замерла, увидев внутри мятый экземпляр «Экзаминера» – несомненно, дело рук журналистов.

Кристин дрожащими руками расправила бумагу. Фото явно сделано в морге. Но кем? И как оно оказалось на обложке популярной газеты? Лицо неизвестной смотрело на нее с зернистого черно-белого снимка, и некогда яркие лиловые глаза обрели невнятный серый оттенок. Собрав силу воли в кулак, Кристин пролистнула газету и нашла статью на две страницы с очередным скандальным заголовком:

ВЫ ЗНАЕТЕ ЭТУ ЖЕНЩИНУ?

К статье прилагались четыре дополнительные фотографии – одна неприятнее другой. На первой – сильно увеличенной и размытой – явно виднелось родимое пятно в форме полумесяца на правой груди погибшей, обведенное ярко-красными чернилами. Еще два снимка лица: один – в фас, другой – в профиль. На последнем снимке она

лежала на каталке, и отполированный ноготь пальца правой ноги выглядывал из-под простыни, скрывающей нижнюю часть тела.

Сама статья оказалась не лучше – со множеством мрачных намеков и жутких инсинуаций, хотя, судя по уликам, напрашивалось одно-единственное очевидное заключение. Кристин рассмотрела черные квадраты, прикрывающие груди женщины – явно с целью скорее привлечь внимание, чем соблюсти приличия. Все в статье – откровенные фотографии, имя знаменитости, безвременная гибель красивой блондинки – создавало атмосферу эротической трагедии, намеренно пробуждая в памяти фамилии вроде Мэнсфилд или Монро. Только у этой блондинки фамилии *не было*.

Хотя момент, когда журналисты выяснят ее личность и раскопают оставшуюся часть истории, – лишь вопрос времени. Поборов очередной приступ рвоты, Кристин взяла пульт и принялась переключать каналы. И совсем скоро – всего через три клика – на экране появилось лицо Стивена. И ее собственное лицо. Фотография, сделанная три года назад во время отпуска на Барбадосе. Где они ее достали?

«Стивен и Кристин Ладлоу поженились в 2007 году, – рассказывал ведущий, когда на экране появилась очередная порция фотографий. – Их брак был во всех смыслах счастливым. Но последняя информация заставляет задуматься, не состоял ли Ладлоу в связи с недостаточно одетой женщиной, чьи фотографии появились в нескольких газетах. Когда водолазы извлекли ее тело из автомобиля Ладлоу, никаких опознавательных знаков обнаружено не было. По сообщениям властей, в данный момент проводится расследование. Супруга Ладлоу от комментариев отказалась. Мы сообщим вам, как только появится новая информация».

Кристин нажала на кнопку, переключая каналы кабельного телевидения. История звучала отовсюду. Разные говорящие головы, разные фотографии, но суть одна. Знаменитый писатель погиб, изменяя жене с загадочной блондинкой. Только теперь новость касалась не только Стивена и незнакомки. Теперь она касалась и Кристин.

Она пошла на кухню, взяла телефон и набрала номер полиции Клир Харбор. На этот раз, когда ответил дежурный сотрудник, Кристин отказалась оставлять сообщение на автоответчик.

– Нет, я *не хочу* оставлять сообщение, – раздраженно рявкнула она. – Я уже оставляла. Пять раз, а толку ноль. Поэтому я прошу вас пойти и отыскать его прямо сейчас. И не надо рассказывать, что он на допросе или на выезде по делу. Я и есть дело. Мой покойный супруг – дело. Так что, если вы не хотите, чтобы я заявила к вам лично, позовите его к телефону.

Ответа не последовало – лишь короткий щелчок и пустая тишина. Дожидаясь, Кристин подняла с пола бутылку с водой и приложила ее к щеке, а потом к шее. Она гадала, какую отговорку они найдут на этот раз, и чуть не выронила трубку, когда услышала голос Коннелли.

– Кристин, прости. Я погряз в работе. Уверен, ты видела... что произошло.

– Да, видела, – резко ответила Кристин. – Я видела: дорога к моему дому настолько переполнена журналистами, что я не могу проехать на похороны мужа. Ты вроде обещал сохранить все в секрете.

Последовала долгая пауза, а затем Коннелли резко кашлянул.

– Произошла утечка, Кристин. К сожалению, иногда такое случается. Если начальство узнает, кто именно это был, его уволят, но Джинн уже вырвался из бутылки.

– Джинн вырвался из бутылки? И ты говоришь мне это после того, как журналист ткнул мне в лицо фотографию вашей полуголой жертвы? Вот как я узнала про утечку. Не по телефону, а от шайки репортеров под моей дверью.

– Кристин, я не хотел, прости. Но все уже случилось. Фотографии опубликованы, и медиа хотят знать, что нам известно.

– И что же вам известно?

Очередная долгая пауза и тяжелый, медленный выдох.

– К сожалению, немногим больше, чем в ночь происшествия. Сегодня утром, когда опубликовали фотографии, появилось несколько наводок. Мы проверяем их, но в таких делах очень часто бывает ложный след. Так что пока ничего конкретного. Кем бы она ни была, ее никто не ищет. Во всяком случае, на данный момент.

– А мне что делать? Я живу на частной дороге и не могу выбраться из дома. Они практически оккупировали мое крыльцо. Я даже ворота закрыть не могу.

– Я отправлю машину, чтобы выгнать их с частной собственности и очистить улицу. Не могу гарантировать, что они не вернуться, но ты

хотя бы сможешь выдохнуть.

– И ты позвонишь мне, когда наконец что-нибудь узнаешь?

– Кристин, – его голос прозвучал до противного по-отечески, – иногда лучший вариант – просто жить дальше и вспоминать хорошие времена, а не заикливаться на плохом. Имя ничего не изменит. Почему бы не оставить полицейские дела нам, м-м?

– Потому что речь не о полицейских делах, детектив. Речь о моей жизни. О моем муже. О моем браке. О моем доме. Пожалуйста, не нужно снисхождения. Насколько я вижу, право жены узнать правду наталкивается на желание дружка по покеру скрыть непристойные подробности. Если вдуматься, ты выглядел не слишком удивленным из-за женщины в машине моего мужа.

– Кристин...

– Ты знал, верно? Может, не ее имя, но ты знал, что она существует.

Еще один вздох, еще более тяжкий.

– Я не был уверен, но подозревал. Иногда он о подобном упоминал. Ничего конкретного, так... кое-что. Но имени он никогда не называл, а я и не спрашивал.

– Разумеется. Это бы нарушило правила.

– Правила?

– Клуба изменщиков, или как вы там его называете? Один за всех, и все за одного. Это ведь так работает?

– Слушай, Кристин, я понимаю, тебе пришлось нелегко, но я уверен в одном – Стивен...

– Не надо! – отрезала она, перебив Дэниела. – Даже не смей говорить о его любви ко мне. Я позвонила не для того, чтобы ты убедил меня, будто полуголая женщина в машине моего мужа ничего не значит. Для меня – значит. И думаю, я имею право хотя бы узнать ее имя – и не из газет. Прошла уже неделя, и, честно говоря, я подозреваю, что ты бегаешь от меня намеренно.

– В чем ты меня обвиняешь? – Покровительственность исчезла, ее сменила сердитая осторожность.

– Я ни в чем тебя не обвиняю. Просто хочу узнать имя. И телефон или адрес человека, который сможет рассказать об отношениях моего мужа с этой женщиной.

– Послушай, у меня нет такой информации, но даже если бы была, я бы не мог ее сообщить. У жертв есть права, Кристин. И у их близких. Другими словами, существуют определенные правила. И если мы их нарушим, начнутся проблемы. Я проработал здесь кучу лет и посмотрелся всякого дерьма. На данный момент мое единственное желание – мирно уйти на покой и провести несколько лет на маленькой яхте на архипелаге Флорида-Кис. И я не стану рисковать шеей, даже ради жены друга. Понимаю, звучит жестко, но я вынужден думать о себе. Смерть Стивена даже не была убийством, а значит, тебе вообще следует обсуждать ее не со мной. Тут, скорее, дело о пропавшей без вести, хотя пока заявок по ней не поступало. В любом случае это вне моей компетенции. А теперь мне надо работать. Я пришлю патрульную машину, но больше сделать ничего не могу, прости.

И Дэниел Коннелли положил трубку.

Кристин еще стояла возле столешницы, размышляя, почему ее так отшили, когда телефон зазвонил снова. Она схватила трубку, надеясь, что Коннелли передумал. Но это оказались «Дорси энд Санс». В суматохе она забыла, что друзья и коллеги Стивена собираются воздать ему дань памяти и недоумевают, где его вдова.

Как оказалось, она зря тревожилась. Шквал новостей сократил количество скорбящих до неловкой горстки. Впрочем, совершенно неудивительно. Какой здравомыслящий человек захочет смотреть ей в глаза, а тем более разглагольствовать о том, за какого прекрасного парня она вышла замуж?

Выражаясь как можно туманнее, Кристин объяснила, что задержалась по непреодолимым обстоятельствам и вряд ли сможет добраться в ближайшее время. Мистер Дорси – видимо, один из сыновей – с максимальной деликатностью осведомился, как поступить. Она посоветовала ему отменить церемонию и просто провести кремацию, и он с болезненной вежливостью согласился. Он ничего не сказал, но, несомненно, видел фотографии. Их уже видели все. Старая поговорка оказалась правдивой – жена действительно узнала последней.

Два часа спустя за окном послышался резкий вой полицейской сирены. Кристин поспешила к окну гостиной и увидела, как к ее дому подъезжает патрульный автомобиль с синими огнями. Из машины вышел офицер и начал размахивать руками, указывая на таблички «Прохода нет», развешанные вдоль забора. Сперва послышались вялые протесты, но постепенно толпа двинулась в открытые ворота.

Кристин наблюдала, как медленно освобождается дорога и постепенно разъезжаются фургоны. Когда уехал последний, она подошла к панели управления в прихожей, закрыла ворота и вернулась к окну. Постояла какое-то время, пялясь на пустую улицу и пытаясь почувствовать нечто вроде облегчения. Впервые за семь дней перед домом никого не было, и журналисты не затаились в ожидании.

Собрав в кулак все оставшиеся силы, она добралась до спальни и разделась. Кристин думала о потерянном на улице шарфе, когда на террасе послышался шум. Она с любопытством подошла к двери, присмотрелась сквозь собственное отражение и с изумлением обнаружила журналиста с камерой, а ведь на Кристин были только трусы.

Слишком напуганная, чтобы закричать, она бросилась на пол, стащила с дивана покрывало, обернулась и потянулась за телефоном. Поняв, что его обнаружили, нарушитель спокойствия слетел со ступеней, споткнулся о стул во дворике и побежал к забору. Через мгновение его уже не было.

Кристин посмотрела на трубку в своей руке. Звонок в 911 ничего не решит. Ей удалось прогнать одного, но будут и другие – перелезть через забор, заглядывать в окна, штурмовать машину, когда она в следующий раз попытается покинуть дом. Они никогда не оставят ее в покое.

Если только она не уедет.

С почти зловещим спокойствием Кристин встала, подошла к шкафу, надела джинсы и потрепанную толстовку и достала с верхней полки старую сумку. Много вещей не понадобится: джинсы, леггинсы, пара свитеров и туалетные принадлежности из-под раковины. И содержимое сейфа.

Собрав сумку, она направилась в кабинет, не обращая внимания на по-прежнему лежащую лицом вниз фотографию, набрала код на сейфе, дождалась зеленого огонька и принялась, не глядя, запихивать

содержимое в сумку: страховые полисы, документы по инвестициям, свидетельства о рождении и конверт Стивена с наличными деньгами на экстренный случай – как он шутил, на случай зомби-апокалипсиса. Вполне в духе Стивена: он думал, что сможет купить собственное спасение даже при конце света.

Кристин закрыла сейф и собралась уходить, когда ее взгляд упал на левую руку и кольцо, символизирующее ее брак, – двухкартанный бриллиант. Только самое лучшее для жены Стивена Ладлоу. Оно легко соскользнуло с пальца; видимо, после недели на чае и бутербродах она похудела. Рука казалась непривычно легкой, но Кристин положила кольцо на стол, не испытывая чувства вины. Стивен покинул их брак какое-то время назад. Теперь ее черед.

Задержав дыхание, Кристин выглянула из окон. Похоже, пока чисто – никаких фургонов у ворот, никаких фотографов в засаде. Кристин взяла сумки, вышла на крыльцо и поспешила к «Роверу», стоящему посреди двора.

С громко бьющимся сердцем она села за руль, заблокировала все четыре двери и завела мотор. Потом нажала кнопку на пульте. Ворота бесшумно раскрылись, и Кристин увидела перед собой пустую улицу.

Она почувствовала пьянящее облегчение и одновременно тревогу, когда нахлынули воспоминания о другой ночи – другой наскоро собранной сумке, другом торопливом бегстве. Сложно не увидеть иронию. В шестнадцать лет Кристин ускользнула из дома посреди ночи и побежала куда глаза глядят. Теперь, двадцать лет спустя, она убегала вновь.

Четыре

Равенел, Южная Каролина.

8 января 1994 г.

Кутаясь в куртку, Кристи-Линн идет по мокрому тротуару и жалеет, что не оставила учебники по математике и естествознанию в шкафчике. На улице до безобразия холодно, даже для января, и идет ледяной дождь. Кристин бредет, опустив голову и спрятав ее в огромном капюшоне, словно черепаха, и видит лишь асфальт у себя под ногами.

Онемевшие от холода руки сжаты в кулаки и спрятаны глубоко в карманах. Там ключ от квартиры. Кристин крутит его в пальцах, предвкушая чашку горячего шоколада, которую приготовит дома, если он остался. Сейчас она уже согласна и на чай. Если он горячий.

Девочка ускоряет шаг, когда впереди появляется знак «Пальм Манор Апартаментс» – краска с букв осыпается туда, где когда-то был палисадник, а теперь лишь грязная лужа с фантиками и окурками. Еще несколько шагов, и Кристин окажется внутри, в сухости и тепле, с кружкой горячего напитка. И будет читать «Изгоев».

Этот роман им задала миссис Кендрик, учительница по английскому, но он был совсем не похож на домашнюю работу. Как чтение можно назвать работой, если ты встречаешь людей и посещаешь места, которых никогда не увидел бы в реальной жизни? Кристин улыбается, думая о Черри, Понибое и красавчике Соданопе. Они стали ее друзьями – изгой, как и она, из неправильной части города. Только они были вместе, а у нее нет никого, для детей в брендовых джинсах, живущих в красивых домах, она лишь уродливая одиночка из иного мира. Наверное, было бы здорово вступить в банду – только не ту, где продают наркотики и убивают людей, а ту, где ее не будут дразнить за одежду из секонд-хенда и обед в коричневом бумажном пакете.

Кристин все еще раздумывала над плюсами и минусами вступления в банду, когда влажную из-за дождя тишину пронзили отчаянные ругательства.

– Гребаный дождь! Каждый раз, когда мне приходится кого-то вышвыривать, идет гребаный дождь!

Кристи-Линн поднимает голову, сбрасывает капюшон с лица, высматривает источник звука и замирает, заметив кучу одежды и мебели на мокрых ступенях возле их квартиры. А потом бежит – дождь льет в глаза, в животе сжимается узел, а Кристин бежит к мужчине, который тащит лампы, купленные ее матерью несколько месяцев назад.

– Что вы делаете? Это наши вещи!

– А это моя квартира, – отвечает мужчина, указывая пальцем на открытую дверь. Он высокий и крепкий, в мокрой майке и грязном сером комбинезоне. – Конечно, если у вас нет шестисот долларов. А как я догадываюсь, их нет – твоя мама столько не зарабатывает.

– Но вы не можете! Ее даже здесь нет!

– Могу, – отрезает мужчина. И, словно в подкрепление собственных слов, швыряет лампы на промокшую кучу домашней утвари. Один из абажуров скатывается на тротуар, и с тошнотворным треском разбивается лампочка. – Так написано в договоре, подписанном хозяйкой квартиры. Два месяца задержки, и вы съезжаете.

В дверях появляется мальчик с охапкой полотенец и подушек. Он ненамного старше нее – лет четырнадцать или пятнадцать – и очень похож на отца: такие же соломенные волосы, твердая челюсть, холодный взгляд. Он издали кидает подушки в кучу и улыбается жестокой улыбкой. Он не впервые помогает отцу выселять людей.

Выселение.

Это слово наполняет Кристин стыдом. Она знала, дела или туго, ее мать едва сводила концы с концами, они жили на хот-догах и макаронах с сыром, но Кристин никогда не понимала, что все настолько плохо. Неудивительно, что матери приходится брать дополнительные смены в «Пиггли Виггли» и что она всегда выглядит такой измотанной, будто еще немного, и рассыплется на кусочки.

Кристи-Линн продолжает пялиться на мокнущую кучу вещей, не сводя взгляда с пушистой фиолетовой ноги – плюшевый динозаврик, подарок матери на шестой день рождения, – когда ее внимание привлекает то ли движение, то ли звук. Внутри все сжимается, когда в окне над головой раздвигаются шторы и появляется пара лиц. И это

не единственные наблюдатели. По всему комплексу люди выглядывают из окон или стоят в дверях и смотрят, что будет дальше. И от этого почему-то становится хуже.

Кристин преодолевает желание заплакать. Чем это поможет? Нужно позвонить матери, сказать, что происходит, – вот только ее начальник не любит, когда ей звонят на работу, а меньше всего им сейчас нужно, чтобы Шарлен Паркер уволили. Кроме того, звонить все равно неоткуда. Даже если Кристин впустят в квартиру – чего, скорее всего, не случится, – телефон отключили еще несколько недель назад.

Снова появляется сын мужчины, на этот раз с ношей в виде кастрюль и сковородок, в том числе с железной сковородой, в которой ее мать готовит кукурузный хлеб. Он с грохотом швыряет их на ступени и поворачивается к отцу, чтобы забрать протянутую коробку. Похоже, в ней вещи из-под раковины: спрей для мытья стекол, жидкость для посуды, наполовину использованный рулон бумажных полотенец. Кристин наблюдает, как картон темнеет под дождем и полотенца медленно размокают.

Именно бумажные полотенца становятся последней каплей – невыносимо смотреть, как они раскисают под острой ледяной моросью. Вещей у них немного – с этим сложно поспорить, когда все имущество свалено в отвратительную кучу на ступенях. Неужели он не мог хотя бы сохранить бумагу? В Кристин внезапно закипает гнев вперемежку со стоящими в горле слезами. Дело не в несправедливости; если они действительно два месяца не платили за аренду, мужчина имеет право их выселить. Но неужели нужно выкидывать их вещи под дождь на глазах у всего дома?

Снова появляется сын, на этот раз с тарелками и кружками. Он ставит их на тротуар, достает из-под мышки кухонные полотенца и швыряет их в лужу. Кристин хочется подбежать, свалить его с ног и избить до крови, но он слишком большой.

– Твой отец – ублюдок, ты в курсе? – сдавленно бросает она, ненавидя себя за слезы.

Он смотрит на нее сквозь дождь – мокрые соломенные волосы прилипли к голове, – а потом пожимает плечами.

– Если тебе нужны эти вещи, лучше займись делом.

Он наклоняется к коробке с чистящими средствами и достает упаковку пластиковых мешков для мусора. Не целясь, кидает их Кристин.

– Если в течение часа не уберешь вещи с тротуара, они отправятся на свалку.

Кристи-Линн наблюдает, как парень снова исчезает в квартире. А потом – больше ей ничего не остается – наклоняется за упаковкой пакетов, отрывает один и начинает набивать его мокрой одеждой.

Пять

*Свитвотер, Вирджиния.
20 ноября 2016 г.*

Уэйд Пирс устало пялился на мигающий курсор. Снова не то. Три часа на одну чертову сцену, и *по-прежнему* не то. И еще три часа тоже не решат проблему. Проблема не в сцене; проблема в нем. Он раздражителен и невнимателен, и голова гудит из-за избытка кофе. Измучившись, он оттолкнулся от стола и направился к холодильнику за «маунтин дью», но в итоге предпочел бутылку воды. Меньше всего ему сейчас нужен дополнительный кофеин. Сделав большой глоток, Уэйд отодвинул стеклянную дверь и вышел на веранду.

Тяжелый серый воздух наполнился ароматом влажной почвы и далекого дыма. Приятый земляной запах. Никаких выхлопных газов. Никакого вонючего мусора и залитых мочой переулков. Уэйд сделал глубокий вдох, рассматривая круглые холмы, окружившие городок Свитвотер. Листва, пылавшая на холмах последние несколько недель, исчезла, оставив пейзаж, подходящий его настроению – промозглый, бесплодный, бесцветный. Возможно, покинуть цивилизацию было не лучшим решением для городского мальчика. А может, его просто достало собственное общество.

Тогда отъезд казался хорошей идеей. Хотя правильнее называть это бегством. Возвращением к тому, что наполняет душу, а не только счет в банке. Но план не сработал. Ему нравилось воображать, как он сбежит в глушь, будет вести жизнь отшельника и воссоединится с музой, но этого не произошло. Во всяком случае, не полностью.

Он надеялся на покой, своеобразную завершенность после внезапного и отчасти неожиданного ухода из «Уик ин ревью». Но переезд в Свитвотер не принес ничего даже отдаленно похожего на покой. Вместо этого основную часть дня Уэйд проводил в сомнениях – мудро ли гнаться за мечтой, которую следовало похоронить еще двадцать лет назад.

Писатель. После стольких потерянных лет, стольких эпизодических попыток и начинаний он продолжает упорствовать.

Вероятно, у него проблемы с головой. Некоторые рождены с даром царя Мидаса – Стивены Ладлоу этого мира, кармические алхимики, которые умудряются превращать мусор в золото, нарушая все правила и без особых усилий наслаждаясь славой, богатством и обожанием миллионов. И вдобавок получают возлюбленную, которая никогда не предаст. А некоторые парни вроде него упорно идут к своей цели, но каждый раз оказываются в конце очереди.

Черт, может, пора собрать вещи и вернуться в Нью-Йорк? Восстановить репутацию одного из лучших журналистов города. Правда, возвращаться особо не к чему. Он бросил работу и потерял жену. А насчет Ладлоу все давно поросло быльем. Таить обиду за случившееся двадцать лет назад – удобное оправдание, но отказ от писательства стал собственным выбором Уэйда. И потому он останется здесь, где в детстве каждое лето рыбачил с бабушкой, и займется тем, ради чего приехал. Он закончит книгу, и не важно, что из этого выйдет.

Глядя на озеро, он подумал о бабушке, о жарких полднях, проведенных на воде в ожидании клева. Теперь старика больше нет, упокой Господь его душу, и пустовавший на протяжении долгих лет домик принадлежит Уэйду. Сначала возвращение вызвало странные чувства. Первые три месяца он приводил жилище в порядок – ремонтировал, обновлял, устранял протечки, налаживал проводку. Теперь стало уютно, хоть весьма по-спартански. Самое прекрасное, что тут нет ни телефона, ни телевизора, ни интернета. Помимо мобильного для экстренных ситуаций и периодических бесед с почтальоном, Уэйд оказался полностью отрезан от мира. И это ему очень нравилось. Если случится метель, его предупредят по телефону, а о конце света он и сам предпочел бы не знать.

Поднялся ветер, закручивая серовато-коричневые листья в углах веранды в маленькие торнадо. На востоке зависли над холмами медленные, задумчивые облака угрожающего оловянного цвета. Скоро начнется шторм, и Уэйда это вполне устраивает. Ему никуда не нужно, а под дождем пишется лучше.

Он как раз собрался заходить внутрь, когда зазвонил телефон. В последние дни звонки раздавались так редко, что Уэйду не сразу удалось определить источник звука. Зайдя в дом, Уэйд взял с

холодильника мобильный, ожидая услышать голос Джастина, который должен был привезти заказанную на прошлой неделе связку дров.

– Уэйд! Приятель! Ты там как?

Ясно, не Джастин. Уэйд попытался связать голос с лицом и наконец остановился на Глене Хойте, лучшем криминальном обозревателе «Уик ин ревью». Они написали вместе несколько материалов о грязных политиках, набивающих карманы за счет города. Когда нужно было копаться в нечистотах, все шли к Глену. Он тоже пытался отговорить Уэйда от увольнения.

– Глен? Что случилось?

Глен издал короткий смешок, и Уэйд живо представил, как он откидывается на кресло.

– Да, это я. Звоню узнать, готов ли ты вновь присоединиться к крысиным бегам.

– Дай угадаю, тебя попросил Киллиан.

– Нет, но я уверен – наш обожаемый главный редактор готов убить за возможность вновь запустить в тебя когти. Хотя сомневаюсь, что после случившегося такое произойдет. Ты, гм... выразился весьма прямолинейно.

– Кто-то должен был.

– Возможно, но, господи, приятель, назвать человека черствым ублюдком перед всей редакцией? Немного чересчур, не находишь?

– Просто озвучил правду.

– Скорее, сжег мосты.

– Мосты нужны только тем, кто планирует возвращаться. Я не планирую.

– Хорошо, понял. Но не обижайся за попытку. С тех пор, как ты ушел, все изменилось. Киллиан перепробовал трех человек, пытаясь найти тебе замену. Последний был хуже всех. Ублюдок двух слов связать не мог. – Ненадолго повисло молчание. Глен кашлянул. – Ну как... Нет новостей от Симоны?

Уэйд моргнул при упоминании бывшей жены. Он готовился к этому вопросу, но тот все равно застал врасплох, как выбивает из легких воздух заранее замеченный удар.

– А с чего бы ей мне звонить?

– Ну не знаю. Может, по старой памяти? Она ушла сразу после тебя.

– Нет, – холодно ответил Уэйд. – Я с ней не общался. Нам больше не о чем разговаривать. Судья прекрасно разрешил все наши вопросы.

– Черт. Отстой. Я надеялся, вы помиритесь, хотя недавно слышал, у нее кто-то появился.

После его слов повисло молчание. *«Кто-то появился»*. Ну разумеется. Долгое одиночество не в стиле Симоны. Ей нужен близкий человек, альтер эго, которое заполнит ее пустоты. Какое-то время эту роль исполнял Уэйд.

– Личная жизнь Симоны меня не касается, Глен.

– Конечно. Конечно. Я просто подумал, вдруг ты к ней по-прежнему равнодушен.

– Нет. Равнодушен.

– Ага. Хорошо. Говорят, он какая-то шишка с телевидения. Высокий брюнет с укладкой. Работает в вечерних новостях. Думаю, они живут вместе.

Уэйд поставил бутылку воды и полез в холодильник за пивом. Снял крышку, бросил ее в раковину и сделал большой глоток. Уэйд сам не понимал, почему новости доставляли боль. Симона всегда хотела перебраться из газеты на телевидение. Внешние данные позволяли, не говоря об инстинктах, необходимых для подъема по пищевой цепи.

– Ты еще там, приятель?

Уэйд вздрогнул.

– Что? А, да. Просто... занят.

– Ну хорошо. А то мне показалось, ты отключился. Как дела с книгой? Ты говорил, скоро ее закончишь. Как успехи?

– Хорошо, – нехотя солгал Уэйд. – Уже вношу правки.

– Да, ты всегда тщательно вычитывал. Расставлял все точки над «i». Подбирал каждое слово. Киллиан реально облажался, когда упустил тебя.

Уэйд посмотрел на часы, желая поскорее закончить разговор.

– Слушай, я тут немного занят редактированием, но, если ты захочешь приехать в глушь, порыбачить, дай знать.

– Звони, приятель. Я всегда на связи. Серьезно. По любым вопросам.

Уэйд закончил разговор, допил остатки пива и потянулся за второй банкой, надеясь утопить воспоминания о работе в «Уик ин

ревью». Нет, плохо было не всегда. На самом деле вначале было даже очень увлекательно. Несмотря на сумасшедшую нагрузку, Уэйд наслаждался работой. Брал интервью у узников войны и выживших в Холокосте; у жертв насилия, инцеста, расизма и массовой стрельбы; у людей, переживших взрывы нефтяных танкеров, и жен пожарных, погибших при падении башен 11 сентября. И каким-то образом даже умудрился получить премию Херста.

Но со временем границы между новостями и сенсациями размылись, и укоренилось мнение, что человеческий интерес утрачен. Теперь людям нужны шок, ужас и кровь, кошмарные детали трагедий, потому что страх ценится и всегда ценился больше надежды.

События достигли критической массы, когда Киллиан заказал ему интервью с двенадцатилетним ребенком, пережившим массовую стрельбу в средней школе Кристал-Лейк: у него на глазах убили мать – помощника учителя. Именно тогда Уэйд подвел черту и ушел, но перед этим высказал свое мнение о Киллиане на глазах у всего коллектива.

Такая у Уэйда была привычка – говорить все, что думает. Обычно сгоряча, и часто при свидетелях. Но он не жалел ни о едином сказанном Киллиану слове. Некоторым людям необходимо иногда получать дозу правды. Киллиан был из таких. Как и Стивен Ладлоу.

Шесть

*Клир Харбор, Мэн.
29 ноября 2016 г.*

Кристин выехала на практически пустое шоссе. «Скатертью дорога», – подумала она, когда фары «Ровера» осветили грязные остатки вчерашнего снегопада, убранные на обочину. Кристин сама не понимала, куда едет. Но знала: снега на земле там не будет.

Ей нужен какой-нибудь маленький городок в глуши, желательно там, где никто не слышал о Стивене Ладлоу, где она сможет затаиться и разобраться с остатками своей жизни. Если только такое место есть. Но, разумеется, его не существовало. «Экзаминер» об этом позаботился. Но с форой в несколько дней, возможно, Кристин успеет исчезнуть, пока не уляжется суэта или внимание мира не привлечет какой-нибудь новый скандал.

А пока Кристин нужно оказаться как можно дальше от Клир Харбор. Единственный вопрос – как далеко ей удастся уехать, прежде чем ее догонят суматоха и последствия содеянного.

Два часа спустя Кристин получила ответ на этот вопрос. В глазах начало рябить еще несколько километров назад, и она несколько раз поймала себя на том, что засмотрелась на белые линии шоссе. Кристин понятия не имела, где находится, когда наконец заехала на заправку, но обрадовалась возможности размять ноги.

Она посетила уборную, где пахло хлоркой и вишневым освежителем воздуха, а потом купила пару бутылок воды и несколько упаковок крекеров. Это было не первое бегство Кристин; ей уже приходилось жить на воде и крекерах с арахисовой пастой несколько дней подряд. Чем реже она будет останавливаться, тем меньше шансов, что ее узнают. Ей уже не шестнадцать, у нее есть деньги, ее лицо точно не появится в объявлении о разыскиваемых, но ставки почему-то казались не менее высокими. Она восстановила в памяти основные правила игры. Никому не говори настоящее имя. Выбери фальшивое и используй только его. Постриги волосы. Скрывай все татуировки. Сними украшения.

Выехав обратно на шоссе, она посмотрела на свои руки, лежащие на руле, и на безымянный палец без кольца. Она хотя бы позаботилась об украшениях.

Когда она наконец добралась до Вирджинии, солнце уже клонилось к закату. Она съела последнюю упаковку крекеров в районе полудня, а польза от часового сна на стоянке для отдыха давно не ощущалась. Нужно поесть и поспать, и как можно скорее. К сожалению, Кристин понятия не имела, где находится. Возможно, пора достать атлас и просто выбрать пункт назначения.

Но атлас даже не понадобился. Всего через несколько километров она заметила плакат «Исторический центр Свитвотер». Название казалось знакомым, пробуждая воспоминания о мощеных улицах и маленьких галереях, о старомодной гостинице с колодцем желаний во дворе – и о Стивене. Сама того не желая, Кристин угодила в один из маленьких городков, где они проводили медовый месяц.

Они остановились в небольшой гостинице, названия которой она вспомнить не могла, ели рыбу с картошкой в пабе «Расти Нейл» и занимались всякими пустяками. Тогда они были счастливы – молодожены, которых ждет целый мир. Что случилось с этой парой?

Кристин импульсивно свернула на главную улицу и проехала по центру города. Изменилось не многое. Городок был маленьким и живописным, с модными магазинчиками и местными кафешками вдоль тротуаров. При мысли о еде рот наполнился слюной, но первым делом нужно было найти место для ночлега.

Кристин заехала на парковку первой же увиденной гостиницы, переделанной из старого фермерского дома, под названием «Файф энд Фезер». Небольшое, но симпатичное двухэтажное здание, обшитое белыми досками, с черными ставнями и маленьким крыльцом из битого кирпича.

На входной двери висел венок из листьев магнолии, перевязанных кремовой сатиновой лентой, – Кристин вдруг вспомнила, что недавно прошел День благодарения. В суете после гибели Стивена она попросту забыла про праздник, как и про заранее заказанную в «Лонгли» индейку. Продолжая размышлять о судьбе не востребовавшей

птицы, Кристин зашла в уютный холл «Файф энд Фезер» – небольшую комнатку с низким потолком, обставленную мебелью в стиле шейкер и украшенную примитивным народным искусством.

– Привет! – улыбнулась ей привлекательная блондинка, стоявшая за стойкой регистрации. На вид ей было лет тридцать, но она все равно чем-то напоминала королеву школьного выпускного бала – бойкая и яркая, с небрежным пучком и блестящими розовыми губами. – Добро пожаловать в «Файф энд Фезер»!

Кристин пригладила волосы, с ужасом осознав, что выглядит очень потрепанной.

– Я проезжала мимо и увидела табличку «Свободные номера». Надеюсь, у вас еще есть комната?

Блондинка улыбнулась еще шире и достала регистрационную анкету.

– Вам повезло. Любители осенних пейзажей разъехались, а для Рождества еще рановато. Поэтому сейчас большой выбор. Что привело вас в Свитвотер?

– Я, хм... просто проездом.

– Значит, только на одну ночь?

– Да. Только на одну ночь.

– Ну, мы вам очень рады. Кстати, я Мисси Бек – хозяйка. А поскольку сейчас низкий сезон, я поселю вас в мою любимую комнату. У прежних владельцев, Холкомбсов, была там библиотека. Все книжные шкафы сохранились с тех времен.

Кристин не решилась сказать ей, что сейчас ее интересует исключительно кровать.

– У вас можно поужинать?

– Простите. К сожалению, у нас только завтрак. Но могу предложить вот это, чтобы заморить червячка.

Она протянула тарелку свежее испеченного овсяного печенья.

Кристин взяла печенье и вежливо откусила кусочек.

– «Расти Нейл» уже, наверное, не работает?

Мисси удивилась.

– «Нейл» закрыли много лет назад. Теперь там пиццерия, и очень неплохая, атмосферная. Значит, вы уже бывали в Свитвотере?

Кристин кивнула.

– Много лет назад, в медовый месяц.

– О, здорово. На этот раз муж тоже с вами?

– Нет, он... Я вдова.

Сказав это слово, Кристин похолодела. Она впервые произнесла его вслух и сама удивилась, насколько легко оно сорвалось с языка.

Мисси потянулась через стойку, чтобы пожать ей руку.

– О, милая, мне очень жаль. Вы так молоды. Это случилось внезапно?

– Да. Он... – Она запнулась, испугавшись, что наговорит лишнего. – Он утонул.

Это не было ложью, но и не было правдой – во всяком случае, не всей правдой. Кристин прикрыла глаза, пытаясь прогнать образы, преследовавшие ее последние дни. *«Был ли он в сознании? Боролся ли, и если да, то как скоро вода наполнила его легкие?»*

Серо-зеленые глаза Мисси наполнились сочувствием.

– Мне очень жаль. Моя подруга потеряла мужа год назад, и я видела, через что ей пришлось пройти. Знаю, вначале невыносимо, но со временем станет легче. Завтра будет лучше, и послезавтра тоже. Пока у вас есть друзья, все преодолеем.

Кристин попыталась изобразить подобие улыбки и взяла анкету. Она чувствовала благодарность за слова утешения. И даже хотела им верить. Но, если преодоление горя зависело от круга друзей, Кристин не повезло. Она периодически общалась с некоторыми женщинами из клуба – большинство из них были женами друзей Стивена. Некоторые даже прислали ей открытки с соболезнованиями, но не более – впрочем, большего Кристин и не хотела.

– Извините, – выпалила Мисси. – Вы спросили про ужин, а я, как обычно, полезла не в свое дело. Хочу порекомендовать вам «Корк энд Кливер». В двух шагах отсюда, и прекрасная кухня. Его хозяйка – Куинни Питерсон. Она моя подруга, так что я немного пристрастна, но у них правда лучшая еда в городе.

Кристин неопределенно кивнула, уставившись на строчку в анкете, где нужно указать фамилию. Использовать фамилию Ладлоу она не решилась. Вместо этого она взяла ручку и написала фамилию, с которой рассталась восемь лет назад, когда вышла замуж за Стивена. Отныне она Кристи-Линн Паркер. Главное, не забыть.

– Заплатить сейчас? – уточнила она, заполнив анкету.

– Можно завтра. Вот ключ. Комната на втором этаже. Завтрак подается до одиннадцати утра в комнате возле лестницы. Телевизоров в комнатах нет, но, если захочется узнать, что творится в мире, есть телевизор в бизнес-центре. Ой, чуть не забыла... – Она завернула несколько печений в салфетку и протянула Кристин. – Чтобы протянуть до ужина. Приятного пребывания.

– Спасибо. Я в этом не сомневаюсь.

Кристи-Линн с трудом забралась по ступеням наверх и дошла до конца коридора. Когда она наконец заперла за собой дверь, то почувствовала глубокое облегчение. Оказавшись в приятном и безопасном одиночестве, она опустила сумки на пол и устало оглядела номер.

Это была яркая, просторная комната, обставленная антикварной мебелью, в том числе великолепной кроватью с балдахином, покрытым винтажным кружевом. И Мисси не преувеличила насчет книжных шкафов; они были великолепны – заставлены классикой в поношенных разноцветных переплетах. Дефо устроился рядом с Дю Морье, Лонгфелло – возле Керуака. Маловероятные друзья стояли плечом к плечу.

Эта мысль вызвала улыбку, которая померкла, когда Кристин поймала собственное отражение в зеркале бюро. С сальными волосами и в несвежей одежде, она напоминала бездомную или беглую заключенную из женской тюрьмы. Что сказал бы Стивен, если бы сейчас ее увидел? Ничего хорошего, это точно. Как жена, она должна была поддерживать его имидж, а значит, никаких спортивных брюк на рынке или неаккуратных хвостов в аптеке. Но теперь критиковать ее было некому. Однако все равно не стоит идти в ресторан в таком виде, будто она только что вылезла из мусорного бака.

Через полчаса Кристин вышла из ванной – восхитительно чистая и пахнувшая лавандовым гелем для душа, который Мисси ставила для гостей. Она собиралась высушить голову, надеть свежую одежду и отправиться в ресторан по соседству, но внезапно поняла, что это потребует титанических усилий. Вместо этого она достала из кармана пальто приготовленное Мисси печенье. Не совсем ужин, но, чтобы его съесть, не придется одеваться.

Кристин расправилась с печеньем за несколько минут, не снимая полотенца, а потом откинулась назад, на кремовое кружевное

покрывало. Когда она закрыла глаза, в голове прозвучали слова Мисси.
«Завтра будет легче».
Хочется надеяться.

«Кристи-Линн Паркер. Кристи-Линн Паркер».

Пока она шла по улицам Свитвотера, имя пульсировало в голове, словно барабанный бой, напоминая, что вчера она закончила одну жизнь и вступила в другую. Странное ощущение – внезапно оказаться оторванной от собственной жизни, открыть с утра глаза и не понимать, где ты, куда идешь и даже что будет дальше. Но в некотором смысле это стало и освобождением – просто раствориться на улицах маленького городка. В Клир Харбор ей этого не удавалось уже много лет.

Кристин направлялась в закусочную «Фикл Пикл» на углу, когда почувствовала, что сводит пальцы. Она остановилась и переложила пакеты из одной руки в другую. Наряды хиппи, так назвал бы ее покупки Стивен. И возможно, так и было. Они явно не походили на гламурные дизайнерские бренды, которые он предпочитал на ней видеть, – впрочем, как и на дешевую офисную одежду времен ее работы в «Ллойд энд Гриффин». На самом деле удивительно, что он вообще тогда обратил на нее внимание.

Когда они познакомились, Кристин работала помощницей редактора, все еще приносила из дома обеды и водила старый «Форд Темпо» с ручными стеклоподъемниками – не самая блестящая кандидатура на роль жены. Стивен направлялся на деловой обед с редактором, когда она в буквальном смысле наткнулась на него в коридоре с охапкой макетов для обложек в руках. Стивен заговорил первым и извинился, хотя столкновение очевидно было ее виной. Теперь Кристин вспоминала случившееся с неприязнью – одна улыбка, и она утратила дар речи. Стивен отменил встречу с редактором и вместо этого пригласил Кристин на суши – она их ненавидела, но притворилась, что любит. Полгода спустя они поженились, и притворяться стало сложнее.

Кристи-Линн прогнала воспоминание, снова перераспределила пакеты и продолжила путь к закусочной. Уже возле двери она заметила

вывеску парикмахерской и сменила направление.

Когда Кристин вошла, зазвенел колокольчик. Внутри не было никого, кроме жующей жвачку парикмахерши.

– Привет. Чем могу помочь?

Кристи-Линн провела рукой по волосам, доходившим до плеч, и внезапно смутилась.

– Я думаю коротко подстричься и, возможно, сделать мелирование. Сможете?

– Дорогая, я могу что угодно, если у тебя есть время.

– Я хочу сейчас. Вы можете прямо сейчас?

Девушка обвела взглядом пустой салон и ухмыльнулась.

– Думаю, я найду для тебя окошко. – Она подошла ближе и потрогала волосы Кристи-Линн. – У тебя хорошие волосы. Краска ляжет хорошо. Садись.

Два часа спустя парикмахерша – как выяснилось, ее зовут Рена – выключила фен и повернула стул к зеркалу. Увидев отражение, Кристи-Линн на мгновение растерялась. Она словно смотрела на незнакомку, похожую на кого-то из далекого прошлого. Она потрогала волосы и потрясла головой, наслаждаясь мягкими, упругими кудряшками на затылке.

Стивен предпочитал длинные волосы, желательно собранные в аккуратный хвост. Разумеется, Кристин смеялась над ним, как и почти всегда, но теперь перед ней вдруг словно оказалась прошлая версия себя, словно время сложилось и вернуло ее к женщине, которой она была до столкновения со Стивеном. Однако та женщина была смелой и независимой – борцом. Осталось ли от нее хоть что-то?

Семь

Звуки марьячи поприветствовали Кристи-Линн, когда она шагнула в лобби «Тако Локо». Она сама не знала, зачем пришла. Есть не хотелось, но возвращаться в номер желания тоже не было. Как оказалось, она не единственная, кто наслаждается не по сезону теплым вечером. Местечко было забито до отказа – полностью занятые столики и несколько групп ожидающих.

Измученная официантка с иссиня-черными волосами изо всех сил старалась приветствовать гостей и управлять очередью. Кристи-Линн как раз удалось привлечь ее внимание, когда она услышала, как кто-то зовет ее по имени. Быстро оглядев столики, Кристин заметила Мисси, которая неистово махала ей из глубины ресторана.

– О господи! Это ты! – ахнула она, когда Кристи-Линн наконец пробралась к столику. – Я сначала засомневалась. Какая у тебя прическа! Ты заранее решила, что сделаешь это сегодня утром?

Кристи-Линн заткнула стриженные пряди за ухо, внезапно смутившись. Она словно утратила часть себя.

– Нет. Я собиралась зайти пообедать, когда увидела салон и подумала – почему бы нет?

– Ну, лично мне очень нравится. Весело и очень сексуально. Согласна, Дар? Ой, прости, чуть не забыла. Это Дар Сеттерс. У нее мистический магазинчик на Бонд-стрит. Кристаллы, свечи, все такое. Слушай, почему бы тебе не поесть с нами? Мы только сели.

Кристи-Линн смущенно улыбнулась блондинке, сидящей напротив Мисси.

– Спасибо, но не хочу портить вам вечер.

Дар улыбнулась. Она была бледной и миниатюрной, почти эфемерной – платиновые волосы обрамляли маленькое лицо, словно лунный свет.

– Не говори ерунды. Мисси мне как раз про тебя рассказывала. Соболезную насчет мужа.

Кристи-Линн сомневалась, что ей нравится быть темой для беседы, но выдавила улыбку.

– Спасибо. Ужасно мило с вашей стороны.

– Ерунда, – ответила Мисси, отодвигая для нее стул. – Мы не собираемся сидеть здесь, пока ты ешь в одиночку. Тебе нужно быть с друзьями. Кроме того, сегодня вечер «маргариты»! – Мисси засмотрелась на прошедшего мимо них официанта в облегающих черных брюках, несущего на плече поднос. – Вид неплохой.

Дар вздохнула и шлепнула ее по пальцам.

– Мисси, не отвлекайся.

Мисси огляделась, изображая невинность.

– Что?

– Ты вроде зареклась иметь дело с мужчинами.

– Дорогая, ну просто посмотреть-то можно. Особенно если времени хватает только на это. Да и вряд ли кто-нибудь посмотрит в ответ. Парни не рвутся встречаться с девушкой, обремененной багажом вроде моего. Кстати говоря, куда подевался Марко? Пора выпить еще по «маргарите».

Кристи-Линн украдкой глянула на Мисси. Та великолепно выглядела, легко общалась и, похоже, вполне неплохо устроила собственную жизнь – удивительно, что с такой комбинацией за ее внимание не боролись все мужчины Свитвотера. С другой стороны, она получше многих знала, что люди далеко не всегда показывают свое истинное лицо. История есть у каждого. Но не все готовы ею делиться.

Мисси снова наблюдала за Марко. Она провожала его взглядом, пока он не исчез за дверями кухни, а потом с ухмылкой повернулась к Кристи-Линн:

– На него приятно смотреть, но я уверена, что он занят. Дженис из «Бристоус» сказала, он заходил на днях и покупал рубиновые серьги, явно не для мамы.

– Бедняжка Мисси, – вздохнула Дар. – Снова несчастная любовь.

– Любовь? – Мисси сделала большие глаза. – Боже упаси! При чем тут любовь? Я же сказала, на него приятно смотреть, но у меня дома два маленьких мальчика, и на данный момент этого тестостерона мне более чем достаточно. – Она повернулась к Кристи-Линн и изобразила дрожь. – Несколько лет назад я обзавелась полным комплектом любви и брака, но пришлось сдать все обратно с возвратом денег, если ты понимаешь, о чем я.

– Бракованный товар?

Мисси наморщила нос.

– Вроде того.

– Мне жаль.

– Не нужно жалеть. Я счастлива. В основном. Хотя большую часть времени у меня все горит.

Кристи-Линн обратила внимание на оговорку «*в основном*», но решила не задавать вопросов. Через несколько дней она уедет, к тому же у нее есть собственная ноша.

– Сколько лет твоим сыновьям?

– Шесть и восемь. Натан и Кристиан. Оба чудовища, и оба восхитительны.

Разведена, бизнес-леди и мать-одиночка. Впечатляет.

– Как ты справляешься? Управляешь гостиницей и сама растишь двух маленьких мальчиков?

– О, у меня есть помощники. Рядом живут родители, и у нас прекрасная няня. Она сейчас с ними. Иногда я чувствую себя виноватой, что ухожу от них после целого дня на работе, но порой мне кажется, что я занимаюсь исключительно заботой об окружающих. Если не выбираться хоть изредка, я всерьез опасаясь сойти с ума. Ой, смотрите, Марко вернулся. – Мисси широко улыбнулась официанту и промурлыкала: – Это для меня, милый?

Он опустил на стол «маргариту» Мисси и новую миску с чипсами, принял заказ у Кристи-Линн, одарил их улыбкой Антонио Бандераса и ушел.

– Господи Иисусе, – проворчала Дар, когда он удалился на безопасное расстояние. – Я уж думала, ты сейчас начнешь совать купюры ему в трусы.

В болотно-зеленых глазах Мисси появился озорной блеск.

– Ревнуешь?

Дар медленно покачала головой, словно учитель, разговаривающий с озорным учеником.

– Не всем нужны привлекательные высокие брюнеты. Некоторым важнее внутренний мир, чтобы можно было поговорить или почитать хорошую книгу.

– Ах да. Родственная душа.

Дар сделала глоток вина, обиженно глянув на подругу.

– Ну давай, развлекайся. Но это не я вышла замуж сразу после школы только потому, что мне нравилось, как на парне сидели джинсы.

Мисси взяла бокал с «маргаритой», гоня соломинкой дольку лимона.

– Да, ты меня поймала. Именно так я и поступила. И все, что у меня осталось, – два красивых мальчика, которых я не променяю ни на что на свете. – Мисси посмотрела на Кристи-Линн и лучезарно улыбнулась. – О, милая, не волнуйся насчет нас. Мы не ссоримся. Так мы проявляем любовь друг к другу. Мы разные, как день и ночь, но она знает – я всегда поддержу ее, а я знаю, что она поддержит меня. Ну, знаешь, как бывает у подруг.

Кристи-Линн кивнула, хотя на самом деле она *не* знала. Она слышала о женской дружбе, но считала ее выдумкой кино и кабельного телевидения – непременно с литрами шампанского и походами в магазин за туфлями. Но теперь, наблюдая за отношениями Дар и Мисси, Кристин поняла, что настоящая женская дружба мало похожа на столь банальные стереотипы. Она глубже, и беспорядочнее, и по-своему красива. И внезапно – возможно, впервые в жизни – Кристин остро почувствовала ее отсутствие.

Но на это были причины.

Восемь

*Монкс Корнер, Южная Каролина.
9 августа 1994 г.*

Кристи-Линн искоса поглядывает на девочку, идущую рядом с ней, – на новую девочку. У нее ужасный прикус и кудрявые рыжие волосы. И она вся в веснушках. Разумеется, она ни в чем не виновата, но это не остановило детей из школы Беркли-Хай – они обливали ее соусом и обзывали уродиной. Это несправедливо. Родителей не выбирают – как и их гены.

Кристин отводит взгляд, когда девочка поворачивается к ней. Она привыкла быть невидимой, незаметной, и поэтому ей кажется немного странным, что Линда Нили внезапно забрела на ее обычно пустую орбиту.

Линде понадобилось время, чтобы заговорить, – почти две недели, но постепенно, через несколько дней блуждания по столовой и холлу, она изумила Кристи-Линн, рассказав свою историю. Семья Линды переехала потому, что ее отца перевели в «Трайидент», в Норт-Чарлстоне. Друзей у нее не было, и она отставала по большинству предметов, особенно по английскому. Отец угрожал отправить ее обратно в частную школу – ту, что с монашками, – если она не исправит оценки к следующей аттестации.

Линду сложно не пожалеть. После пяти переездов за три года Кристи-Линн не понаслышке знает, каково быть новичком, на которого все смотрят и о котором все шепчутся. Быть изгоем. Но со временем она к этому привыкла, даже научилась хорошо справляться, если такое возможно. Поэтому ей очень непривычно приглашать домой одноклассницу, чтобы помочь ей в аттестационной работе. Нельзя сказать, что у Кристин нет времени – свою работу она закончила уже неделю назад – или что она против. Она хорошо чувствует слова. Их эмоции, их вкус. Просто... странно. По-новому странно. Неловко.

Теперь они идут по парковке мимо переполненного пивными бутылками и грязными подгузниками мусорного бака и машин,

стоящих на месте уже несколько месяцев. Кристи-Линн задается вопросом, есть ли дома еда. Вряд ли. Сейчас у них редко бывают деньги на чипсы или печенье. Господи, пусть хотя бы будет настоящая кола, а не дешевые аналоги, которые ее мать приносит домой, если совсем нет денег. Возможно, Линда Нили нелепо выглядит из-за веснушек и больших зубов, но ее часы «фоссил» и модные «мартинсы» явно не из дешевого супермаркета.

Теперь они поднимаются по ступеням – трем плитам из потрескавшегося бетона, поросшим сорняками. Из квартиры этажом выше слышны песня Рыбы Макинтайр «Фэнси» и пронзительные крики младенца. Кристи-Линн всегда ненавидела эту песню – она казалась ей слишком реалистичной.

Кристин нащупывает в кармане пальто ключ. Линда смотрит на нее большими, изумленными глазами.

– Ты что... здесь живешь? Я думала, мы просто сокращаем путь через парковку.

Кристи-Линн все еще пытается придумать ответ, когда замечает, что дверь в квартиру открыта. Она толкает ее коленом и заглядывает внутрь. Занавески задвинуты, телевизор выключен. Все на месте. Девочка с облегчением выдыхает. Значит, не ограбление. Просто ее мать, как обычно, опаздывала и забыла запереть на замок.

Кристи-Линн придерживает дверь, и Линда переступает через порог. Кристи-Линн еще никого не приглашала домой и теперь жалеет о своем решении. Квартира убогая и маленькая, и в воздухе висит жирный запах жареной картошки с луком со вчерашнего ужина. Опуская сумку с книгами на пол, Кристи-Линн на мгновение задается вопросом, чем пахнет дома у Линды. Наверное, жареной курицей или свинными отбивными. Печеньем и подливкой. Зелеными бобами с ветчиной и тортом «Красный бархат».

Линда все еще сжимает в руках учебники, медленно оглядывая в полумраке обстановку, и Кристи-Линн с ужасом осознает, как она должна восприниматься незнакомым человеком. Грязный, местами протертый до джута ковер. Дранный диван от предыдущих жильцов, побитый журнальный столик, повидавший слишком много перестановок. Лампа с помятым абажуром, спасенная матерью из мусорки после последнего выселения. Слава богу, хотя бы занавески закрыты.

Лучше им сразу отправиться в ее комнату, решает Кристи-Линн. Там, конечно, не здорово, но и не так убого, как в гостиной. Там ее мягкие игрушки – те, которые не испортил дождь, – и драгоценные книги, старательно собранные по библиотечным распродажам и секонд-хендам. Все это может быть в комнате у любой четырнадцатилетней девочки. Обычные вещи. Она старается не представлять, как может выглядеть комната Линды Нили. Вряд ли ее книги из секонд-хенда, а вещи когда-либо выбрасывали на парковку. Эта мысль причиняет боль.

– Ты вроде сказала, твоей мамы нет дома.

Кристи-Линн повернулась к гостю.

– Что?

– Твоя мама – ты вроде сказала, она на работе.

– Да.

Линда кивает на пол.

– Это ее вещи?

Кристи-Линн следит за ее взглядом и видит след из раскиданных по ковру предметов: кошелек, ботинки, ключи, куртка. Слово их побросали в спешке. Но как такое возможно? Ее мама никогда не пропускает работу. Во всяком случае, с тех пор, как она бросила Шейна Тейлора и устроилась в «Пиггли Виггли». Правда, в последнее время Шарлен Паркер чувствовала себя и выглядела не лучшим образом – с тех пор, как начала брать дополнительные смены в баре «Гетэвей Лаундж» и совсем перестала высыпаться, пытаясь свести концы с концами.

А потом Кристи-Линн чувствует, помимо аромата вчерашнего ужина, какой-то кисловатый запах. Едкий и смутно знакомый, словно вонь от испорченного молока. Она знает этот запах и что он означает. Откуда-то из глубины коридора слышится стон – низкий, противный звук, от которого по спине у Кристи-Линн пробегают мурашки. Потом он повторяется, на этот раз громче, и заканчивается кашлем и рыганием.

Пока Кристи-Линн идет по узкому коридору, ее горло наполняется чем-то горячим и мерзким. Ярость. Ужас. Кошмарное осознание, что все начинается снова. Пожалуйста, пожалуйста, пусть она ошибается.

Но она не ошибается.

Когда Кристи-Линн заходит в ванную, Шарлен Паркер висит над унитазом. Ее волосы и одежда испачканы рвотой, щеки покрыты смесью сиреневых теней и размазанной туши.

– Мама?

Шарлен поднимает бледное, помятое лицо.

– Детка... Мне плохо.

У нее сильный, невнятный голос и несфокусированный взгляд. А потом она внезапно подскакивает на всех четырех конечностях и изгибает спину в бесплодном рвотном позыве, словно пытается вывернуться наизнанку.

Кристи-Линн в панике падает на одно колено, пытаясь избежать брызг желто-зеленой рвоты. Невыносимо воняет алкоголем и желчью.

Когда рвота проходит, лицо ее матери размывается. Кристи-Линн нетерпеливо вытирает слезы, но они продолжают бежать по щекам.

– Мама, ты обещала. Ты сказала, больше никогда.

Ее мать медленно открывает глаза и подносит руку ко рту.

– Пить...

Она произносит это еле слышным шепотом, и гнев Кристи-Линн на мгновение превращается в жалость. Она тянется к раковине за стаканом, когда замечает, что на ее матери все еще униформа бариста – джинсы и откровенная черная майка – вместо униформы кассира. Она что, даже не приходила вчера домой?

– Мама, и давно ты здесь в таком виде?

– Пи-и-ить! – вопит Шарлен, словно нетерпеливый ребенок. Крик отражается от покрытых плиткой стен. А потом вдруг мать начинает плакать – узловатые плечи сотрясаются от рыданий. – Прости, детка. Прости меня. – Она хватается за рубашку Кристи-Линн и сворачивается в комок. – Не злись, – глухо просит она, раскачиваясь на месте. – Прошу, детка... Не злись.

Легкое движение, скорее даже вдох, заставляет Кристи-Линн обернуться. Линда стоит на пороге, застыв при виде взрослой женщины, рыдающей на полу в ванной, словно ребенок.

Кристи-Линн смотрит на нее и моргает – горло внезапно наполняется острыми лезвиями.

– Моя мама заболела, – выдавливает она, с трудом сдерживая новую порцию слез. – Тебе лучше уйти.

Линда медленно кивает, на ее лице – смесь ужаса и заворуженности.

– Конечно, да. – Линда медленно пятится назад, не в силах отвести взгляд. – Увидимся в школе.

Кристи-Линн ничего не отвечает, размышляя, сколько понадобится времени, чтобы история разнеслась по школьным коридорам. Потом опускает взгляд на мать, которая уже почти спит, разметав слипшиеся темные волосы по плиточному полу. Когда-то она была самой красивой девушкой в Монкс Корнере – Ава Гарднер среди бедных. По крайней мере, так ей рассказывала мать. И давным-давно это могло быть правдой.

Девять

*Свитвотер, Вирджиния.
29 ноября 2016 г.*

Кристи-Линн уставилась на кучу бумаг, рассыпанных вокруг нее по кровати, – документы, поспешно выхваченные из сейфа Стивена в тот вечер, когда она уехала из Клир Харбор. Нужно как-то привести их в порядок. Но пока она только сильнее их перепутала.

Вчерашний ужин с Мисси и Дар стал приятным сюрпризом, но, когда Дар спросила, думала ли Кристин о дальнейших планах, та оторопела. На самом деле она не имела ни малейшего представления. У нее был издательский бизнес – около дюжины клиентов, наработанных за годы, – но жизнью это не назовешь. Если задуматься, Кристин сомневалась, что жизнью можно было назвать и ее существование со Стивеном.

Она жила, спрятав голову в песок еще до его смерти. Но больше прятаться нельзя. Внизу убиралась на кухне и общалась с гостями Мисси, а Дар продавала где-то в городе кристаллы и книги. Вокруг кипела жизнь – но без участия Кристин. Пора вытаскивать голову из песка.

Нужно разобраться со страховкой, банковским счетом и другими финансовыми вопросами, освободить и продать дом в Клир Харбор. Мысль изумила Кристин, но она внезапно поняла, что не вернется назад. Там ничего нет. Нет семьи, готовой ее утешить. Нет друзей, чтобы скучать. Ничего, кроме пустых воспоминаний. Пора подвести итоги и двигаться дальше. Но прежде всего нужно получить свидетельство о смерти Стивена.

Кристи-Линн включила ноутбук и подсоединилась к интернету. Сеть работала невыносимо медленно, но постепенно удалось ввести в строку поиска «Свидетельство о смерти, Мэн». Экран мигнул, и появились ссылки. Кристин перешла на сайт управления общественного здравоохранения штата Мэн. Все казалось удивительно простым, пока не появилась надпись красными буквами «ЗАПИСЬ НЕ НАЙДЕНА». Она попробовала еще раз, но получила тот же результат.

В расстроенных чувствах она взяла телефон и набрала номер полицейского участка Клир Харбор. Пришлось долго дожидаться соединения с кабинетом медицинской экспертизы, но наконец трубку взял сотрудник и нелюбезно задал несколько вопросов. И Кристин снова пришлось ждать. Через несколько минут он вернулся.

– Простите, но свидетельство еще не готово.

– Я не понимаю. Прошло уже почти две недели.

– Простите. Дело немного затянулось.

– А когда примерно оно будет готово?

– Точно не знаю. У нас по отделу ходит грипп, а одна из сотрудниц в декрете. Могу посоветовать только ждать.

Кристи-Линн уже собиралась повесить трубку, но передумала и попросила соединить ее с детективом Коннелли из отдела убийств. Во время прошлого разговора он ее отшил, но попытка не пытка. Может, сейчас он в лучшем настроении.

– Коннелли, – раздался угрюмый голос.

– Детектив, это Кристин Ладлоу. Я позвонила...

– Кристин? Господи! Куда ты запропастилась? Журналисты с ума посходили. Половина считает тебя погибшей. Другая половина – что ты проглотила пачку таблеток и угодила в психушку. Тебя ищет вся страна!

Кристи-Линн не стала поддерживать тему, напомнив себе, что звонит по другому поводу.

– Я звоню, потому что разговаривала сейчас с медицинским экспертом про свидетельство о смерти Стивена и решила заодно спросить, нет ли новой информации по делу.

Она почти не сомневалась, что расслышала раздраженный вздох.

– Кристин, мы вроде закрыли тему. *Нет* никакого дела. Произошла авария, фатальная случайность.

– Две фатальные случайности.

– Да. Хорошо. Две фатальные случайности. Но *дела* нет. Расследовать нечего. Машина поскользнулась на льду и упала в залив.

Теперь терпение утратила Кристи-Линн.

– Ты понимаешь, о чем я.

– Женщина.

– Да, женщина. Неужели так сложно? Думаю, я имею право знать, кто был в машине с моим мужем в момент его гибели, детектив. Даже

если вы не согласны.

Очередной вздох. Еще более тяжкий.

– Нет, Кристин. Я не стану снова объяснять тебе, почему не могу сказать ее имя, даже если бы его знал, а я его не знаю. С тех пор, как кто-то слил те фотографии, здесь началась гребаная охота на ведьм, и я совершенно не хочу рисковать, обсуждая данную тему.

– Значит, источник утечки выяснить так и не удалось?

– Именно так. И я совершенно не хочу оказаться под подозрением. Слушай, мне пора. Много работы. Но если я *вдруг* захочу позвонить тебе, как тебя найти?

Мельком вспыхнула надежда. Может, он передумает и перезвонит, оказавшись в более подходящей обстановке. Но что-то заставило ее усомниться. Может, его отношение или страх случайно выдать место своего нахождения – тихий внутренний голос подсказал, что правильнее будет на всякий случай уйти от ответа.

– У тебя есть номер моего мобильного, – холодно напомнила Кристи-Линн. – Оставь сообщение.

Она повесила трубку, не дожидаясь ответа. С нее хватит пренебрежительного отношения.

Продолжая сердиться, она переключила внимание на стопки бумаг на кровати. Пытаясь отыскать контакты брокера Стивена, она обнаружила между своими свидетельствами о рождении и о браке конверт. Потрепанный и пожелтевший от старости, но, несомненно, тот самый. Она не вспоминала о нем годами, но вот он возник опять, словно неразменная монета. Кристи-Линн взяла его и медленно перевернула. Он казался почти невесомым, но при этом значимым; нарушенное обещание двадцатилетней давности. Она сама не знала, зачем хранила его столько лет – возможно, как предостережение о том, сколь опасно доверять людям. Кристи-Линн не была готова, что у нее зашиплет глаза, когда она приподнимет край и вытряхнет содержимое себе на колени.

Внутри лежала небольшая горстка сувениров с ярмарки: пластиковый браслет, несколько выцветших бумажных билетов и старое черно-белое фото. Сначала Кристин рассмотрела фото. Типичный дрянной ярмарочный снимок в сепии – в исторических костюмах, перед нарисованным фоном. Кристи-Линн провела пальцем по лицу Шарлен Паркер.

Та красовалась в боа и безвкусной шляпке со страусиными перьями, игриво наклонив голову. Рядом с ней радостно улыбалась юная Кристи-Линн – передние зубы слишком велики для двенадцатилетнего лица. Она выбрала из затхлой коробки расшитую блестками повязку, потому что хотела быть похожей на тусовщицу из ревуших двадцатых и потому что это подходило к костюму ее матери. Но сейчас внимание Кристин привлек кулон, висящий на шее матери, – когда делали снимок, на ней самой была его зеркальная копия.

У Кристи-Линн снова встал в горле ком, когда она вытряхнула из конверта на ладонь кулон, вспоминая тот вечер, когда выкинула его в помойку и снова достала. За годы хранения он потускнел – вполне справедливо, если учесть, как все сложилось. Кристи-Линн раздраженно смахнула слезы, внезапно размывшие зрение, напоминая себе, что это слезы маленькой девочки, а она больше не маленькая девочка. Той девочки уже давным-давно нет.

Десять

*Ладсон, Южная Каролина.
27 октября 1995 г.*

В городе проходит ярмарка – вернее, в Ладсоне, что практически то же самое. В школе все только об этом и говорят. Сколько они накопили карманных денег. На какие пойдут аттракционы. Сколько слопают восхитительно жирной еды, которой их, скорее всего, потом вырвет.

Все это звучит восхитительно.

Но Кристи-Линн не собирается даже тешить себя напрасной надеждой. Нужны деньги, чтобы войти, деньги на аттракционы, деньги на корн-доги и пироги. И копить ей их было не с чего. Поэтому ее так удивляет, когда в субботу утром мама заходит в ее комнату в джинсах и толстовке вместо униформы «Пиггли Виггли».

– Одевайся. Скоро выезжаем.

Улыбка матери почему-то нервирует Кристи-Линн.

– Куда выезжаем?

– Скоро узнаешь, – подмигивает Шарлен и исчезает в коридоре.

Кристи-Линн пищит от восторга, когда ее мать заезжает в ворота ярмарки. Парковка заставлена, и им приходится оставить машину за пределами площадки, там, где размечено конусами поле. Дорога ко входу кажется практически бесконечной, но Кристин плевать. Они на ярмарке!

Ее шокирует, когда они наконец подходят к кассам и ее мать достает из заднего кармана толстую пачку денег. Кристин никогда не видела столько денег сразу – и тем более в руках у матери. Глаза Кристин расширяются от изумления, когда Шарлен Паркер отсчитывает несколько купюр и протягивает скучающему кассиру.

– Где ты столько взяла? – спрашивает Кристи-Линн, когда им на руки надевают пластиковые браслеты.

Мать отводит взгляд, засовывая оставшиеся купюры в задний карман.

– На работе. А ты что подумала?

– Но мне казалось...

– Цыц! – шикает на нее мать. – Ты хочешь пойти или как?

Кристи-Линн проглатывает остальные вопросы и кивает. Она определенно хочет пойти.

Сначала, для разогрева, они идут на колесо обозрения, а потом перемещаются на карусель, гравитрон и американские горки. Когда они выходят с последнего аттракциона, все вокруг плывет, и у Кристи-Линн кружится голова от картин и звуков. Они едят барбекю и картошку с сыром, масляные фанел-кейки с сахарной пудрой и запивают все ледяным лимонадом.

После обеда ее мать находит палатку, где продают пиво в пластиковых стаканах. Они сидят за столиком под большим белым тентом, пока она пьет пиво, а потом еще одно. После третьей порции они отправляются к выставочным палаткам: выездка, родео, кулинарные поединки и конкурс на самый большой помидор. Ее мать не проявляет ни к чему интереса. Но когда они подходят к палатке местных ремесленников, она быстро шагает внутрь.

Она наклоняется над столиком с дешевой бижутерией и берется за набор браслетов, отделанных пластиковой имитацией бирюзы. Потом поднимает серебряное кольцо с гравировкой, ненадолго надевает на большой палец и возвращает на черный бархатный поднос.

В ее взгляде появляется незнакомая Кристи-Линн задумчивость, словно мать размышляет о вещах, которых у нее никогда не будет. Кристи-Линн отводит взгляд, скрывая от матери, что заметила ее грусть, но снова поворачивается, почувствовав ладонь на своей руке.

– Кристи, милая, только взгляни. Тут кулон для мамы и дочери!

Кулон висит на ее пальцах, ярко сверкая в лучах вечернего солнца. Он в форме разделенного на две половины сердца, и у него две цепочки вместо одной. Кристи-Линн не сразу понимает, в чем смысл.

– Они разъединяются, – объясняет ей мать. – Видишь? Тут, посерединке. – Она переворачивает его и протягивает Кристи-Линн. – Смотри! Сзади написано «Друзья навек». Это же мы... Друзья навек. – Мать смотрит на ценник и протягивает вещицу продавцу. – Берем.

– Но, мама, ты говорила...

– Тише, дай мне расплатиться. – Она уже лезет в задний карман за пачкой купюр. Продавец отсчитывает сдачу и снимает бирку. Когда он достает маленькую коробочку, Шарлен его останавливает: – Коробка не нужна. Мы их сразу наденем. Давай, дорогая, приподними волосы.

Кристи-Линн выполняет просьбу, продолжая гадать, как ее матери удалось скопить достаточно денег, чтобы заплатить за вход и тем более купить украшение. Цепочка непривычно холодит кожу. Кристи-Линн смотрит, как мать надевает свою половинку кулона и берет со стола зеркальце.

– Мы никогда не будем их снимать, – с удивительным запалом заявляет Шарлен, глядя на их отражения. – Что бы ни случилось, как бы плохи ни были наши дела, мы навсегда останемся двумя частичками одного сердца. Друзья навек.

Кристи-Линн кивает, растерявшись от взволнованных интонаций. Или отчаянных. Она точно не понимает и боится разрушить магию этого идеального дня. Друзья навек. Слова порхают в голове, словно крылья бабочки. Кристин застенчиво прикасается к блестящей половинке сердца на шее – ее первое в жизни украшение. Мать улыбается и делает то же самое, и в это мгновение Кристи-Линн чувствует рывок в груди, словно между ними протянута невидимая веревка – между двумя частичками одного сердца.

Она запомнит этот день на всю жизнь.

Одиннадцать

*Свитвотер, Вирджиния.
12 декабря 2016 г.*

Уэйд откинул голову назад, чтобы рассмотреть небо – безоблачное, холодное и синее, – а потом вытянул ноги на неровном дне старого кедрового каноэ. Поморщившись, он провел по странице очередную красную линию и подписал на полях: «*Усилить или ослабить воспоминание?*» А может, стоит просто выбросить бумаги в воду и со всем покончить? Он раздраженно потянулся за зеленым дедовским термосом и налил себе чашку крепкого черного кофе.

У старика ушло три лета, чтобы закончить лодку, и Уэйд постоянно крутился рядом, разглядывая каждую доску, нетерпеливо дожидаясь высыхания каждого слоя эпоксидной смолы. Три лета казались вечностью для изготовления простого рыбацкого транспорта. Но однажды, когда Уэйду совсем надоело ждать, дедушка объяснил: когда-нибудь он будет рыбачить в этом каноэ со своими детьми, поэтому лодка должна быть крепкой и долговечной.

И она сохранилась, спрятанная под верандой, защищенная от стихии несколькими слоями синего брезента. Уэйду оставалось только смахнуть паутину и установить сиденья. Интересно, что бы подумал дедушка, если бы увидел его теперь – холодным декабрьским утром, без удочки, катушки и коробки мушек, но со стопкой помятых страниц и красной ручкой.

Обычно он не редактировал на бумаге, как, впрочем, и в лодке, но отчаянные времена требовали отчаянных мер. Он обтесывал и перекраивал одни и те же четыре главы уже неделю, и все равно что-то было не так. Уэйд понадеялся на смену обстановки, но тщетно. Ему нужна свежая пара глаз.

В такие моменты всегда помогала Симона. Если он чувствовал, что застрял, запутался в нескольких строчках, то протягивал ноутбук ей. Она никогда не предлагала пути решения – их стиль слишком сильно отличался, – но всегда точно указывала, где он оступился.

Ему этого не хватало.

Черт, ему не хватало многого. Близкого человека рядом, когда он открывал глаза или, напротив, когда он садился есть, кого-то, кто заполнял бы тишину, порой перегруженную воспоминаниями. Мысль застала его врасплох. Не угрюмостью, а формулировкой. Не Симоны. «Кого-то». Кого-нибудь. Он действительно так чувствует? И правда начинает отпускать?

Вместе с вопросом его поразило неприятное осознание. Когда он отпустит бывшую жену, утраченные отношения, его жизнь станет еще более пустой. Горечь, за которую он так держался, сменится... Ничем.

Так ли это плохо? Забыть острую боль дня, когда он вернулся домой в пустую квартиру? Конечно, неожиданностью это не стало. У них давно возникали разногласия, но ситуация резко ухудшилась, когда он собрался покинуть «Уик ин ревью» ради того, что Симона презрительно называла пустой мечтой. Но дело было даже не в деньгах. Сейчас, оглядываясь назад, он понимает – деньги всегда были ни при чем. Симоне всегда было мало Уэйда. Как и Кевина. Или Тодда. Или Филипа. Возможно, шишка из новостей с красивыми волосами подойдет лучше.

Двенадцать

*Свитвотер, Вирджиния.
12 декабря 2016 г.*

Кристи-Линн брела по центральной улице, спрятав руки в карманы. Последние мягкие осенние деньки сменились зимним холодом, и праздничный сезон в Свитвотере стремительно набирал обороты. На всех фонарных столбах сияли гирлянды, и маленькие белые огоньки дарили ощущение сверкающей зимней сказки.

Но особого внимания Кристин на это не обращала. Была слишком занята, разбираясь с последствиями своего брака. После беглой проверки финансов стало ясно – даже если «Ллойд энд Гриффин» больше не продадут ни одного романа Стивена Ладлоу, денег более чем достаточно, чтобы безбедно жить... Целую вечность. Но на самом деле Кристин сомневалась, хочет ли вообще эти деньги. Они казались какими-то испорченными, заработанными мужчиной, которого она на самом деле не знала. То, чего она хотела – в чем *нуждалась* – на самом деле, так это избавиться от любых напоминаний о браке со Стивеном, стереть его, как уже много раз стирала ужасы из прошлого.

Может, стоит отдать все на благотворительность? Или организовать какой-нибудь фонд? Но от чьего имени? Стивен явно не заслуживал посмертного звания филантропа. Может, анонимное пожертвование? Надо подумать. А пока следует связаться с риелтором и выставить дом на продажу. Она пока не знала, где хочет поселиться, – Мисси радушно принимала ее в гостинице, и Кристи-Линн было там вполне уютно. Даже слишком уютно.

Она чувствовала, как приживается, становится частью повседневной жизни Свитвотера и постепенно сближается с Мисси и Дар. Вчера вечером они пригласили ее на ежегодную церемонию зажигания рождественской елки, а потом – на пирог с кофе. Вечер получился чудный, но Кристин постоянно чувствовала, что злоупотребляет их расположением, скрывая свою настоящую личность – и истинные цели поездки в Свитвотер.

Кристин продолжала следить за новостями, заглядывая в интернет и включая телевизор раз в несколько дней. Похоже, суматоха из-за ее исчезновения начала стихать, во многом благодаря новой откровенной записи какой-то звезды реалити-шоу. Если снимки прорвавшегося к ее дверям журналиста где-то и появились, она их так и не увидела. И теперь, стоя перед местным книжным и глядя на свое отражение в пыльной витрине, Кристин задалась вопросом – не пора ли двигаться дальше?

Она не могла расслабиться. И сосредоточиться ни на чем не получалось. На прошлой неделе завершился последний из ее текущих издательских проектов, и она решила пока не браться за новые. Внезапно жизнь пугающе опустела.

Резкий стук вернул Кристи-Линн в реальность. Она повернулась и увидела в витрине Кэрол Бойер – та размахивала стопкой влажных бумажных полотенец, пытаясь привлечь внимание. Кристи-Линн улыбнулась и помахала в ответ. Кэрол была хозяйкой «Крукед Спайн» – захолустного углового магазинчика с устаревшими изданиями в витрине и маленьким кафе, где Кристи-Линн провела не один вечер, потягивая дрянной латте и печатая редакторские заметки. Но магазинчик казался неотъемлемой частью старомодных центральных улочек Свитвотера.

Кэрол с заговорщицкой улыбкой пригласила Кристин внутрь и повела к кафе.

– Я экспериментирую, – гордо объявила Кэрол и скользнула за стойку. – Пытаюсь придумать что-нибудь праздничное для каникул, и, кажется, наконец получилось. Я знаю, как ты любишь мой латте, но, может, попробуешь и выскажешь мнение? Я назвала это ноггиато.

Через несколько мгновений Кэрол поставила на прилавок кружку с пенкой, посыпанной мускатным орехом.

– Вот, – улыбнулась Кэрол. – Попробуй.

Кристи-Линн вежливо сделала глоток и постаралась не скривиться. Напиток напоминал подгоревший эгг-ног и был таким сладким, что болели зубы, но она не хотела разрушать надежды Кэрол.

– Очень... празднично, – отметила Кристин, стараясь придать голосу восхищение. – Уверена, среди клиентов он станет настоящим хитом.

Кэрол печально оглядела пустой магазин. Ее плечи опустились.

– Каких клиентов?

– Тихий вечер?

– Скорее, тихий год. Уже середина декабря, две недели до Рождества, а никто не заходит по несколько часов подряд. Не знаю, что и думать. Я держу этот магазин уже двадцать шесть лет, и такого никогда не бывало. Видимо, люди просто больше не хотят читать бумажные книги. Предпочитают электронные штуки.

Разглядывая потертый ковер, драные кресла и облупившиеся полки, Кристи-Линн предположила, что дело не только в электронных книгах. Возможно, когда-то местечко было уютным, но теперь напоминало заплесневелый подвал.

– Возможно, стоит немного освежить интерьер, – предложила она. – Чуть-чуть, косметически.

Кэрол нахмурилась.

– Косметически?

Кристи-Линн не выдержала и захихикала.

– Это такое выражение. Значит, нужно немножко все подправить. Немного краски. Ковер. Возможно, новые стулья. Еще можно украсить кафе. Скатерти, цветы. Можно обойтись малыми тратами.

Кэрол сняла очки и протерла их краем фартука.

– Это просто не мое, – устало призналась она. – Дело не в деньгах. Я просто... устала. – Она рассмотрела очки на свету и снова надела на переносицу. – Мне семьдесят четыре, и у меня двое внуков во Флориде, которых я практически не вижу. Но это место было частью моей жизни – частью этого города – почти тридцать лет. – Кэрол переместилась за прилавок и принялась наполнять раковину горячей водой. Очки запотели, и глаз стало почти не видно. – Знаю, звучит глупо, но я ужасно не хочу, чтобы оно исчезло.

– Но оно останется здесь. Тебе не нужно закрывать его. Можно просто продать.

Кэрол фыркнула и закрыла кран.

– Кто его купит?

Кристи-Линн уже хотела предложить контакты агента, но передумала, оценив вероятность найти покупателя на захудалый книжный магазин с устаревшим ассортиментом и отсутствием клиентов. Если добавить, что он находится в маленьком городке, о

котором почти никто не слышал, список потенциальных покупателей значительно сократится.

– Как насчет меня? – вырвалось у Кристи-Линн. Ответ возник внезапно, словно из ниоткуда, но она говорила совершенно серьезно.

Кэрол глянула на нее сквозь запотевшие линзы.

– Шутишь?

Кристи-Линн ненадолго задумалась. Да, это абсурд и глупость. Но почему бы не купить книжный и не остаться в Свитвотере? Она любит книги, сколько себя помнит, и ей нужно чем-то заниматься.

– Вовсе нет, – наконец ответила Кристи-Линн. – Если ты хочешь.

– Не знала, что ты подумываешь здесь остаться.

– Кажется, я и сама не знала. Но я раздумывала, чем и где хочу заниматься. И, кажется, Свитвотер мне подходит.

Кэрол разинула рот, словно она только что подняла камень и нашла под ним лотерейный билет на миллион.

– Тебе правда интересен мой магазинчик?

Кристи-Линн удивилась не меньше Кэрол, когда поняла, что действительно заинтересована. На самом деле мысль ее взбудоражила.

– Думаю, все книголюбые иногда мечтают о чем-то подобном, но я на самом деле подрабатывала в книжном, когда училась в колледже, и мне очень нравилось.

– Сможешь привести его в порядок, как считаешь?

Кристи-Линн снова оглядела помещение, на этот раз придирчивее. Времени потребуется уйма, но ей как раз особо нечем заняться.

– Думаю, да, – наконец заявила она, уже продумывая детали. Нужно будет все обновить – полы, освещение, полки. Кафе тоже придется полностью переделать, а еще нанять бариста, который умеет готовить приличный латте. Ассортимент серьезно нуждается в обновлении, и нужно добавить детский отдел, но в целом у места определенно есть потенциал.

– У меня есть несколько задумок, как привлечь новых покупателей.

Кэрол покачала головой, застигнутая врасплох внезапной переменой в собственной судьбе.

– М-да, удивительное дело. Не думала, что кто-нибудь правда захочет купить это место. Я даже не представляю, сколько оно может

стоять. В основном, конечно, помещение. Ты сможешь... Как думаешь, у тебя получится взять кредит на бизнес?

Кэрол явно смущал столь откровенный разговор, хотя она задала вполне резонный вопрос. Только вот как на него ответить? *«Не беспокойся, погибший муж оставил мне миллионы»* — прозвучит весьма неожиданно и вызовет шквал нежелательных вопросов.

– Думаю, все разрешимо, – осторожно ответила Кристин. – У меня отложена определенная сумма, и кое-что полагается по страховке. Я не хочу на тебя давить, но, если ты настроена серьезно, подумай, сколько хочешь за помещение и инвентарь, и мы займемся вопросом вплотную.

Кэрол медленно кивнула, глядя в пустоту.

– Договорились. Пожалуй, позвоню дочери, скажу, чтобы освободила пустую комнату.

Час спустя Кристи-Линн зашла в холл «Файф энд Фезер», чувствуя себя почти так же растерянно, как Кэрол в момент их расставания. За стойкой регистрации появилась улыбающаяся Мисси с тарелкой свежего печенья.

– Вот ты где. А я гадала, куда ты запропастилась. Сегодня вечером мама поведет мальчиков в кино, и я думала сходить поесть пасты. Хочешь... – Мисси осеклась. – Что такое? Ты словно призрака увидела.

Кристи-Линн оцепенело покачала головой. Мудро ли будет делиться новостями? Кэрол может еще передумать. Или ее дочери не понравится, что мать хочет постоянно жить в ее доме. Мысли встревожили Кристи-Линн – по дороге домой идея покупки понравилась ей еще сильнее.

Мисси поставила тарелку и вышла из-за стойки.

– Дорогая, скажи что-нибудь. Ты меня пугаешь.

– Все хорошо, – тихо ответила Кристи-Линн. – Даже очень.

– Я не понимаю, что это значит.

– Это значит, что скоро ты лишишься гостя.

Тревога на лице Мисси сменилась огорчением.

– Ты уезжаешь из Свитвотера?

Кристи-Линн не смогла сдержать ухмылки.

– Нет, но мне нужно постоянное место жительства. Кажется, я только что купила книжный.

Тринадцать

*Свитвотер, Вирджиния.
31 декабря 2016 г.*

«Фикл Пикл» уже заполнила обеденная толпа, но Кристи-Линн удалось занять столик у окна. Она пила чай, любовалась небом и ждала Мисси. Прогноз погоды обещал целых семь сантиметров снега – в Мэне это восприняли бы как весенний дождик, но местные побежали запасаться молоком и хлебом.

Вечерние празднования, скорее всего, тоже отменятся. Хотя у Кристин особых планов и не было. Среди остальных бессмысленных праздников Новый год всегда был для нее на первом месте. Напускное веселье, скучные обещания, сосредоточие всех надежд в единственном ударе часов всегда казались ей удивительной наивностью.

Но не в этом году.

Впервые в жизни Кристин действительно ждала полуночи, и ей не терпелось начать работы в магазине. И скоро у нее появится собственное жилье. Она пришла в восторг, когда узнала, что, помимо магазина, Кэрол Бойер собиралась продавать дом, маленький коттедж, построенный в двадцатых годах прошлого века, стоящий на берегу ручья Свитвотер. В гостинице было чудесно, и дружба Мисси оказалась неожиданным везением, но настала пора пустить корни.

Обе сделки должны были завершиться в ближайшие недели, и Кристин надеялась открыть магазин в апреле, может, даже раньше. Ей нравилась идея весеннего открытия. Очень символично – в сезон роста и обновления. Время заканчивать старые главы и писать новые. Она глянула на запястье, на три шрама в форме полумесяца – они с ней уже больше двадцати лет. Можно ли надеяться на новое начало, обусловленное личным выбором, а не катастрофой? Кристин не знала, но очень хотела выяснить.

Кристи-Линн прогнала мысли и помахала рукой вошедшей Мисси. Та выглядела уставшей и измученной, когда размотала шарф и упала в кресло напротив Кристи-Линн.

– Прости, что опоздала. В посудомойке прохудилась прокладка, ну или шланг, точно не знаю. Я провела все утро в борьбе с наводнением. Вот тебе и выходной. О, прекрасно, наша официантка идет. Умираю с голоду. – Мисси поиграла бровями. – Подумываю о сэндвиче с тунцом и старом добром макаронном салате. Последний шанс запасть углеводами перед завтрашней диетой. Кстати, какие планы на сегодня? Где будешь веселиться?

Кристи-Линн не смогла сдержать улыбки. Ее каждый раз изумляла бездонная энергия Мисси. Кристин собиралась ответить на вопрос, но подошла официантка с блокнотом. Когда они снова оказались наедине, Мисси повторила вопрос:

– Итак, сегодня?

– Никаких планов. Наверное, просто почитаю или подумаю над меню своего кафе.

– Приходи к нам. Я жутко расстроилась, что ты не пришла к маме и папе на Рождество. Никто не должен быть один в Рождество.

– Говорю же, я не хотела вам мешать. И вообще не люблю Рождество.

Мисси изумленно покачала головой:

– Не понимаю. Как можно не любить Рождество? Все такое праздничное, нарядное. Музыка, украшения и вкусная еда.

Кристи-Линн опустила взгляд, поправляя на коленях бумажную салфетку.

– Скажем так: мы с духом прошлого Рождества никогда не были особо близки.

– Сочувствую, – тихо сказала Мисси. – Иногда я забываю, как болезненны праздники для некоторых людей. Не хотела беречь плохие воспоминания.

– Ничего, – отозвалась Кристи-Линн, орудуя ножом и вилок. Она чувствовала, как Мисси изучает ее, ждет продолжения истории, и от этого стало не по себе.

Дело было не в том, что под елкой Кристин никогда не появлялись велосипеды или игрушечные плиты, и даже не в том, что у нее вообще *не было* елки. А в неуловимых деталях: например, когда мама и дочь пьют вместе какао, пекут печенье, развешивают гирлянды и носки. В моментах, которые большинство людей воспринимают как должное.

Ее воспоминания состояли из одинокого поедания перед телевизором готовых обедов или макарон с сыром, пока ее мать работает в местном баре, смешивая напитки за чаевые, а потом приходит домой и вырубается на полу в ванной. О подобных вещах не пишут рождественских гимнов и не рисуют открыток.

– Скажи, что придешь сегодня, – продолжала уговаривать Мисси. – Будет весело.

– Ой, я не могу. Я...

– Почему не можешь? Будем только мы с мальчиками, и они вырубятся в девять. Закажем китайскую еду из «Лотоса» и налакаемся шампанского. – Она ухмыльнулась. – Ладно, шампанского налакаюсь я, а ты размякнешь от сладкого чая, и будем пускать слюни на очаровательного, но недоступного Андерсона Купера. Будет весело! Точно лучше, чем придумывать меню для кафе. И познакомишься наконец с моими мальчишками. Скажи, что придешь.

– Хорошо, – нерешительно протянула Кристи-Линн. – Только потому, что там будут парни.

И потому что это явно лучше неизбежного новогоднего погружения в воспоминания.

Четырнадцать

Монкс Корнер, Южная Каролина.

1 января 1998 г.

Кристи-Линн садится, тяжело моргая в мерцающем голубом полумраке гостиной. Телевизор работает, но звук выключен. Так она засыпает в большинство вечеров, свернувшись на диване из искусственной кожи – на случай, если мама вернется домой и ей понадобится помощь.

Кристин трет глаза и смахивает с лица волосы. На экране нарядные люди в бумажных колпаках обмениваются поцелуями под дождем из шариков и конфетти – повтор, догадывается она, когда картинку сменяют аналогичные сцены со всего мира. Наступил новый год. Но изменится не многое. Во всяком случае, к лучшему.

Интересно, каково это – быть посреди всей этой эйфории и действительно иметь повод для праздника? Вести жизнь, в которой можно планировать, а не бояться. Кристин так устала бояться. Устала от разочарований и ежедневных маленьких катастроф. Сгоревших на плите кастрюль. Прожженного сигаретами белья. Нехватки денег на аренду. Очередной потерянной работы. А потом еще одной. И оправданий. Кристин уже слышала их все. Всегда виноват кто-то другой. Она уже давно не считает их. Давно перестала. Но это утомляет.

Мысль мгновенно улетучивается, когда в окно проникают звуки – глухой удар автомобильной двери и сдавленное хихиканье. Ее мать вернулась, и, судя по всему, не одна. Кристи-Линн привычно смотрит на часы на плите. Два тридцать. Она сегодня рано.

Через секунду распахивается дверь, и в дом вваливается Шарлен Паркер, сдерживая хихиканье и шикая на спутника. Пошатываясь, она стоит в клубах сигаретного дыма и алкогольных паров. При свете телевизора она напоминает жуткого призрака в узких джинсах, черной майке и с соскользнувшей с плеча бретелькой бюстгалтера.

– Ой, – моргает мать, глядя на Кристи-Линн, словно только что вспомнила о существовании дочери. – С Новым годом, детка! – Слова

звучат в тишине хрипло и резко. – Помнишь Джейка из байкерского магазина? Мы праздновали!

Кристи-Линн переводит взгляд на Джейка – высокого и худого, в замызганных джинсах и черном кожаном жилете, но вспомнить не может. Прошлой ночью тут был Рэнди. Завтра будет кто-то еще. Они никогда не остаются надолго.

– Ты поужинала? – спрашивает Шарлен, теребя сумочку, которая вот-вот сползет с плеча.

Кристи-Линн посещает искушение спросить мать, не собирается ли та готовить, но она отказывается от этой мысли. В нынешнем состоянии Шарлен уже почти ничего не соображает.

– Мама, сейчас полтретьего ночи, – устало сообщает Кристин. – Я поела несколько часов назад.

– А, – бормочет Шарлен. Скорее выдох, чем ответ. Вытаращенные глаза смотрят пустым, невидящим взглядом. Скоро она свалится. И Кристи-Линн не хочет, чтобы Джек, или Джейк, или как его там, был в этот момент рядом.

Она решительно слезает с дивана, подходит к матери и берет ее за худую руку.

– Я о ней позабочусь, – бросает Кристин мужчине в грязных джинсах. – Можете идти.

Во взгляде мужчины появляется упрямство, он выпячивает грудь. Но он слишком пьян, чтобы удержат позу, и постепенно приваливается к дверной раме.

– Я что, похож на гребаного таксиста? Мы собирались отметить Новый год.

Кристи-Линн смотрит на него, сдерживая дрожь.

– Примерно через три минуты моя мать упадет на пол, и, если вы не планируете при этом присутствовать, лучше подыскать другое место для празднования.

Ей плевать, что он пьян и собирается обратно за руль или что он вполне может закончить сегодняшний вечер, обернувшись вокруг дерева. Она просто хочет, чтобы он уехал и вечер закончился.

– Ну а ты? – небрежно бросает он, делая шаг вперед. – У меня кое-что есть в машине. Можно...

– Уходите, – резко перебивает его Кристи-Линн. – Немедленно. Или я вызову полицию.

Разумеется, полицию вызвать она не может. Телефон отключен уже несколько месяцев. Но Кристин надеется, что мужчина слишком пьян для дальнейших препирательств.

– Я серьезно. Уходите, или сюда приедут копы.

Он стоит на месте, кажется, целую вечность и разглядывает ее мутным взглядом, словно пытаясь рассудить, стоит она того или нет. Кристи-Линн подается назад и готовится издать душераздирающий крик, если он хоть слегка качнется в ее сторону. Рядом с ним неустойчиво пошатывается ее мать. Скоро придется сделать выбор: удерживать мать от падения на пол или обороняться от говнюка в жилете. А потом он, к счастью, сдается.

– Заносчивая сучка, – бормочет он, распахивает дверь и чуть ли не вываливается за порог. – Передай матери, она мне должна. Повторяю, я не такси.

Несмотря на годы практики, уложить Шарлен Паркер в постель – задача не из легких. Напившись, она начинает плакать, скулить, умолять о прощении и громко всхлипывать. Но между рыданиями и забытьем всегда наступает момент затишья. Этого просвета Кристи-Линн и ждет. С одеждой она не заморачивается, просто укладывает Шарлен прямо в ботинках, накрывает одеялом, выключает свет и ставит мусорное ведро поближе к кровати – на всякий случай.

Кристин уже собирается уйти, когда замечает непривычную пустоту на шее матери. Рука сжимает висящий на груди кулон в виде половинки сердца.

– Мама... Где твой кулон?

Ответа нет, как и любой другой реакции. Кристи-Линн трогает, а потом трясет мать за плечо.

– Мама?

Шарлен приоткрывает глаза и обводит комнату мутным взглядом.

– Что случилось с твоим кулоном? – Голос Кристи-Линн становится жестче, она уже заранее знает ответ.

– Изи-стрит... «Койн...» Что-то там... – невнятно бормочет Шарлен, но Кристи-Линн все понимает.

– Ты заложила свою половину?

– Была должна Мике... – Мать поднимает руку и делает невнятный взмах, а потом роняет ее, словно это крыло подбитой птицы... – Он бы не...

Фраза обрывается, но Кристи-Линн больше и не нужно ничего слышать. Он бы не дал ей больше того, что она сейчас имеет.

– Ох, мама...

Шарлен снова открывает остекленевшие глаза. Она зевает, наклоняет голову, тянется к руке Кристи-Линн и гладит ее, словно щенка.

– С Новым годом, детка.

Внутри у Кристи-Линн поднимается что-то горячее и горькое, когда она расстегивает свою цепочку и смотрит на кулон, потертый после почти трех лет носки. Слова матери эхом раздаются в голове – столь же ясно, как в день, когда их произнесли. «Мы никогда не будем их снимать. Что бы ни случилось, как бы плохи ни были наши дела – мы навсегда останемся двумя частичками одного сердца».

Кристи-Линн сглатывает всхлип. Кулон с удивительной легкостью падает с ее ладони и проскальзывает сквозь пальцы в мусорное ведро. Она сдержала свою часть соглашения, но это неважно. Половина сердца никому не нужна.

Пятнадцать

*Свитвотер, Вирджиния.
31 декабря 2016 г.*

Дом Мисси находился за гостиницей – старомодный, облицованный деревом коттедж, огороженный с трех сторон аккуратной самшитовой изгородью. Когда пришла Кристи-Линн, уже начал падать снег – большие влажные хлопья покрыли мощеную дорожку к крыльцу.

Мисси открыла дверь с улыбкой на лице и бокалом вина в руке.

– Заходи, скидывай обувь. Только смотри под ноги. «Лего» Натана валяется по всему полу. Тут практически минное поле. Ой, и не приближайся к елке. Я поставила ее еще на День благодарения, и боюсь, сейчас она уже огнеопасна.

Кристи-Линн пошла за ней на кухню. Мисси наполнила бокал и достала из огромного пакета пригоршню сырных палочек.

– Что будешь пить? Есть лимонад, чай, яблочный сок, корневое пиво и спрайт. Ну и вино, если после сегодняшнего обеда ты начала пить.

– Спрайт подойдет.

Мисси подтолкнула пакет с сырными палочками к Кристи-Линн и достала из холодильника газировку.

– Угощайся. Это часть нашей новогодней традиции – китайская и вредная еда. Если захочешь глянуть меню «Лотоса», оно на столешнице. Я обожаю их ло мейн, а мальчики всегда берут рис с креветками.

Кристи-Линн просмотрела меню, пытаясь выбрать между стейком с перцем и курицей с кешью, когда распахнулась задняя дверь, в кухню влетели двое розовощеких мальчишек в шарфах и куртках и направились напрямиком к холодильнику.

Мисси повернулась к ним, подбоченившись:

– Эй, вы двое. Никакой беготни в доме. И прежде всего повесьте куртки и вымойте руки. А сначала поздоровайтесь с гостьей.

Парочка синхронно повернулась – младший уставился большими голубыми глазами, а старший очаровательно улыбнулся, демонстрируя отсутствие одного из передних зубов.

– Это Кристиан, – представила Мисси, взъерошив рыжеватые светлые волосы старшего сына. – А маленький нахал с оранжевыми губами и пальцами – Натан. Догадываюсь, кто вскрыл сырны палочки. Парни, это Кристи-Линн. Сегодня она встретит с нами Новый год.

– Привет, – смущенно поздоровалась Кристи-Линн, ругая себя за вечную неловкость в присутствии детей. Она каждый раз не знала, что говорить и как себя вести – интересно, проявится ли это с мальчиками Мисси.

– У вас есть шапка? – спросил Натан, склонив голову набок.

Кристи-Линн непонимающе моргнула.

– Шапка?

– Он имеет в виду бумажный колпак, – прошептала Мисси. – На Новый год. – Она закатила глаза. – А еще у нас есть дудочки и хлопушки. Мы наденем колпаки после ужина, потому что в полночь мальчики обычно уже спят.

Кристи-Линн серьезно посмотрела на Натана.

– Боюсь, у меня нет колпака. Это принудительно?

Натан нахмурился, явно сбитый с толку словом «*принудительно*». Вмешалась Мисси.

– Не волнуйся, малыш. У мамы есть запасные колпаки. А теперь идите, приведите себя в порядок, пока я заказываю ужин.

Кристиан сразу повернулся и побежал по коридору, но Натан медлил, застенчиво глядя голубыми глазами на Кристи-Линн. Наконец он, хихикая, унесся прочь.

Мисси с улыбкой взяла со столешницы бокал.

– Похоже, у моего малыша первая влюбленность.

Когда принесли еду, умытые мальчики уже сидели перед телевизором, поглощенные просмотром «Ледникового периода» – по словам Мисси, уже в семнадцатый раз.

Мисси распаковала еду, разложила рис в две мисочки и понесла их в гостиную с остальными контейнерами.

Мисси и Кристин сидели на диване, подобрав ноги, обменивались контейнерами и болтали, словно соседки в студенческом общежитии,

пока мальчики сидели на полу перед телевизором. Кристи-Линн удивляло, насколько ей комфортно в обществе Мисси. Она не могла выделить какого-то одного качества новой подруги. Возможно, дело в большом сердце и открытости ко всему происходящему. Или в самодостаточности, с которой она построила свою жизнь с мальчишками. В любом случае Кристи-Линн была благодарна.

Когда они доели, Мисси сложила контейнеры и поставила их на журнальный столик. В определенный момент – между печеньями с предсказаниями и третьим бокалом вина Мисси – мальчишки вырубались.

– Вот видишь, – мягко сказала она. – Каждый год они клянутся, что дотянут до полуночи, но засыпают в девять вечера. Сейчас, минутку, пойду уложу их.

– Тебе помочь? – спросила Кристи-Линн, втайне надеясь на отрицательный ответ. Она понятия не имела, как укладывают детей. Наверное, пижамы, чистка зубов, сказка на ночь, молитвы. Кристин не могла справиться ни с единым пунктом.

– Не волнуйся, – прошептала Мисси, взяв на руки сонного Натана. – В таком состоянии их нужно просто уложить в кровати и накрыть одеялами. Родительское правило номер один: никогда не буди спящего ребенка.

Десять минут спустя мальчики уже спали в своих постелях, и Мисси вернулась с новой бутылкой вина и банкой спрайта. Взяв пульт, Мисси со вздохом опустилась на диван.

– А теперь... – объявила она, переключив канал, – время девочек. Посмотрим чудесный слащавый фильм, а часов в одиннадцать переключим на новогоднее шоу.

Кристи-Линн наблюдала, как Мисси делает глоток вина и осторожно опускает бокал на колено. Ее движения казались слегка расхлябанными, речь – медленнее обычного и слегка спутанной. Кристи-Линн слишком хорошо знала эти симптомы.

– Можно задать тебе вопрос? – напряженно сказала она. – Если не мое дело, так и скажи.

Мисси улыбнулась и благодушно взмахнула бокалом.

– Валяй.

– Я заметила: каждый раз, когда мы встречаемся, ты... – Кристин сделала небольшую паузу, но потом решила: – Я хотела спросить,

почему ты так много пьешь?

Мисси чуть приподняла подбородок.

– А почему ты вообще не пьешь?

Кристи-Линн поняла, что подруга переводит тему, но все равно решила ответить.

– Из-за семьи. Из-за матери.

– Она пила?

– О да. Впрочем, это наследственность. Оказалось, ее мать умерла от цирроза, когда ей было двенадцать. Если учесть мою генетику, разумнее будет не искушать судьбу.

Мисси смягчилась.

– Сочувствую.

Кристи-Линн пожала плечами:

– Ерунда.

– Но ты все еще ищешь знаки.

– Не намеренно, но когда я их вижу, то обращаю внимание. И, может, немного пугаюсь. Кстати, ты не ответила на вопрос.

Мисси уставилась на бокал, лениво вращая его содержимое.

– Когда ты сказала, что хочешь задать мне вопрос, я ожидала совсем другого.

– Прости. Я не хотела лезть в чужое дело. Просто заметила, что ты...

– Стараюсь забыть? – не моргнув глазом, продолжила Мисси. – Да, возможно. Но я осторожна. Не больше двух бокалов, если надо за руль.

– А если не надо?

Мисси отвела взгляд.

– Тогда и считать необязательно, верно?

Она поднесла бокал к губам, но потом словно передумала и отставила его в сторону.

– Понимаешь, у меня не самая легкая жизнь. Два маленьких мальчика и гостиница. Я не жалуюсь. Я сама выбрала эту жизнь. И большую часть времени она мне нравится. Но иногда приятно сделать шаг в сторону и просто... Ненадолго отключиться. Представить, что мне не приходится удерживать на своих плечах весь мир.

– Вот как ты себя чувствуешь?

– Иногда. Понимаешь, я постоянно забочусь о других людях. И некоторые, чаще всего женщины, считают, что я делаю все неправильно, что пытаюсь вести бизнес и растить одной двух мальчиков эгоистично. Они не представляют, чего мне это стоит. Черт, у меня даже нет отношений. Потому что я поклялась, что дети будут для меня на первом месте, в тот день, когда вышвырнула из дома их отца. И держу слово. Да, я не президент родительского комитета и отправляю на школьные вечеринки покупные кексы, но мои дети здоровы, развиты и счастливы. А когда они вырастут, то, возможно, будут знать, как строить отношения с самодостаточной женщиной. Во всяком случае, я надеюсь.

Кристи-Линн посмотрела на Мисси с еще большим восхищением.

– Я не представляю, как ты справляешься. Я бы точно не смогла. У тебя потрясающая семья и достойное дело. И наплюй на всех, кто думает иначе. Достаточно взглянуть на мальчиков, и станет ясно: ты все делаешь *превосходно*.

Мисси просияла.

– Как мило с твоей стороны. И ты бы *смогла*. Когда появляются дети, что-то словно переключается, и у тебя внезапно открываются суперспособности.

– Я ничего об этом не знаю, – призналась Кристи-Линн, с преувеличенным интересом разглядывая елку, украшенную в тематике «Звездных войн».

– Итак, – сказала Мисси, когда молчание стало тяжелым, – могу теперь я задать тебе вопрос?

Кристи-Линн отвернулась от елки.

– Ну, вроде твоя очередь.

– Почему у тебя их нет? В смысле детей... Я не хотела совать нос...

– Но теперь хочешь?

Мисси виновато улыбнулась.

– Да, немного. Так в чем дело? Вы пытались и не смогли? Или было не до этого? Или твой муж не хотел?

– Я не хотела.

Мисси удивленно моргнула.

– А-а.

– Не ожидала, да? Поэтому я и не люблю это обсуждать. Ты переживаешь, что тебя осуждают за неправильные действия. А меня считают ущербной из-за того, чего я вообще не делала.

– Правда?

– Не вслух, но я же вижу реакцию, когда рассказываю о своей бездетности. Все думают, что у меня не получается, потому что какая нормальная женщина откажется от детей?

– Ты.

Кристи-Линн кивнула, но ничего не сказала.

– У меня чувство, что я снова должна извиниться, хоть и сама не знаю почему. Наверное, за поднятую тему.

– Я не пью по той же причине, по которой и не хочу детей.

– Алкоголизм твоей матери?

– Да. Но не только алкоголизм. Она употребляла и другие вещества. Плохие. И я решила: мои дети не будут расти так, как я. Я знаю про вечный спор о борьбе наследственности и воспитания, дело не всегда в генах, иногда сказываются ролевые модели, но я решила не рисковать.

– Ого.

– Да. Теперь понимаешь, почему я стараюсь об этом не распространяться?

– Да. Но никогда никому не позволяй винить тебя за твой выбор. Это исключительно твое дело. Больше права голоса нет ни у кого.

– Попробуй скажи это женщине, которая сует тебе визитку репродуктолога прямо в разгар коктейльной вечеринки.

Мисси мрачно покачала головой:

– Иногда людям очень не хватает такта, верно? – Она сделала глоток вина и отставила в сторону бокал, словно приняв какое-то решение. – Знаешь что? Наступает Новый год, так что давай заключим соглашение. Больше не придавать значения мнениям окружающих. Ты начинаешь новую жизнь. Весной у тебя уже будет свой книжный магазин. А потом ты встретишь кого-нибудь, и вы будете жить долго и счастливо.

Кристи-Линн посмотрела на нее с ужасом.

– Давай остановимся на книжном, ладно? Последнее, что мне сейчас нужно, – еще одна сложность.

Мисси пожала плечами, но на ее лице появилась коварная улыбка.

– Иногда за сложностями скрываются подарки.

Шестнадцать

*Свитвотер, Вирджиния.
26 марта 2017 г.*

После месяца ветра и дождей в Свитвотер наконец пришла весна, и Кристи-Линн даже мечтать не могла о лучшем дне для большого открытия. На рассвете ей позвонила Мисси и пригласила на праздничный ужин в «Тако Локо», а Дар объявила ясное небо и теплую погоду хорошим знаком. Кристи-Линн молилась, чтобы интуиция Дар не подвела. Последние три месяца прошли под стук молотка и рев пилы. Видавшие виды полки заменили на новые, дубовые полы заполировали и восстановили, кафе демонтировали и построили заново. Кристин даже устроила в глубине магазина детский уголок с игрушками и развивающими играми.

Было приятно смотреть, как место обретает форму. А самое замечательное, что преобразование происходило за заклеенными бумагой окнами – идея одного из двух студентов, которых она наняла для расстановки. И теперь наконец настало время снять маскировку.

– Уже почти десять! – крикнула из кафе Тамара, новый бариста. Она вытирала столики. – Снимешь бумагу с окон или я сама?

Кристи-Линн глянула на часы, и у нее внутри все сжалось от волнения. Вдруг никто не придет? Или еще хуже – люди придут и им не понравится? В Свитвотере не слишком любили перемены. Большинство тротуаров покрывала брусчатка времен Гражданской войны.

Сзади подошла Тамара и пихнула Кристин локтем.

– Давай, босс. Осталось пять минут. Я помогу с окнами.

Кристи-Линн кивнула, но конечности словно парализовало.

Тамара сощурила зеленые кошачьи глаза.

– О господи, ты что, нервничаешь?

– Скорее, в ужасе. А вдруг никто не придет?

– Ерунда! Все только и болтают про «Крукед Спайн». Им не терпится узнать, как ты преобразила место.

Она подошла к одной из витрин, выходящих на центральную улицу, и принялась медленно отдирать пожелтевшие листы газеты.

Кристи-Линн закрыла глаза и сделала вдох. Бабочки в животе превратились в пчелиный рой.

– Э-эм, босс? – Новый продавец, Эйлин, положила руку ей на плечо. – Вам стоит посмотреть наружу.

Когда Кристи-Линн открыла глаза, ей показалось, что под ногами задрожал пол. Она моргнула, потом еще раз. И на мгновение утратила дар речи. Похоже, пришел весь город.

– Мы забыли помыть окна, – оцепенело сообщила она.

Эйлин бросила на нее выразительный взгляд.

– Серьезно? Ты видишь только грязные окна?

Кристи-Линн покачала головой:

– Я и не думала, что на открытие книжного магазина придет столько людей.

Эйлин улыбнулась и поправила каштановый хвост.

– Конечно, придут. Как сказал Том Хэнкс в фильме «Вам письмо», мы – то место, где собираются, общаются и проводят время люди! – С этими словами она направилась в кабинет. – Включу свет.

Тамара подошла к Кристи-Линн с охапкой скомканной бумаги.

– Ты молодец, босс, – тихо сказала она. – Правда.

Кристи-Линн сморгнула подступающие слезы.

– Спасибо. И спасибо всем вам за помощь. Без тебя и Эйлин я бы не справилась.

– Должна сказать, было очень круто в этом участвовать. Ну что? Пустим их?

Прежде чем Кристи-Линн успела что-то ответить, у них над головами загорелся свет. Магазин и правда смотрелся потрясающе.

– Да, – сказала Кристи-Линн. – Впускай.

Следующие два часа прошли словно в тумане – в двери лился постоянный поток покупателей, которые восхищались переменами и благодарили Кристи-Линн за спасение магазина. Одна посетительница даже сделала несколько фотографий на телефон и пообещала переправить их Кэрол, чтобы та тоже могла увидеть преобразование.

Кристи-Линн наслаждалась каждым словом, но постепенно восторг ее утомил. Страшно хотелось пить и есть, и она начала

наткаться на углы. Она глянула на часы, а потом на кассу. Если поторопиться, можно успеть добежать до закуской.

Она подошла к Эйлин спросить, не нужно ли той что-нибудь взять, когда слова застряли в горле.

«Не может быть. Не здесь. Не сейчас».

Но ошибка исключена, судя по мурашкам на затылке – Кристин научилась прислушиваться к таким сигналам за годы уличной жизни. Такое покалывание может говорить лишь об одном: опасность.

Ускользнуть незамеченной не получится. Вместо этого она попыталась скрыться из виду, не сводя глаз с мужчины в конце очереди. В их последнюю встречу на нем был вечерний костюм, совсем не похожий на надетые сейчас джинсы и мятую рубашку. Но этот профиль и точеный подбородок забыть нельзя. Уэйд Пирс, звезда газеты «Уик ин ревью», здесь, в Свитвотере.

Он держал в руке кофе и смотрел на обложку последнего романа Стивена, словно только что выяснил нечто отвратительное. Она сомневалась, стоит ли включать в ассортимент книги Стивена, но решила, что их отсутствие может показаться странным, даже подозрительным. И вот по ужасной превратности судьбы перед ней стоял личный Мориарти ее покойного мужа, собираясь купить экземпляр «Фатальной франшизы».

Очередь двинулась, и Уэйд подошел ближе. Кристи-Линн почувствовала себя словно перед несущимся поездом. Уэйд со Стивеном жили в одной комнате, когда учились в колледже, оба специализировались на литературном творчестве, пока Уэйд внезапно не перешел на журналистику. По словам Стивена, их дружба закончилась тоже внезапно, но причины он не назвал. Даже после сцены в «Омни».

Это произошло три – нет, четыре – года назад. На ужине в честь последних достижений нескольких выпускников Виргинского университета. Стивен недавно выпустил четвертый бестселлер, Уэйд получил какую-то журналистскую награду. Подавали коктейли, и оба были навеселе. Стивен вел себя на редкость хвастливо, даже Кристин с трудом удерживалась от желания закатить глаза. Иногда он входил в подобное состояние, щеголяя фамилиями и между делом упоминая свое место в списке бестселлеров «Нью-Йорк таймс». Но она никогда не видела, чтобы он стремился кого-то унижить, – до того вечера.

И ему удалось сделать это в своем фирменном стиле, с помощью столь любимого им двусмысленного комплимента. Ехидная улыбка и похлопывание по спине, чтобы никто не понял, придирается он или хвалит. И какая-то фраза об Уэйде, что тот был самым талантливым у них в группе – чертово второе пришествие Эрнеста Хемингуэя – и, очевидно, самым мудрым, раз предпочел применять свой дар в журнальных статьях вместо погружения в глубокие воды литературного бассейна.

Сперва казалось, Уэйд воспринял ситуацию спокойно и со смехом поставил на стол бокал. Но все пошло под откос, когда он на весь бар объявил, что уж лучше работать каждый день над статьями, чем стать переоцененным писакой, ежегодно выдающим по четыреста страниц чепухи.

Кристи-Линн еще никогда не видела Стивена таким красным и испугалась, что он действительно может кого-нибудь ударить. Она встала между ними, пока ситуация не накалилась еще сильнее, и сообщила Уэйду, что полный коллег бар – не лучшее место для грязной зависти и ему, если он не может вынести успеха коллеги, стоило остаться дома. Уэйд сжал челюсти, и у него на виске яростно запульсировала вена. Так ничего и не ответив, он развернулся и вышел из бара. Кристин сердито смотрела ему вслед, но даже тогда какая-то часть ее понимала, что он прав, хотя и выразился неправильно и крайне не вовремя.

– Вот она! Мой любимый продавец книг!

Кристи-Линн повернулась и с изумлением обнаружила возле кассы Мисси с контейнером в одной руке и упаковкой пластиковой посуды в другой.

– Я не знала, успеешь ли ты пообедать, и решила занести салат. Как все идет? Ты...

– Кристин Ладлоу?

Голос Уэйда выбил ее из равновесия. Утратив контроль, она повернулась и столкнулась с парой пронзительных янтарных глаз. Уэйд оказался выше и неряшливее, чем она помнила, с плохо расчесанными волосами, ниспадающими на шею.

– Уэйд, – спокойно сказала она, потому что иного выхода уже не оставалось.

– Черт подери... Это *ты*. Я сомневался из-за коротких волос. Только не говори, что великий Стивен Ладлоу решил озарить Свитвотер своим присутствием.

– Разумеется, нет. Он...

Кристи-Линн осеклась, внезапно вспомнив о Мисси.

Уэйду же, казалось, было на все плевать, и он продолжал беседу, словно они находились в магазине лишь вдвоем:

– Должен сказать, тебя я ожидал сегодня увидеть в последнюю очередь. Я приехал за продуктами и увидел, что тут сменились владельцы. Повезло, а то пропустил бы новый роман твоего муженька. И очередной бестселлер. Сколько их теперь – десять, одиннадцать?

Уэйд говорил в шутовском, намеренно враждебном тоне, но сейчас Кристи-Линн слишком волновал факт, что буквально каждый взгляд в помещении оказался направлен на нее. Иронию такого масштаба было трудно даже осознать. Ее разоблачили в первый же день открытия ее прекрасного нового магазина, причем сделал это отмеченный наградами журналист, который ненавидел ее мужа.

– Кристи-Линн? – Мисси подошла поближе, пристально глядя на Уэйда. – Что происходит? Он тебе досаждаст?

«Да, он мне досаждаст». Именно это ей хотелось сказать, выкрикнуть. Но, прежде чем вступать в конфликт с Уэйдом Пирсом, стоит хотя бы узнать, что он делает в ее магазине.

– Я в порядке, – сказала Кристин, изображая спокойствие. – Это Уэйд Пирс, друг моего мужа.

– Твоего... – Мисси раскрыла рот, переводя взгляд с книги в руке Уэйда на лицо Кристи-Линн и явно делая выводы. – Но ты говорила, твоя фамилия Паркер.

– Да. Так и есть. – Кристи-Линн послала ей умоляющий взгляд. Все должно было случиться иначе, но раз уж так, придется платить по счетам. Но не здесь. И не сейчас. – Мисси, пожалуйста, давай я объясню все за ужином, но сейчас мне нужно отойти. Эйлин, справишься? – Не дожидаясь ответа, она кивнула Уэйду: – Пойдем.

В кафе она огляделась, убедившись, что никто не подслушивает, и повернулась к нему:

– Хорошо, что ты хочешь?

Семнадцать

Чего он хотел?

Хотел узнать, что жена Стивена Ладлоу делает в Свитвортере.

Сначала он сомневался, что это она. В основном из-за прически. Теперь она носила короткую стрижку с заправленными за уши волосами и темной прядью, ниспадающей на лоб. Ей шло. Как и тонкая блузка со свободной хлопковой юбкой. Кристин выглядела моложе, менее скованно, во всяком случае, пока не раскрыла рот.

Теперь она мрачно глядела на него, сложив руки на груди. Классическая враждебная поза. Но как можно ее винить? Сцена на университетском ужине вышла отвратительная из-за нескольких порций «Джеймсона», заказанных для него Симоной в баре. Она надеялась, это поможет ему расслабиться. Боже, как же она ошибалась.

Но виски не оправдание. Умный человек не стал бы связываться. Умный человек бы ушел. Но случилось иначе. Он не смог смолчать и в итоге нос к носу столкнулся с Кристин Ладлоу. Иногда он ее вспоминал – как она бросилась в тот вечер на защиту мужа, про жар в ее голосе, кинжалы в ее взгляде. Было неприятно, но, принимая заслуженную выволочку, Уэйд невольно задумался, сделала бы Симона для него то же самое, если бы они поменялись ролями. И через три года он получил ответ на этот вопрос. Нет.

Теперь судьба свела их вновь. Кристин продолжала угрюмо смотреть на Уэйда, дожидаясь ответа, хотя он даже вспомнить не мог, каков был вопрос.

– Слушай, если это насчет воссоединения, я...

– Как ты меня нашел?

Он уставился на нее с изумлением.

– Как я... Что?

– Можешь не прикидываться. Я знаю, где ты работаешь. Почему вы все просто не можете оставить меня в покое?

– Я не... Кто *вы все*?

Она подняла подбородок, и вернулись знакомые кинжалы.

– Если ты надеешься на разговор, то его не будет. Никаких *экслюзивов*.

– Эксклюзивов? Кристин, я не представляю, о чем ты.

– Правда? Значит, ты приехал сюда в отпуск? Ведь Свитвотер – Мекка для журналистов с Пулитцеровской премией.

– Я получил не Пулитцеровскую премию, а премию Херста, и это было много лет назад – вернее, миллион лет. А касательно твоего вопроса, я тут живу, уже почти год. И могу спросить то же самое у тебя, поскольку никак не могу представить Стивена в таком месте, как Свитвотер.

– Это какая-то игра?

Уэйд тяжело выдохнул, устав от происходящего.

– Так, я явно что-то пропустил. Зачем мне играть в игру?

– Ты правда думаешь, я поверю, что ты пришел ко мне в магазин и именно сегодня по чистой случайности?

– Вообще-то, так и есть. Стоп, это *твой* магазин?

Она бросила негодующий взгляд.

– Да об этом болтал весь город. Ты живешь в пещере или как?

– Вроде того. Я не выбирался из дома, вносил правки в свою книгу. А что?

Пламя в ее глазах сразу угасло.

– Стивен умер.

Уэйд не сразу осознал ее слова, подумав, что ослышался.

– Господи, Кристин. Прости. Он что... Болел?

– Его машина упала с моста прямо перед Днем благодарения. Об этом говорили во всех новостях.

Он на мгновение замер, запустив руку в волосы.

– Боже. Неудивительно, что ты восприняла меня в штыки. Но я не лгал. Я правда был отрезан от мира. И мне очень жаль. У нас со Стивеном возникали разногласия, но вреда я ему никогда не желал. А ты... Господи, даже не знаю, что сказать. Ты... Как ты вообще?

– Я... Справляюсь.

– Значит, ты приехала сюда за этим? Начать все сначала?

– Да, пытаюсь.

– Наверное, было нелегко.

– Да. И только что стало еще сложнее.

В ее взгляде снова появилась враждебность. Неужели дело правда в конфликте четырехлетней давности?

– Слушай, я не хотел беречь неприятные воспоминания. Я знаю, каково это – восстанавливать жизнь с нуля. Но, прости за любопытство, почему именно здесь? Не пойми меня неправильно: у меня со Свитвотером долгая история, но для людей вроде тебя это лишь точка на карте.

– Не очень понимаю, – холодно сказала Кристин, – что значит «для людей вроде меня».

«Черт подери». Казалось, любое его слово действует ей на нервы.

– По-моему, здешняя жизнь может показаться недостаточно насыщенной по сравнению с привычной тебе.

Она бросила на него ледяной взгляд.

– Ты понятия не имеешь, к чему я привыкла. И Свитвотер не просто точка на карте. Мы со Стивеном провели здесь несколько дней в медовый месяц. Он рассказывал, что вы с ним приезжали сюда рыбачить.

– Да. Давным-давно. У моего дедушки был домик на озере Силвер Лейк. Теперь он достался мне. Наверное, мы все стремимся к своему прошлому. Ностальгия – весьма сильный мотиватор.

Она расправила плечи, глядя Уэйдю прямо в глаза.

– Я приехала сюда не из-за ностальгии. А по необходимости.

– Слишком много воспоминаний?

– Слишком много журналистов. Они собрались возле моего забора, поджидая, когда я выйду за порог. В итоге мне посреди ночи пришлось бежать из собственного дома.

– И ты приехала сюда. Думаю, могу понять. Место, где вы проводили время со Стивеном.

– О, звучит неплохо, – сухо отозвалась она. – Вдова с разбитым сердцем возвращается в тихую гавань, где когда-то проводила медовый месяц. Затронет сердца читателей и сойдет за трогательную историю, хотя на самом деле никого не касается. В любом случае, уверена, история получится прекрасная. Может, тебе даже дадут очередную премию.

– Я больше не журналист.

Она моргнула.

– Ты ожидаешь, что я тебе поверю?

Уэйд почувствовал, как на виске оживает вена.

– Вообще-то, да. И обличать во лжи едва знакомого человека невежливо.

Кристин пожала плечами со смесью враждебности и скептицизма.

– Прости, но у меня был определенный опыт общения с такими, как ты.

– И с *какими* же?

– С паразитами, которые ради куша готовы переступить через кого или что угодно. Но ничего личного. Я отношусь так ко всем журналистам.

Ее слова задели сильнее, чем он хотел признавать; возможно, потому что их было сложно опровергнуть. Да, он ушел из «Уик ин ревью». Но нельзя сказать, что он не совершал поступков вопреки совести. Впрочем, он не собирался показывать Кристин, что она попала в точку.

– Для начала, – ответил он, не скрывая раздражения, – слово «куш» вышло из моды с Перри Уайтом и «Дэйли плэнет», так что, если ты планируешь меня обличать, выбирай выражения поактуальнее. Неужели невозможно поверить, что некоторые из нас пришли в журналистику из светлых побуждений?

– О да, расскажи мне о журналистской честности. Уверена, парень, который подкрался к окну моей спальни и сфотографировал меня в нижнем белье, сделал это из самых лучших побуждений.

Уэйд почувствовал, как закипает кровь. Кристин имела полное право злиться – но не на него.

– Такие парни – не журналисты, а стервятники. Буду благодарен, если ты не станешь меня к ним причислять. Я могу показать...

Но она подняла руку прежде, чем он успел закончить.

– Я не собираюсь слушать про твои награды или читать избранные цитаты из портфолио. Уверена, именно это вы все говорите себе в первый день обучения журналистике – будто пришли ради правды, справедливости и Америки. Но я знаю, каково это – оказаться с другой стороны объектива, когда тебя преследует стая шакалов, готовых снести все на своем пути, лишь бы урвать возможность сунуть тебе в лицо фотографию полуголой любовницы твоего мужа перед объективами камер, так что... Избавь меня от негодования.

Уэйд попытался прогнать образы, возникшие в голове, или хотя бы как-то систематизировать их. Было сложно сосредоточиться на чем-

то конкретном: непростительном – и нелегальном – вторжении в ее личное пространство или упоминании о полуголой любовнице. В любом случае его переполняли гнев и отвращение из-за перенесенного ею унижения от медиа – и собственного мужа. Уэйд не сомневался, что в толпе возле ее дома присутствовал представитель «Уик ин ревью». Кто-нибудь вроде Симоны.

– Мне жаль, что тебе пришлось это пережить, – тихо сказал он. – На самом деле мне жаль всех, кому приходится переживать подобные вещи, и именно поэтому я покинул «Ревью» – и Нью-Йорк. Стало невыносимо там оставаться.

Кристин прищурилась.

– Прямо так взял и ушел?

– Прямо так. У меня ни телевизора, ни интернета, поэтому я не знал о гибели Стивена, не знал о любовнице, не знал ни о чем. Честное слово, Кристин.

– Пожалуйста, не называй меня так. – Внезапно ее голос прозвучал устало. И выглядела она так же. – Здесь я Кристи-Линн Паркер, хотя, думаю, теперь уже нет разницы.

– Ты сменила имя?

– Это моя девичья фамилия. Я пыталась скрыться из поля зрения, и вполне успешно, пока не появился ты.

– Я никак не мог этого знать.

– Ты не лгал, – наконец заключила она. – Ты *правда* не знал.

– Правда. Фотография женщины – все так и было?

– Да.

– Ты знала? В смысле – до гибели Стивена?

– Нет.

У него в голове роился десяток вопросов, но он смолчал. Чутье, тонко настроенное после бог знает скольких интервью, подсказывало держать рот на замке и ждать. Это было непросто, но потом Кристин опустилась на один из стульев.

– Они вытащили ее из машины, – тихо сказала она. – Голую выше талии. И спросили, могу ли я опознать тело.

«*Черт подери*».

И все же Уэйд был не настолько уж шокирован. Возможно, потому что Стивен перестал шокировать его уже много лет назад. Но его вдова – совсем другая история. Предательство мужа явно ее

подкосило, возможно, даже сильнее, чем она осознавала, и Уэйд сразу захотелось взять ее за руку.

– Может, все иначе, чем кажется? – спросил он. – И у Стивена с этой женщиной... ничего не было?

– Нет. Я не знаю, кто она такая, но нашла ее фото в кабинете у Стивена и непонятные банковские переводы – каждый месяц, как по расписанию. Больше ничего раскопать пока не удалось, но я догадываюсь, что найду. Полиция даже не знает, кто она такая. Во всяком случае, не знали, когда неделю спустя опубликовали фотографии из морга.

– Утечка?

Кристин кивнула.

– Первая страница «Стар экзаминар».

Уэйд ненадолго закрыл глаза, жалея о собственных знаниях. Он слишком хорошо представлял празднование, неизбежное бахвальство и поздравления при таких заслугах. То же самое с фотографиями. Он видел, как Симона купалась в лучах славы из-за особенно сочных подробностей, и никто никогда не думал о людях на другом конце истории. Тогда его тошнило от подобных вещей, как и сейчас.

– Знаменитость. Трагедия. И загадочная полуголая женщина, – попытожил он. – Это объясняет толпу журналистов, но не попадание снимков из морга в желтую прессу.

– У Стивена был друг в полиции, детектив по фамилии Коннелли. Он обещал сохранить все в тайне. Но кто-то решил иначе.

– Кто?

Кристи-Линн пожала плечами:

– Они ищут. Или так говорят. Если честно, я давно им не звонила. Они не горят желанием со мной общаться.

– Неудивительно. Это кто-то из своих, возможно, из медицинских экспертов. Они не хотят, чтобы публика узнала.

Она вздохнула и покачала головой:

– Уже неважно.

– Разве?

– Стивен мертв. Как и его жена, насколько я могу судить. Теперь я Кристи-Линн.

– А я только что тебя раскрыл. И мне очень жаль. Не ожидал тебя здесь увидеть. Кто бы мог подумать?

– Да. Сегодня мой счастливый день. – Кристин горько улыбнулась, оттолкнулась от стула и встала. – Я понимала: рано или поздно меня узнают. Но надеялась, это будет не журналист.

– Я и не журналист.

– Ты так говоришь.

– Правда, – заверил он, подняв три пальца в скаутском приветствии. – Слово чести.

Она бросила на него угрюмый взгляд, не обращая внимания на попытку разрядить обстановку.

– Посмотрим. А теперь уходи. Мы скоро закрываемся, и мне нужно объяснить нашу встречу.

Уэйд встал, все еще пытаюсь уловить эмоции, которые Кристин скрывала. Страх. Гнев. Это легко. Но было что-то еще, что Уэйд не мог обозначить, но явно чувствовал.

– Было приятно снова увидеться, – сказал он, протягивая руку. Когда Кристи-Линн не отреагировала, он убрал ее обратно в карман. – М-да. Видимо, не очень.

Уэйд развернулся и направился к двери, оставив на столе «Фатальную франшизу». Конечно, когда-нибудь он прочтет этот роман. Как читал все произведения Стивена Ладлоу. Не потому что они были прекрасны. Или даже хороши. Не были. Уэйд читал их, пытаюсь разгадать загадку их популярности.

Восемнадцать

Задержав дыхание, Кристи-Линн проследила, как он уходит, и расслабилась, лишь когда он залез в пыльный черный джип и уехал. Пришло время закрытия, и магазин опустел. Эйлин и Тамара стояли и шептались о чем-то возле прилавка. Поймав взгляд Кристи-Линн, Тамара сделала шаг назад. Эйлин снова занялась кассой, распаковала стопку десятицентовых монет и бросила в ящик.

Наконец Тамара заговорила:

– Босс, ты в порядке?

– Да, – тихо ответила Кристи-Линн. – Обещаю, со временем я все объясню, но не сейчас.

– Почему бы тебе не передохнуть? – предложила Эйлин, протягивая ей принесенный Мисси контейнер. – Съешь салат.

– Или я могу приготовить тебе чай с молоком, – предложила Тамара. – Мы скоро закрываемся. Можешь просто сесть в кафе и, если нужно, собраться с мыслями.

Кристи-Линн выдавила благодарную улыбку. Она ценила их заботу, но сейчас меньше всего на свете ей хотелось собраться с мыслями.

– Спасибо. Думаю, я просто пойду поправлю книги на полках.

Кристин с облегчением исчезла среди рядов книжных полок, словно затерявшись в лесу. Если бы можно было прятаться там вечно... Но теперь правда вышла наружу, а значит, скрываться больше не выйдет. Если только Кристин не решит снова сбежать – но куда и надолго ли? Несмотря на все заверения Уэйда, прямо сейчас он может захлеб выкладывать информацию своим приятелям-журналистам, и утром снова начнется ее преследование.

Но еще хуже перспективы очередного журналистского помешательства было воспоминание о лице Мисси, когда та стояла с салатом в руках и медленно сопоставляла факты. И сейчас они с Дар сидели в «Тако Локо», пили «маргариту» и переваривали тот факт, что их обманули.

Кристин придется многое объяснить.

Когда Кристи-Линн приехала в «Тако Локо», веселье шло полным ходом. Мисси и Дар уже сидели за столиком, с хмурым видом потягивая напитки, и Кристин порадовалась бурной субботней толпе. Больше шансов избежать сцены, как она надеялась.

По дороге Кристин продумывала несколько вариантов извинений, но пришла ни с чем. У ее поступка просто не было оправданий.

– Представляю, что вы сейчас обо мне думаете, – мрачно начала она. – Но я никогда не хотела вас обманывать. Когда я приехала в Свитвотер, я... Даже не знаю, что я чувствовала, кроме усталости. После гибели Стивена мир сошел с ума. А потом опубликовали те фотографии, и все хотели узнать, что это за женщина, в том числе журналисты. Я оказалась узницей в собственном доме. А потом поймала журналиста за окном собственной спальни, он снимал меня в нижнем белье. Это стало последней каплей. Я собрала рюкзак и сбежала из дома. Вела машину, насколько хватило сил, – и оказалась здесь.

После ее слов последовало долгое молчание. Мисси качала головой, уставившись в почти пустой бокал, а Дар теребила кулон, который никогда не снимала. Кристи-Линн ждала, задержав дыхание.

Наконец Дар заговорила:

– Просто ужас. Оказаться в такой ловушке. Под прицелом в собственном доме. Неудивительно, что ты сбежала. Ты наверняка была сама не своя.

Кристи-Линн немного расслабилась, но решила рассказать конец истории:

– Мне словно прикрепили на спину мишень. Мое фото появилось в новостях и во всех газетах, телефон звонил не переставая, дом окружили. Я знала – меня не оставят в покое и повсюду выследят. Поэтому испытала такое облегчение, оказавшись в Свитвотере. Это идеальное место, чтобы спрятаться. Я использовала девичью фамилию, потому что боялась быть обнаруженной. Подумала, ничего страшного, раз я проездом. А потом одно за другим, и я не захотела уезжать. Надо было рассказать вам раньше. Я хотела. Но ложь копилась, как снежный ком.

– Ублюдки, – пробормотала Мисси, опустошив бокал. – Как они смеют так с тобой – да с кем угодно – обращаться.

Кристи-Линн удивленно моргнула.

– Ты не... злишься?

– Злюсь, – заверила ее Мисси. – Но по другим причинам. Я расстроена, что ты не смогла доверить нам правду. Но понимаю, почему ты боялась.

– Я сожалею. Правда. Сегодня, когда ты пришла в магазин...

– Ты была бледной как смерть. Я подумала, ты просто устала, а потом увидела того парня с книгой, он болтал про твоего мужа, и я не знала, что и подумать. Надеюсь, ты не обидишься, но я провела небольшое исследование в интернете. И поверить не могла. Те отвратительные фотографии из газет. А потом преследование. Ублюдки.

– Может, подать на них в суд? – с нетипичным для нее пылом спросила Дар. – Мне плевать, насколько известен был твой муж или кто был у него в машине, когда она свалилась с моста. Некоторые вещи никого не касаются. Например, ты в нижнем белье. Те снимки не напечатали?

– Вроде нет. Во всяком случае, я не видела. Мне хватило фотографий из морга.

Мисси снова покачала головой:

– Как они к ним попали? Разве это... Не знаю... Не конфиденциальная информация? То есть, ради всего святого, на ней не было рубашки! Кто захочет на это смотреть?

Дар состроила гримасу, потянувшись за чипсами.

– Издеваешься? Людям только подавай подобный мусор. Им даже плевать, правда это или нет, лишь бы были сочные подробности.

Мисси сложила руки на груди и возмущенно покачала головой:

– Вот именно, мусор.

Кристи-Линн изумленно уставилась на подруг.

– Вы так добры. Я думала, вы придете в ярость. И не станете меня оправдывать. Ведь я вас обманула.

Мисси потрепала ее по руке.

– Ну конечно, милая. Ты была вынуждена так поступить. И кто скажет, что на твоём месте не поступил бы так же?

У Кристи-Линн сжалось горло.

– У меня нет слов.

Мисси подмигнула.

– Нам срочно нужен Марко. Ведь сегодня мы празднуем, а у меня пустой бокал.

Настроение значительно улучшилось, когда им принесли закуски и новые порции напитков. Все почти вернулось в норму, когда Мисси оторвалась от картошки и с нарочитой элегантностью вытерла губы.

– Ну хорошо, думаю, пора задать вопрос, который мучает нас обеих с тех пор, как мы узнали правду о твоём покойном супруге, – объявила Мисси, помрачнев.

Кристи-Линн опустила вилку и приготовилась.

– Хорошо.

– Сколько этот у блюдок тебе оставил?

Дар прикрыла ладонью рот, сдерживая хихиканье и пытаясь сохранить серьёзный вид.

– Мисси! Тебя не учили, что спрашивать людей об их финансовом положении невежливо?

– Ой, как будто тебе не любопытно!

– Дело не в этом, – отмахнулась Дар и повернулась к Кристи-Линн, по-прежнему сражаясь со смехом: – Прости ее. Если не хочется, можешь не отвечать.

Но Кристи-Линн не обиделась.

– Нет, все в порядке, хотя на самом деле я не совсем представляю общую сумму. Такими вопросами всегда занимался Стивен, а после его смерти возникло слишком много хлопот. Потом я готовилась к открытию магазина. Мне все еще надо разобраться с некоторыми счетами.

– Но ты при деньгах, верно?

– Мисси, это не твоё дело!

Кристи-Линн не удержалась от смеха.

– Да, пожалуй.

– Не буду врать, – начала Мисси, снова взяв вилку, – мне было очень любопытно, что за страховка способна покрыть покупку магазина и дома. А теперь я не понимаю, почему бы тебе просто немного не передохнуть. С такими деньгами столько возможностей.

Кристи-Линн взяла свой чай со льдом и принялась теревать соломинку.

– Понимаю, звучит безумно, но я сомневаюсь, что вообще смогу их тратить. Теперь у меня есть магазин и дом, но я купила их на деньги с продажи нашего дома в Клир Харбор. А остальное – инвестиции и гонорары за книги – просто копится. Я знаю, по закону они принадлежат мне, но после всего случившегося... Все решения принимал Стивен. Где нам жить. Что есть. Даже какую мне делать прическу. Думаю, мне хочется просто пожить для себя. – Кристин пожала плечами. – И я хочу сделать это сама, построить жизнь с нуля. Понимаете?

Мисси мягко улыбнулась.

– Конечно. На самом деле я купила гостиницу именно поэтому. После развода, с двумя маленькими мальчиками я словно оказалась на нулевой отметке. Я понятия не имела, что делать дальше. Просто знала: мне нужен план, и побыстрее. Поэтому купила гостиницу. Она стала моим компасом, направлением, куда можно двигаться каждый день и говорить: это я, это мое дело. Магазин – твой компас. Сначала будет страшно, и он будет занимать все твое внимание. Но однажды ты расслабишься и поймешь: все будет хорошо. В один прекрасный день.

Кристи-Линн с трудом сдерживала слезы. Ей понравились слова про компас и то, что однажды все будет хорошо.

– Спасибо вам – вам обеим – за такую поддержку. Не уверена, что я ее заслужила, но я очень вам благодарна.

– Ой, хватит, – ответила Дар. – Мы же друзья. Но мне не терпится расспросить про парня, который заходил в магазин. Откуда ты его знаешь?

– Его зовут Уэйд Пирс. Он жил со Стивеном в одной комнате во время учебы в колледже. Во всяком случае, какое-то время. Они поругались.

– Из-за чего?

– Не знаю. Стивен отказывался это обсуждать. Подозреваю, дело в женщине.

– Вполне представляю, – ответила Мисси, игриво подмигнув. – Он довольно привлекателен. Минимум метр девяносто, широкие плечи. И приятное лицо, если тебе нравятся небритые.

Дар наморщила нос.

– Нет, спасибо. Был у меня один такой, после его бороды все горело. Кристи-Линн, чем он занимается?

– Он журналист.

Мисси напряглась.

– Неудивительно, что ты так побледнела, когда он явился. Если пресса все еще тебя ищет, могут возникнуть проблемы.

– К счастью для меня, внимание публики весьма непостоянно. Кажется, все переключились на вопросы поинтереснее. Будем надеяться, так и есть. Кроме того, он уверяет, что ушел из профессии. Говорит, работает над романом и живет в домике у озера, без телевизора и интернета. Он даже не знал о смерти Стивена, пока я не сказала.

– А знаешь, – сказала Мисси, задумчиво постучав пальцем по губе, – думаю, мой отец знал его деда. Его звали Грейсон Пирс, но все называли его Грэди. По рассказам папы, он был мастер на все руки. Сам построил тот домик. Он умер несколько лет назад. Не знала, что там кто-то живет. Но там настоящая глушь – думаю, подходящее место, чтобы писать. Никаких соседей, и прямо у воды.

Кристи-Линн пожалала плечами:

– Я ничего не знаю про его семью или про домик – только то, что они со Стивеном несколько раз приезжали сюда рыбачить, когда дружили.

– Как же не повезло – явился и испортил тебе такой важный день. – Мисси вдруг прищурилась: – Как думаешь, он не вызовет проблем?

– При желании мог бы, но, надеюсь, не станет. По его словам, он оставил журналистику в прошлом. Ему стало невыносимо жить в Нью-Йорке.

Мисси недоверчиво хмыкнула.

– На твоём месте я бы не расслаблялась.

Кристи-Линн неопределенно кивнула. Совет прозвучал вполне разумно, но она все равно чувствовала себя немного виноватой после того разговора в кафе, когда она причислила Уэйда к ораве журналистов возле своего дома, хотя практически ничего о нем не знала.

Кристи повела себя высокомерно, осудив его. И ждала того же самого от Мисси и Дар, когда пришла сегодня в «Тако Локо». Но они

вместо этого окружили ее поддержкой, выслушав историю без всякого осуждения. Похоже, в плане дружбы Кристин предстоит многому научиться.

Девятнадцать

Кристи-Линн глянула на часы, надеясь, что еще не слишком поздно для незапланированного визита. Она уже проехала полпути до дома после ужина с Мисси и Дар, когда решила, что ей необходимо прояснить вопрос. К сожалению, в справочном столе адреса Уэйда Пирса не знали, что подтверждало его историю о жизни в глуши, и Кристин пришлось ехать в темноте до озера Силвер Лейк, руководствуясь лишь примерным описанием домика у озера от Мисси.

К счастью, описание оказалось достаточно точным, и Кристин удалось добраться до места. Но теперь, поднявшись на крыльцо Уэйда, Кристи-Линн засомневалась. Да, она вела себя отвратительно и даже опустилась до ярлыков, но в ее обстоятельствах это неудивительно. Может, ей стоит просто сбежать обратно в «Ровер» и обо всем забыть?

Но прежде, чем она успела передумать, дверь распахнулась. Уэйд даже не попытался скрыть удивления.

– Кристин. Прости... Кристи-Линн. Я услышал, как подъехала машина. Что ты здесь делаешь?

– Извини. Надеюсь, я не слишком поздно?

– Э-эм... Нет. – У него в руке была кружка, и по крыльцу витал аромат кофе. – Заходи. Я только заварил, если хочешь.

– Нет. Нет, спасибо. Я ненадолго. Просто хотела поговорить про сегодня.

– Можем поговорить на кухне? Хочу налить себе еще.

Кристи-Линн разглядывала домик, пока брела за Уэйдом на кухню. Он был небольшим, но благодаря открытой планировке и высокому потолку казался удивительно просторным. Лестница в углу вела на просторный верхний этаж. Если задрать голову, можно было увидеть изножье незаправленной кровати.

– Уверена, что не хочешь кофе?

– Нет, спасибо. – Кристин засмотрелась на освещенную луной водную гладь за стеклянными дверями. – Вот это вид.

– Да.

Они посмотрели друг на друга, и повисло неловкое молчание. Наконец к Кристи-Линн вернулся дар речи.

– Насчет сегодня. Пожалуй, я наговорила лишнего.

Уэйд немного расслабился, но не полностью.

– Ничего. Я просто напугал тебя.

– Понимаешь, я пыталась оставить все в прошлом, а тут вдруг появляешься ты, и все может начаться сначала.

Он медленно сделал глоток, словно раздумывая над ее словами.

– Ты подумала, я выйду из магазина и сразу схвачусь за телефон, начну звонить старому другу?

– Вроде того.

– Ты всегда ожидаешь от людей худшего или только от меня?

Кристи-Линн не знала, что ответить, хотя вопрос прозвучал резонно. Пожалуй, всего понемногу, хотя нынешнее ехидство явно не прибавляло Уэйдю очков.

– Слушай, я приехала извиниться, но ты усложняешь задачу.

Он поскреб щетину на подбородке. Стивена бы такой вид не украсил, но Уэйдю шло.

– Я предложил кофе.

Кристи-Линн проигнорировала замечание. У нее не было настроения шутить.

– Давай я просто скажу, что собиралась, и пойду. Я не идиотка. Я знаю, что у вас с моим мужем был старый конфликт, и прости за преждевременные выводы сегодня днем. Я была неправа. Но сложно не подумать, что все это доставляет тебе колоссальное удовлетворение.

– Ого. – Уэйд очень медленно опустил кружку. – Весьма резкое обвинение для приносящего извинения человека. Хочешь сказать, я получаю от ситуации изощренное удовольствие?

– Просто называю факты, как я их вижу. Я не знаю, что много лет назад произошло между тобой и моим мужем. Он мне не рассказывал. Я предполагала, что вы влюбились в одну и ту же девушку и ты проиграл.

Уэйд помрачнел.

– Поверь, наш со Стивеном конфликт никак не связан с битвой за королеву выпускного бала.

– Ты тоже мне не расскажешь?

Он снова взял кружку.

– Нет.

– Хорошо. Я пришла сказать: я понимаю, тебя ничто не удерживает от звонка. И я даже вполне уверена, при желании ты мог бы неплохо с этого поиметь, но...

Уэйд раздраженно перебил:

– Во-первых, *настоящие* журналисты не платят за истории. Это... неэтично. Во-вторых, у меня нет привычки предавать друзей.

Кристи-Линн слегка приподняла подбородок.

– Стивен не был твоим другом. Это ты обозначил четко, хоть и не называешь причины.

– Я имел в виду тебя.

– А-а. – Заявление немного сбило ее с толку. – Но разве я тебе друг? Ты *был* журналистом, у тебя, скорее всего, остались связи, но пока ты никуда не позвонил, думаю, мне придется поверить тебе на слово.

– Ну не слишком тепло и душевно, но принято. И я не лгал, когда сказал, что покончил с той жизнью, Кристи-Линн. Уход мне очень дорого стоил, но я смог. Потому что устал с отвращением смотреться в зеркало. Хотел заниматься чем-то достойным, вспомнить, кем я был, пока они не вонзили в меня когти. Правда, до сих пор сомневаюсь, что вспомнил. Звучит безумно, да? Не знать, кто ты такой?

Она смотрела на озеро. Потом повернулась к Уэиду:

– Вообще-то нет. В смысле не безумно. Иногда происходит то, что мы контролировать не в силах, и это сбивает нас с ног – сильно. И подниматься нелегко. – Она снова повернулась к стеклу. – Иногда невозможно.

– Та женщина, – тихо сказал Уэйд, – которая была в машине у Стивена, когда он умер. Ты имеешь в виду ее?

– Да.

– И что еще?

– Ничего. – Она пожала плечами и отошла от двери. – Не знаю. Вопросы. Те, которые закрадываются в душу, когда спадает первое оцепенение. Как долго это продолжалось? Любил ли он ее? – Кристин сделала паузу, крепко обхватив себя руками. – Есть ли здесь моя вина?

– Ты только что сказала *про свою вину*?

Она отвела взгляд.

– Мужчины изменяют, пытаюсь получить то, чего им не хватает дома.

– Где ты набралась этого бреда? В «Космо»?

Жесткий ответ удивил ее. И задел.

– Хорошо, ты – эксперт по мужскому поведению. Как думаешь, почему он так поступил?

– Потому что был Стивенем. И думал, что его не поймают.

Избегая смотреть Уэйду в глаза, она оглядела маленькую кухню – сучковатые еловые шкафы с коваными железными ручками, сушилка над раковиной с коричневой керамической посудой.

– Я могла бы быть лучшей женой, – наконец выпалила Кристин. – Может, поэтому он продолжал поиски? Меня оказалось недостаточно.

Уэйд покачал головой раздраженно и удивленно.

– Люди вроде Стивена изменяют не потому, что им не хватает чего-то дома, Кристи-Линн. Они изменяют, потому что им не хватает чего-то внутри, поэтому они берут и присваивают желаемое, пытаются заполнить дыру внутри. Для этого ему и была нужна та женщина. Заполнить пустоту. Он захотел ее и взял. Дело не в тебе.

Кристин смотрела на него, обдумывая услышанное.

– Откуда ты знаешь?

– Опыт.

Он ответил уверенно, словно иначе и невозможно, и она вдруг поняла, что пришла именно за этим. Не принести неохотные извинения, а пообщаться с тем, кто знал ее мужа, с тем, кто *по-настоящему* знал человека, за которого она вышла замуж.

– Спасибо, – тихо сказала она.

– За что?

– За то, что выслушал. Я так мало знаю, у меня столько вопросов без ответов. И я ни с кем ничего не обсуждала, не считая детектива Коннелли, а он не особенно разговорчив.

– Ты не думала обратиться к его начальству?

– Угрожала.

– Угрожать не значит сделать.

Очередной нескрываемый упрек снова задел и без того оголенные нервы.

– Я была немного занята, готовилась к открытию магазина, – холодно напомнила она. – Но во время нашего последнего разговора он заверил, что я лишь зря потрачу время.

– Как давно это было?

– Не знаю. Несколько месяцев.

– И все? Ты поверила ему на слово? Несколько минут назад ты жаловалась, что у тебя множество вопросов, а теперь оказывается, что ты не связывалась с ним несколько месяцев. Это не мое дело, но, может, пора задать себе вопрос: *настолько ли* ты хочешь знать?

Кристи-Линн напряглась. У него была манера смотреть ей в глаза, удерживая взгляд, пока она не смутится. Интересно, это естественная черта или привычка журналиста? В любом случае это раздражало.

– К чему ты клонишь?

– Просто иногда проще не знать, чем сталкиваться с фактами лицом к лицу. Поверь, у меня есть опыт. Факты могут быть отвратительны, но это факты. Представлять иное – это не работает.

– Думаешь, я представляю?

– Думаю, ты прячешься. И понимаю почему. Просто не удивляйся, когда однажды это перестанет работать.

«*Прячешься*». Именно это она и делала. Избегала неприятной правды, делая вид, что слишком занята для разговоров по телефону. Но что потом? Когда откроется правда, с ней надо будет что-то делать. Придется действовать. Принять. Жить с этим. Разве она готова?

– Думаю, я лучше пойду.

– Кристи-Линн, я тебя не осуждаю.

– Разве?

– Просто... делаю выводы.

– Разницу найти непросто.

Уэйд провел рукой по волосам и смущенно улыбнулся.

– Слушай, я не хочу быть мерзавцем. Похоже, это просто моя натура. Как ты уже могла догадаться, у меня есть привычка высказывать мнение вне зависимости от желания окружающих. Но должен сказать, обычно у меня благие побуждения.

Кристи-Линн молча смотрела ему в глаза. Если он надеялся на смех, то неправильно оценил публику. Он нанес слишком сильный удар, и оба об этом знали.

– Думаю, нам лучше просто держаться друг от друга подальше, – бросила Кристин через плечо, направившись к выходу. Она все сказала. А теперь хотела просто уйти и навсегда забыть их разговор. Если это значит, что она прячется, – ну и пусть.

Уэйд наблюдал, как задние фары «Рейнджровера» пропадают из вида. Он явно облажался, умудрился превратить извинения в спор, потому что не смог удержать при себе собственное мнение. Но Кристин открыла эту дверь сама; ему оставалось только зайти. И, несмотря на их историю, которая сводилась к одной спровоцированной алкоголем перепалке по поводу бахвальства ее мужа, он правда хотел помочь.

Кристин сейчас непросто, она сомневается в себе как в женщине и в жене, винит себя за то, в чем даже близко не виновата. Потому что совершила ошибку – связалась с ублюдком. Возможно ли было состоять в браке со Стивеном Ладлоу и не знать, кто он на самом деле такой? Одно очевидно – он очень сильно повлиял на Кристи-Линн.

За всеми ледяными взглядами и едкими ответами она была невероятно хрупкой, словно разбитый на осколки и небрежно склеенный вновь фарфор. Одно неверное движение, и она развалится. Не факт, что все эти трещины – дело рук ее мужа. Возможно, она получила их задолго до встречи со Стивеном, а он лишь расширил их, заметив слабые места. Да, чем больше Уэйд об этом раздумывал, тем сильнее убеждался: именно так все и произошло. Впрочем, это неважно. Она четко дала понять: их перемирие – все двенадцать минут – окончено.

Вопрос Уэйда преследовал Кристи-Линн всю дорогу домой. Может, он прав? И она действительно *не хочет* ответов? Обвинение терзало ее. Не потому, что ее возмущали его слова, а потому, что в глубине души она знала: он прав.

Она не созванивалась с Коннелли уже несколько месяцев. Да, она занималась магазином и ремонтом, но теперь, когда открытие состоялось, зачем откладывать поиск ответов? Стивен умер, и она начала новую жизнь. Даже медиа про нее забыли. Почему не сделать то же самое?

Может, Уэйд прав. Может, измена произошла не из-за нее, а из-за огромного эго Стивена и чувства вседозволенности. Но что, если Уэйд

ошибся? Что, если чего-то не хватало в ней и ее муж оказался вынужден искать это в объятиях другой женщины? Мысль должна была ужасать Кристин – и ужасала. Обманутых женщин всегда унижали выдумками об их недостатках. Но сомнения тревожили ее, словно камешек в ботинке, который рано или поздно придется вынуть.

Продолжая размышлять, она припарковалась возле дома и заглушила мотор. После событий дня Кристи-Линн испытала огромное облегчение, когда повернула ключ и зашла в коттедж двадцатых годов, который теперь называла домом. Небольшой, но другого ей и не нужно. Обстановка была довольно убогой – комнаты заставлены мебелью и безделушками Кэрол, ванная и кухня безнадежно устарели. Но у Кристи-Линн просто не было сил отремонтировать одновременно дом и магазин. Теперь, после открытия, можно наконец заняться обустройством дома.

Но не сегодня.

Пока она ехала домой, у нее разболелась голова. Открытие превзошло самые смелые ожидания, и ей удалось сгладить ситуацию с Мисси и Дар, но Кристи-Линн никак не удавалось избавиться от ощущения, что Уэйд Пирс еще не закончил усложнять ей жизнь. Впрочем, она подумает об этом завтра. Сейчас в ее силах только выпить две таблетки ибупрофена, стянуть одежду и упасть в кровать. Оказавшись под одеялом, Кристин выдохнула, выключила лампу и погрузилась в странные, зыбкие сновидения.

Ледяная вода вонзается в кожу миллионами иголок. Она мутная. Словно после мытья посуды или как чайная заварка. Вдалеке горит фонарь – нет, два фонаря – угрюмые точки в водном полумраке. На дне безжизненно лежит грудa холодного, кривого металла. За стеклянным квадратом виднеется лицо женщины, иссиня-белое и знакомое – ее светлые волосы окружили голову, словно нимб. Она висит в воде с закрытыми глазами, как жуткая русалка, и из вмятины на виске странным образом не идет кровь. А потом она вдруг открывает глаза. Большие, остекленевшие, ярко-лиловые даже сквозь толщу воды. И синие губы начинают двигаться. Слов не разобрать, но в пустых глазах застыли отчаяние, одиночество и потеря, она продолжает шевелить губами, словно пытается рассказать какой-то ужасный секрет. Признание? Молитву? Запоздалое извинение?

Неизвестно. А потом лиловые глаза вдруг закрываются, губы замирают. Снова становится тихо. Но Кристи-Линн не уплывает. Она остается и ждет, желая, чтобы мертвые лиловые глаза открылись вновь.

Двадцать

*Свитвотер, Вирджиния.
1 мая 2017 г.*

На столе перед Кристи-Линн лежали стопки бумаг, но она никак не могла заставить себя сосредоточиться. Вчера сон опять повторился, как и почти каждую ночь последние пять недель с тех пор, как она съездила к Уэйд на Силвер Лейк.

Мрачные сны посещали ее и прежде, в юности ей постоянно снились кошмары, но этот был другим, настолько ярким, что она часто просыпалась с криком, насквозь промокнув от пота. К тому же сны начали сказываться на самочувствии. Она быстро утомлялась, постоянно была в плохом настроении и боялась засыпать.

Первый сон можно было объяснить и без специального образования, как и причины его повторения. Уэйд ступил на зыбкую почву, но его наблюдения пролили свет на вещи, которые она старательно предпочитала не замечать – главным образом умышленно избегая вопросов о неизвестной девушке Стивена. И даже теперь, больше месяца спустя, Кристин не хватало мужества взяться за телефон.

Поддавшись порыву, отчасти даже защищаясь, она потянулась к мобильному. Хватит гадать.

– Я хочу поговорить с детективом Коннелли, – сообщила Кристи-Линн сержанту Вуду, поднявшему трубку после второго гудка.

– Простите, мэм. Детектив Коннелли здесь больше не работает.

Сначала Кристин даже решила, что ослышалась.

– Вы сказали, он у вас больше не работает?

– Да, мэм.

– Что это значит?

Повисла пауза, словно сержант не сразу понял вопрос.

– Это значит, его тут нет, он преждевременно ушел на пенсию.

– Когда?

– Полагаю, с первого января. Я могу соединить вас с кем-то еще?

– Нет... Да! Я хочу поговорить с человеком, к которому перешли дела детектива Коннелли.

– Могу я узнать ваше имя?

– Кристин Ладлоу. Я была женой Стивена Ладлоу и надеялась...

– Секунду, пожалуйста.

Воцарилось молчание. Через несколько секунд она услышала новый голос:

– Это капитан Биллингс, миссис Ладлоу, из отдела связей с общественностью. Чем могу помочь?

– Вы начальник детектива Коннелли?

– Не совсем, хотя я выше его по званию, если вы об этом.

Кристи-Линн медлила с ответом. На самом деле она не знала, что спросить. Она все еще пыталась осознать уход Коннелли, ведь он говорил ей, что ему еще два года до пенсии.

– Миссис Ладлоу?

– Да, простите. Я надеялась поговорить с человеком, которому передали дела Коннелли. Я пытаюсь узнать подробности насчет гибели мужа. А именно – про женщину, которая была с ним в машине.

– Дело вашего мужа закрыли несколько месяцев назад, миссис Ладлоу. Признаков убийства не обнаружено, уровень алкоголя в крови в пределах законной нормы. В заключении указано утопление в результате несчастного случая.

– А женщина?

Биллингс выдержал небольшую паузу.

– Женщина?

– Да, капитан, женщина. Уверена, вы ее помните. Благодаря сотрудникам вашего отдела ее фотографии разошлись по всем газетам.

Капитан кашлянул – неловкий, нерешительный звук.

– Да, конечно. Получилось... неловко. Но, боюсь, мы не можем сообщить никакой информации касательно второй жертвы. Вопрос весьма деликатный, особенно если учесть публичность вашего супруга, и у семьи есть право на частную жизнь. Наверное, лучше всего будет просто... оставить все как есть.

У Кристи-Линн начала закипать кровь.

– Уже поздно волноваться насчет деликатности, вам не кажется? И где была забота о частной жизни, когда возле моего дома

собрались журналисты с фотографиями, переданными кем-то из вашего отдела?

– Миссис Ладлоу! – Его тон стал жестче. – Нет доказательств, что фотографии поступили от человека из нашего отдела, хотя я понимаю, как тяжело вам пришлось. И что бы вы ни думали, мы очень серьезно относимся к семейному праву на частную жизнь. И поэтому не выдадим никакой информации о второй жертве – вне зависимости от ее наличия.

– Но как же мои права, я ведь жена? К ним вы серьезно не относитесь?

– Простите, если кажусь бесчувственным. Я не хотел. Но это правда не наш вопрос. Надеюсь, вы понимаете. До свидания.

Он положил трубку прежде, чем она успела возразить. Кристи-Линн пялилась на экран телефона со смесью смущения и раздражения. Они явно хотели забыть про это дело, но как же она?

Дрожащими руками Кристин пролистала контакты в поисках личного номера Коннелли. Если хороший детектив больше не работает в полиции Клир Харбор, возможно, он наконец захочет помочь.

Но, увы, номер больше не обслуживался, что показалось ей странным. Если он переехал, домашний телефон могли отключить, но номера мобильных люди обычно сохраняют, разве нет? Она набрала справочную, но продиктованный ими номер тоже оказался выключен. Кристин вспомнила, как он говорил что-то про яхту на Флорида-Кис, но пытаться отыскать его на архипелаге из сорока островов словно искать иголку в стоге сена.

Она все еще размышляла, как поступить дальше, когда появилась Тамара с высоким стаканом в руке.

– Что это?

– Тройной латте, – с явной жалостью сообщила Тамара.

– Я настолько ужасно выгляжу?

– Немного кофеина и тональник все исправят. Кстати, у тебя гость.

Кристи-Линн тяжело вздохнула. Так она никогда не разберется с налогами.

– Кто?

Тамара ухмыльнулась.

– Даю подсказку: высокий, темноволосый, неряшливый.

– Здесь Уэйд?

– Ну конечно. Он же здесь постоянно – будто сама не знаешь.

– Да, но не ради встречи со мной.

Тамара закатила глаза, словно имела дело с особенно несносным ребенком.

– Да. Неважно. В общем, я сообщила.

Когда Кристин вышла из задней комнаты, Уэйд сидел в кафе. Он кивнул.

– Привет.

– Привет.

Он слегка прищурился:

– Ты в порядке? Выглядишь уставшей.

– Да, мне сказали. Что такое?

– Пришел пригласить тебя на обед.

Кристин подумала, что ослышалась.

– Что?

– Говорю, я пришел пригласить тебя на обед.

– Почему?

Не слишком элегантный ответ, но Кристи-Линн была слишком ошеломлена. Они виделись несколько раз в неделю – вернее, избегали друг друга, посылая в знак приветствия короткие кивки, если случайно встречались взглядами в кафе. И вдруг приглашение на обед?

– Я предлагаю перемирие. Подумал, как-то глупо постоянно сталкиваться и вечно отмалчиваться.

– Я с тобой не сталкиваюсь, – холодно подчеркнула Кристи-Линн. – Ты приходишь ко мне в магазин.

– Справедливо. Иногда мне нужно сменить обстановку, и это работает. Ну, что скажешь? Пообедаем?

– Я работаю. Вернее, пытаюсь. Получается не очень.

– Я могу чем-то помочь?

– Нет, если не хочешь распаковать и расставить по полкам три коробки книг.

– Звучит соблазнительно, но, пожалуй, в другой раз.

– Значит, предложение было скорее гипотетическим.

Он улыбнулся и внезапно стал похож на мальчишку.

– Вроде того. Может, пообедаем в другой раз?

Кристи-Линн нерешительно пожала плечами. Он явно хотел наладить отношения, хотя она не понимала, почему это беспокоит его спустя столько лет. Может, он из тех, кому позарез нужно всем нравиться? Она же, в свою очередь, предпочитала соблюдать дистанцию.

– Да, может.

Кристин наблюдала, как он уходит, и дождалась, пока он залезет в джип и уедет, прежде чем повернуться к Тамаре, которая улыбалась до ушей, делая вид, что вытирает прилавок.

Кристи-Линн погрозила ей пальцем.

– Я знаю, чему ты улыбаешься, можешь сразу оставить эту идею. Мы друг другу даже не нравимся.

– Но он весьма привлекателен, правда?

– Я плачу тебе не за оценку посетителей.

– Нет, – подмигнула Тамара, – но это приятное дополнение.

– Эй, что там происходит? – появилась Эйлин с метелкой для пыли. – Почему вы веселитесь без меня?

– Не знаю насчет веселья, – игриво отозвалась Тамара, – но вполне уверена, что у босса появился поклонник.

– Нет, не появился, – отрезала Кристи-Линн. – А теперь за работу, обе. Если понадобится, я занимаюсь счетами. И нечего шептаться у меня за спиной: я все узнаю.

Уходя, она уже слышала хихиканье Тамары и Эйлин. Они уже несколько недель отпускали хитрые замечания про частоту визитов Уэйда, хотя явно неверно трактовали его мотивы. Впрочем, их можно понять. Они молоды и слишком наивны, еще верят в вечную счастливую любовь и прочие сказки – и в то, что иногда черта между лягушкой и принцем становится весьма размытой.

Двадцать один

*Монкс Корнер, Южная Каролина.
12 апреля 1998 г.*

Обычно все начинается из-за сигарет – кто выкурил последнюю, чья очередь покупать – и постепенно переходит к пиву. Сегодняшний поединок ничем не отличается: язвительные замечания, грязные ругательства, целые тирады на повышенных тонах. Кристи-Линн у себя в комнате уткнулась в книгу по истории, громко включив U2, чтобы хоть как-то заглушить отвратительные вопли с кухни.

Ничего нового не происходит, хотя Деррик, последний в череде неудачников ее матери, громче, чем несколько предыдущих. Он пугает Кристи-Линн, когда пьян, а пьян он почти все время. Он ругается, кидает предметы и быстро переходит к рукоприкладству, если мать огрызается. Лучше, когда они курят травку, по крайней мере, тише, но деньги на дурь есть не всегда. Они оказались в черном списке у дилера, когда ее мать уволили из «Пиггли Виггли».

Одалживать.

Так называла это мать, когда ее поймали за воровством денег из кассы. Босс назвал это хищением и уволил ее. Шарлен не арестовали по одной-единственной причине – она сказала полиции, что в одиночку растит маленькую девочку.

Они позволили ей постепенно выплатить долг – по пятьдесят долларов в месяц. Но ей не слишком везет с поисками новой работы. Видимо, кто-то из «Пиггли Виггли» пустил слух, а значит, они живут на чаевые из «Гетэвей Лаундж» и гроши, которые Деррик приносит домой, если достаточно трезв, чтобы работать.

Кристи-Линн отрабатывает в магазине пончиков все предложенные часы. Платят немного, но хватает на еду и иногда на электричество. Но не на аренду. Она снова просрочена. На два месяца. Но никто об этом не говорит. Потому что никто не знает, что будет дальше. И похоже, им плевать. Они только пьют, ругаются и курят траву.

Из кухни снова доносятся крики и потоки ругательства. Кристи-Линн делает музыку еще громче и возвращается к книге по истории. Она прекрасно знает – вмешиваться в конфликты матери не стоит. Нельзя сказать, что она не пробовала. За годы таких попыток ее пинали, шлепали и били по голове. Но это не самое страшное. Самое страшное, что на следующее утро мать всегда накидывается на нее с обвинениями, словно готова просыпаться с фингалом и сломанной челюстью, лишь бы не уехал ее очередной прекрасный принц.

Внезапно раздается звон разбитого стекла – три взрыва, один за другим. Их сопровождает яростный крик, а потом душераздирающий вопль. Книга падает на пол, Кристин вскакивает с кровати и бежит по коридору в развороченную кухню. Но уже слишком поздно.

Шарлен Паркер скорчилась на коленях, словно куча поломанного хвороста, окровавленная рука прижата к левой половине лица. Кристи-Линн с ужасом смотрит, как ровная красная струйка сочится сквозь пальцы матери на грязный пол. Над матерью стоит Деррик, широко расставив ноги и слегка покачиваясь.

– Что ты наделал? – спрашивает Кристи-Линн, глядя на зажатый в его кулаке разделочный нож. – Она вся в крови!

Лезвие ножа тоже в крови. Деррик опускает на него почти удивленный взгляд.

– Сука кинула в меня бутылкой, – рычит Деррик, обнажая окровавленные десны и недостающий резец. Его губа треснула, словно переспелая слива, подбородок запачкан кровью.

Деррик делает шаг вперед, но Кристи-Линн встает у него на пути.

– Отойди от нее, – приказывает она, – или ты пожалеешь!

Шарлен всхлипывает и пошатывается, пытаясь встать, но снова падает в быстро растущую лужу крови.

– Ты порезал меня! – захлебываясь, воеет она. – Порезал мне лицо, пьяный ублюдок!

Кристи-Линн с трудом удается поднять мать на ноги. Та ворчит и всхлипывает, а ее футболка покрывается ярко-красными пятнами. Кристи-Линн чувствует приступ ледяной паники, слабый металлический привкус в горле. Она никогда не видела столько крови – крови ее матери, – и в какой-то момент комната начинает плыть.

Левая сторона лица Шарлен Паркер порезана от щеки до подбородка, и в зияющей дыре виднеется розовая плоть. «Останется шрам», – отстраненно думает Кристи-Линн. Прекрасное лицо ее матери испорчено.

А потом возле здания слышится вой сирен, за тонкими шторами мигают холодные синие огни. Кто-то стучит в дверь квартиры кулаком под отчаянный вой Шарлен.

– Полиция! Откройте!

– Помогите! – откликается Шарлен. – Он пытается меня убить!

Деррик смотрит на нож в своей руке, и на мгновение Кристи-Линн становится страшно, что он кого-нибудь пырнет. Отчаянные люди совершают отчаянные поступки. Но Деррик бросает нож, лихорадочно пытаясь придумать другой путь к отступлению. Но прежде, чем он успевает сделать шаг, раздается хруст сломанного дерева, и внутрь врывается полиция, держа наготове пистолеты, как в кино. У Кристи-Линн дрожат от облегчения ноги. Впервые в жизни она благодарна любопытным соседям.

Деррик стоит, словно окаменев, пока на него надевают наручники и зачитывают права. Кристи-Линн наблюдает за ним с кровожадным удовлетворением. Она рада, что он отправится в тюрьму, рада, что он больше не будет торчать у них дома, проматывая последние гроши. Но удовлетворение длится недолго. Приезжают врачи и осматривают на кухне Шарлен. Полицейские тоже на кухне, зачитывают ей ее права. Нападение, объясняют они. Не самозащита. Потому что она бросила в Деррика бутылку прежде, чем он накинулся на нее с ножом, а не после.

Кристи-Линн разрешают поехать в машине скорой помощи, но, когда они добираются до больницы, ей велят остаться в комнате ожидания. Она лишь беспомощно наблюдает, как ее мать увозят на каталке. Ее пускают к Шарлен только в пять утра.

В палате холодно и пахнет антисептиком. После суматохи в комнате ожидания тишина кажется тревожной. Шарлен неподвижно лежит на слегка приподнятой кровати, ее рука в гипсе, а левая щека перебинтована. Доктора зашили ей лицо.

Мать поднимает веки.

– Малышка...

Кристи-Линн смотрит на кровать, и лицо ее матери вдруг начинает расплываться. Когда-то она была самой красивой девушкой в Монкс Корнере, а теперь...

– Тебе больно?

– Сейчас – нет. – Пальцы Шарлен ощупывают повязку на щеке. Ее ногти все еще покрыты кровью. – Они дали мне... что-то. Обезболивающее.

– Они сказали, когда ты сможешь вернуться домой?

Шарлен закрывает глаза и поворачивает голову. Из-под ее ресниц струятся слезы.

– Сомневаюсь, что я вернусь домой, детка. Во всяком случае, какое-то время. У меня неприятности.

Неприятности. В тишине это слово звучит злое.

– Но Деррик...

– Дело не только в этом, Кристи-Линн.

– Еще в деньгах, которые ты взяла в «Пиггли Виггли»?

Мать кивает и тяжело вздыхает.

– И... в других вещах.

– Каких?

– Я не хотела тебе рассказывать. Связано с одним моим знакомым. С нашим... договором.

– Секс? – мягко спрашивает Кристи-Линн.

– Да, вроде того.

– За наркотики.

Мать снова кивает, отводя взгляд.

– И однажды ночью меня поймали. Вина не слишком большая – подстрекательство, первое обвинение. Но если сложить все вместе...

– Тебя отправят в тюрьму?

– Похоже на то.

Кристи-Линн невольно делает шаг назад.

– А я? Ты сказала, что у тебя есть дочь?

– Есть специальные места...

– Нет!

– Это всего на несколько месяцев, – обещает Шарлен вкрадчивым, обиженным голосом. – Максимум на год. Сама не заметишь, как пролетит. И мы снова окажемся вместе. Уедем

отсюда, начнем жизнь заново. Все будет не так плохо, вот увидишь. Ты даже сможешь меня навещать.

Но Кристи-Линн уже не слушает. Она не хочет навещать мать в тюрьме или уезжать, когда все закончится. Потому что это не закончится никогда. Просто начнется заново в другом городе, с новыми проблемами и, возможно, с новым дилером.

– Прости, детка, – шепчет Шарлен, протягивая дочери руку. – Мне очень жаль.

– Я знаю, мама, – тихо отвечает Кристи-Линн, не обращая внимания на протянутую руку. – Тебе всегда жаль.

Двадцать два

Свитвотер, Вирджиния.

1 мая 2017 г.

Кристи-Линн посмотрела на джип Уэйда, припаркованный возле дома, подняла руку и постучала в третий раз. Он явно здесь. Он ее игнорирует? Мстит за отвергнутое приглашение на обед? Тогда, наверное, сейчас не лучшее время просить об одолжении.

Она снова постучала и принялась ждать, хотя ответа так и не последовало. В любом случае это была безумная идея. Кристин уже собиралась спуститься с крыльца, когда услышала, как где-то сзади хлопнула дверь. Кристи-Линн замерла в нерешительности – унизиться и попросить, о чем собиралась, или уйти, сохранив гордость и утратив надежду получить желаемые ответы.

Переступив через остатки зимних дров, она подошла к задней двери домика. Уэйд спускался по ступеням веранды с красной нейлоновой сумкой на плече, направляясь к маленькому деревянному каноэ, лежащему у воды. Он уже опустил туда одну ногу, когда наконец заметил Кристин. Выпрямился и уставился на нее, прикрывая глаза рукой от вечернего солнца.

– Привет, – неловко поздоровалась Кристин, словно просто проходила мимо.

– Передумала насчет обеда?

Она смущенно опустила голову.

– Я пришла поговорить.

– О перемирии?

Кристи-Линн подавила стон, слишком уставшая, чтобы спорить.

– Мы можем просто... поговорить?

– Залезай в лодку.

Кристи-Линн удивленно вытаращила глаза.

– Что?

– Если хочешь поговорить, придется делать это на воде.

Она рассмеялась, смутно догадываясь, что он не шутит.

– У меня неподходящий наряд...

– Мы и не собираемся кататься на водных лыжах. Снимай туфли и оставь сумку. Все будет нормально.

Кристи-Линн тревожно осмотрела каноэ, снова задавая себе вопрос, насколько сильно ей нужна помощь Уэйда.

– Что не так? Ты не умеешь плавать?

– Конечно, умею.

– В чем тогда проблема?

Когда стало ясно, что он не сдастся, Кристи-Линн бросила сумку и скинула балетки. Уэйд уравновесил лодку, когда Кристин залезла, и велел держаться двумя руками за планширы – как она поняла, имелась в виду бортики, – пока она медленно продвигалась вперед, а потом развернулась и осторожно села на узкое тростниковое сиденье.

Через мгновение Уэйд оттолкнулся от берега, сел напротив, и они плавно заскользили по воде. Какое-то время оба молчали: Уэйд греб короткими, легкими движениями, а Кристи-Линн любовалась отражением залитых солнцем облаков на стеклянной поверхности озера.

– Красиво.

Кристин глубоко вздохнула и почувствовала, как расслабляется, наполнив легкие воздухом с еловым ароматом. Она не планировала произносить это вслух. И даже не осознавала, что произнесла, пока не встретила взгляд Уэйда.

– Да. Итак?

– Итак...

Он пожал плечами, вытащил весло из воды и положил его к себе на колени.

– Ты хотела поговорить.

Кристи-Линн кивнула.

– Да. Ты прав. – Она сделала паузу, собравшись с мыслями. – В прошлый раз, когда я приезжала сюда, ты кое-что сказал. Предположил, что на самом деле я не хочу знать правду про женщину в машине у Стивена.

– Да, прости. Я не имел права так говорить. Твое горе – не мое дело.

– Верно. Но тем не менее, возможно, ты был прав. Чем больше я думала об этом и о вещах, которые могу узнать, тем яснее осознавала – я боюсь.

– Чего?

Кристи-Линн опустила глаза и принялась тереть пальцами юбку.

– Ты представляешь, каково это – узнать самые темные секреты своего мужа от стаи журналистов? Последней узнать о его двойной жизни?

– Нет, но могу представить.

Кристин подняла подбородок.

– Можешь?

– Думаю, да.

– Миссис Ладлоу, вам знакома женщина, которую вытащили из машины вашего мужа в ночь его гибели? Были ли у них сексуальные отношения? Вы знаете, как долго продолжались их отношения? Были ли другие женщины или она стала первой? – Кристи-Линн смотрела Уэйд в глаза, пытаясь побороть слезы – скорее от гнева, чем из жалости к себе. – И это еще вежливые вопросы. Но самое худшее – я не могла на них ответить, даже если бы захотела. И из-за этого мне было стыдно. Как можно не знать, чем занимается твой супруг? И после тех твоих слов, что я *не хочу* знать, мне снова стало стыдно. Потому что ты прав. Я действительно не хотела знать.

Уэйд потянулся за красной сумкой, расстегнул ее и достал бумажную салфетку и бутылку воды.

– Держи, – сказал он, сунув салфетку Кристин в руки. – Ты вся в слезах.

– Прости. – Она промокнула глаза, чувствуя себя глупо. – Я пришла сюда не для того, чтобы вызвать в тебе жалость. Просто хотела, чтобы ты понял.

– Я знаю. Правда. – Продолжив рыться в сумке, он извлек несколько контейнеров с едой, открыл крышки и расставил контейнеры у себя на коленях. – Потому что видел все это лично. Когда я начинал, новостной бизнес был совсем иным. Всех волновали реальные новости. Теперь же там царит вуайеризм, поощряется интерес публики к чужим страданиям. Никого не беспокоят чувства. Все думают только о рейтингах, охвате, проданных экземплярах.

Кристин снова промокнула глаза.

– Поэтому ты ушел?

– Да. Это продолжалось какое-то время, но события достигли критической точки, когда меня попросили взять интервью у ребенка, на глазах у которого недавно погибла мать – в стрельбе на Кристал-Лейк. И вот я здесь.

– Пишешь книгу?

– Да, пытаюсь. Хочешь поужинать?

Кристи-Линн моргнула, удивленная быстрой сменой темы. Она хотела расспросить подробнее, но что-то в выражении его лица остановило ее. Вместо этого Кристин оглядела еду, разложенную на его коленях: холодную курицу, свежие фрукты и нечто вроде картофельного салата.

– Бери, – предложил Уэйд, протягивая контейнер с курицей. – Тут полно.

Кристин взяла кусочек и принялась жевать – не от голода, а потому что не решалась рассказать Уэйду, зачем на самом деле пришла.

– Очень вкусно, – похвалила она, неловко пытаясь вести светскую беседу. – Где ты это взял?

Уэйд поднял взгляд с почти обиженным видом.

– Я не *взял* ее. Я ее приготовил.

– Ну тогда я впечатлена.

Он пожал плечами:

– Да там ничего сложного. Лимон, оливковое масло, розмарин и немного чеснока. Замариновать на пару часов – и на гриль. А вот картофельный салат из закуской. Если дело не касается пасты или гриля, я абсолютно безнадежен.

Кристи-Линн улыбнулась.

– Я все равно впечатлена. Сомневаюсь, что Стивен умел включать духовку.

– Умения моей бывшей жены ограничивались кофе с печеньем. Впрочем, она мастерски заказывала готовую еду. – Он снова залез в сумку, достал вилку и протянул ее Кристин вместе с картофельным салатом. – Прости, всего одна. Я не ожидал компанию. Ты первая.

Они ели молча, а вокруг опускались сумерки. Тишину нарушали лишь редкие всплески да птичьи крики с верхушек деревьев. Кристи-Линн вытерла вилку салфеткой и вместе с контейнером салата вернула Уэйду, который с наслаждением принялся за еду.

– Итак, – начала Кристин, пытаясь говорить равнодушно и скрыть неуверенность, – у тебя еще... сохранились связи с бывшими коллегами из «Ревью»?

Уэйд поднял взгляд и перестал жевать.

– Ты *опять*?

– Нет, – быстро заверила Кристин. – Хотя да, немного. Я подумала... вдруг у тебя получится мне помочь.

– Как именно помочь? – с осторожным подозрением спросил Уэйд.

Кристи-Линн спрятала руки между коленей и отвела взгляд.

– Сегодня днем я звонила в полицию Клир Харбор. Мне сказали, Дэниел Коннелли досрочно вышел на пенсию. Я сделала, как ты советовал: связалась с его начальством. Во всяком случае, попыталась. Никто мне ничего не рассказал. Даже ее имени. И я подумала...

– Могу ли я попросить кого-нибудь из моих коллег-паразитов раскопать про нее грязь?

Кристи-Линн почувствовала, как запылали щеки.

– Ну, я это заслужила.

– Если ты не поняла, я скорее подчеркнул иронию ситуации.

Он невероятно наслаждался собой и имел на это полное право.

– Можешь не объяснять, – робко сказала она. – Я понимаю. На самом деле я не хотела приходить. Но другого выбора нет. И вот я сижу в твоей лодке, получаю по заслугам. Если ты просто подплывешь к берегу, я уйду.

– Подойду.

– Что?

– На каноэ не плавают. На них ходят.

– Хорошо. Так что, ты *подойдешь* к берегу?

– Нет.

– Нет? – удивленно переспросила Кристи-Линн.

– Сначала у меня есть вопросы.

– Например?

– Например, что ты планируешь делать с информацией, о которой просишь?

Она нахмурилась, озадаченная вопросом.

– Ничего не планирую. Просто хочу узнать, кем она была. Мой муж погиб с полуголой женщиной в машине. И я имею право хотя бы

узнать ее имя, даже если полиция не согласна.

– И как ее имя сможет что-то изменить?

– Не сможет. Но мне станет легче.

– Тебе станет легче, если ты узнаешь имя любовницы мужа?

Кристи-Линн поежилась. Уэйд снова изучал ее, пытался вытащить больше, чем она хотела сказать. И у него хорошо получалось.

– Я не собираюсь устраивать никаких проблем, если ты об этом.

– Отчасти об этом. Ты просишь меня о том, чего я бы делать не стал. Но я считаю, ты имеешь право узнать ее имя, хотя не понимаю, *зачем* тебе это нужно. Если я соглашусь, я должен быть уверен, что ты не используешь информацию никому во вред.

Она чуть приподняла подбородок.

– Я не хочу никому навредить. Я просто хочу завершить ту главу своей жизни. Я думала, ты *хотел* от меня именно этого.

– При чем тут мои желания? Я просто задал вопрос. Но я начинаю подозревать, что происходит что-то еще – то, о чем ты мне не рассказываешь.

– А именно?

– Не знаю, но складывается такое ощущение. И во мне не просто говорит журналист. Я это чувствую. Что происходит на самом деле?

– Сон, – неохотно призналась она. Но почти почувствовала облегчение, когда слово сорвалось с губ. – Почти каждую ночь. Она... под водой. Глаза открыты, как на фотографиях из морга, но она не мертва. Она моргает и двигает губами, словно пытаюсь что-то сказать, а я ее не слышу. – Кристи-Линн закрыла глаза, пытаюсь унять дрожь в голосе. – Я хочу, чтобы это прекратилось.

– И думаешь, ее имя тебе поможет?

– Не знаю... Просто пришло в голову... – Кристин пожала плечами, вытирая ладонью слезы. – Я правда не знаю, о чем я думала. Забудь. Глупая идея.

– Я позвоню.

Каноз слегка покачнулось – Кристи-Линн резко подняла голову.

– Правда?

– Я работал в «Ревью» с одним парнем – Гленом Хойтом. Он пишет про криминал. Старомодный тип с кучей контактов. Он может... помочь.

– Спасибо.

– Ты ведь понимаешь, что полученная информация может тебя не обрадовать, верно?

– Да.

– И тебя это не пугает?

Кристин посмотрела Уэйду в глаза.

– Честно? Представить не могу ничего хуже того, что уже знаю.

Уэйд мрачно усмехнулся и принялся собирать контейнеры.

– Первое правило журналистики – никогда не думай, будто повидал самое худшее.

Двадцать три

Свитвотер, Вирджиния.

9 мая 2017 г.

Кристи-Линн чуть не уронила стопку кулинарных книг, потянувшись за телефоном.

– Добрый день. «Крукед Спайн».

– С каких это пор босс сидит на телефоне?

Голос Уэйда застал ее врасплох.

– С тех пор, как Эйлин удаляет зубной нерв, а в следующее воскресенье – День матери. Они сведут меня с ума.

– Похоже на то. Ты вообще спишь?

– Иногда, – ответила Кристин, стараясь не слишком откровенно избегать вопроса. – Что случилось?

– Вообще-то сегодня утром мне позвонили. У меня есть информация.

– О... – У Кристи-Линн перехватило дух от новости, но она ведь именно этого и хотела, верно? Грязных подробностей?

– Если ты передумала...

– Нет. Нет, я не передумала. Просто... не ожидала, что так скоро. Прошло меньше недели.

– Я же говорил, у парня есть связи.

– Ну... да. – Кристи-Линн сделала глубокий вдох и медленно выдохнула. – Ну, я готова.

– Не уверен, что это стоит обсуждать по телефону, особенно на рабочем месте. Приезжай вечером ко мне.

У Кристи-Линн внутри все сжалось, словно смотришь вниз с колеса обозрения и понимаешь, насколько высоко падать. Он не хочет рассказывать по телефону? Что он узнал?

– Все настолько плохо?

– Я просто думаю, лучше поговорить лично, чтобы ты могла спокойно осознать информацию.

– Ну хорошо. Приеду после закрытия.

Она подъехала к дому Уэйда только к семи вечера. Когда она поднялась на крыльцо, он уже стоял возле двери с кухонным полотенцем на плече и деревянной ложкой в руке.

– Я думал, ты про меня забыла.

– Прости. Было несколько поздних клиентов, а потом пришлось кучу всего расставить на полки. – Когда Кристин зашла в домик, ее окутали ароматы чеснока и душицы. – О нет, я опять порчу твой ужин.

– Наш ужин. Пожалуйста, скажи, что любишь спагетти.

– Я люблю спагетти, но пришла не на ужин. Давай я зайду в другой раз.

– Не глупи. Ты уже здесь, а еды хватит на небольшую армию. Кроме того, пока ты не поешь, мы ничего обсуждать не станем. – Уэйд повернулся и направился обратно на кухню. – Если ты еще похудеешь, то совсем исчезнешь, и будет очень обидно – ведь мне кажется, мы вот-вот станем друзьями.

Кристи-Линн невольно улыбнулась. Когда он успел стать очаровательным?

– Так это шантаж?

– Именно.

У нее не осталось иного выбора, кроме как последовать за ним на кухню, где на плите пузырилась кастрюля с соусом. Кристин увидела, как Уэйд зачерпнул его ложкой и попробовал.

– Кажется, получилось.

– Ты же вроде говорил, что умеешь готовить только на гриле.

– Ну, я немного сжульничал. Взял готовый соус и немного над ним поколдовал. Но, на мой вкус, получилось прекрасно. Салат готов. Осталось закинуть пасту в кастрюлю.

Кристи-Линн посмотрела на него с подозрением. Он казался слишком веселым, слишком болтливым. Это вызывало у нее тревогу.

– Так ты пытаешься смягчить то, что мне расскажешь? Высокопротеиновым ужином?

– На самом деле так я избегаю работы. С писательством сегодня не вышло, и вместо этого я решил заняться готовкой.

Кристи-Линн подошла к маленькому столику в углу, пока Уэйд сражался с коробкой вермишели. Там стоял открытый ноутбук с

текстовым документом на экране. Кристи-Линн стала читать начало восемнадцатой главы, когда подскочил Уэйд и опустил экран.

– Пожалуйста, не читай.

– Прости. Привычка. Я же редактор. Следовало догадаться, что ты скрытный тип. Как большинство мужчин.

– Скорее, смущенный, – нахмурился Уэйд. – Боюсь, это не лучшая попытка. Я планирую удалить всю сцену.

– Не так просто, как кажется, верно?

– Что?

– Писать великий американский роман.

– Полагаю, этот укол я заслужил за недостаточное почтение к книгам твоего мужа?

– Нет. Просто наблюдение. Хотя ты назвал его писакой – довольно обидное оскорбление для автора, выдавшего дюжину бестселлеров.

– Ключевое слово – «выдавшего».

Кристи-Линн сдержала просившийся ответ, смущенная рефлексивным желанием защищать Стивена, несмотря на справедливость критики Уэйда. Видимо, привычка. Или неуместная преданность. Как в ту ночь, когда она заступилась за него в баре.

– Но сейчас это уже не имеет значения, верно? Может, оставим тему?

Уэйд быстро помешал пасту и положил ложку.

– Я просто считаю, что если ты собираешься написать на бумаге сотню тысяч слов, то стоит потратить время и выбрать *правильные*, а не хватать первые попавшиеся. Писательство – о качестве, а не о количестве.

– Согласна. Я говорю своим писателям то же самое. Но подбирать слова гораздо сложнее, когда работаешь по договору. Существуют поставленные сроки, и если ты хочешь получить деньги за книгу, то к срокам нужно относиться с уважением. Это вопрос тонкой грани между эффективностью и добросовестностью. Сложный вопрос.

– Стивен придерживался этой грани?

– В смысле?

– Как считаешь, твой муж заботился о добросовестности?

Кристи-Линн посмотрела на него, решив, что потеряла нить беседы.

– Мы сейчас говорим о писательстве или о чем-то еще?

– Я говорю обо всем. Добросовестность либо есть во всех жизненных сферах, либо ее нет вообще. И я спрашиваю, была ли она у Стивена?

Его настойчивость удивила и смутила Кристи-Линн.

– Учитывая обстоятельства, не уверена, что я могу ответить на этот вопрос.

– Ты была его женой. Кто, если не ты?

– Я могу сказать, что он был предан своей карьере, постоянно работал и всегда сдавал книги в срок. Каждый день он начинал работу в пять часов утра и часто заканчивал после полуночи. Иногда он даже уезжал в какой-нибудь отель, чтобы... – Она осеклась. – Только он не работал, верно? Он был с ней.

Уэйд опустил взгляд.

– Я не хотел беречь...

– Паста сейчас переварится, – холодно перебила она, закончив разговор. Чем скорее они поужинают, тем скорее она услышит ответы.

Они ели на террасе – во всяком случае, пытались. Через полчаса Кристи-Линн сдалась и оттолкнула тарелку.

– Прости. Не могу.

– Тебе не понравилось?

– Нет, вкусно. Просто я не голодная.

Это была правда. Кристи-Линн слишком нервничала, чтобы есть. На самом деле она даже не попробовала лежащую на тарелке еду.

– Прости. Ты столько сделал, а я веду себя некрасиво.

– Забудь. Зато я поел с настоящих тарелок вместо того, чтобы заглотить все, стоя над раковиной. Кстати, когда мужчины живут одни в лесу, они питаются именно так. Превращаются в пещерных людей.

– Тебе правда нравится жить здесь в полном одиночестве?

Уэйд откинулся на спинку стула и вытянул ноги.

– Никогда об этом не думал. Просто живу, и все.

Кристи-Линн пристально посмотрела на Уэйда, прищутив один глаз. Какой-то уж слишком беспечный ответ.

– Не знаю, был ли ты женат в нашу первую встречу, но я помню, что с тобой была женщина – стройная, очень ухоженная брюнетка.

– Симона.

– Что у вас случилось?

– Скорее, следовало бы спросить, *кто* случился.

– Появился кто-то другой?

– *Другие*, – сухо поправил Уэйд. – Несколько. Она очень амбициозна. Этого у нее не отнять. Но не очень хорошо замечает следы. Честно говоря, мне кажется, она перестала заморачиваться. Когда я наконец обвинил ее, она заявила, что даже рада, что я превратился в лицемерного зануду, и что она вообще не знает, зачем вышла за меня замуж.

Кристи-Линн поморщилась от жалости и стыда. Ей и в голову не приходило, что Уэйд тоже может страдать из-за разбитого сердца. Или что он рассуждал о неверности, исходя из собственного опыта.

– Да, после такого брак сохранить непросто.

Уэйд мрачно посмотрел ей в глаза.

– Приходит на ум стишок про всю королевскую конницу и всю королевскую рать. – Он протянул руку мимо стакана с водой и взял пиво, допив банку одним глотком. – Думаю, это было неизбежно. Мы не были парой. Мы были командой. Нас объединяла работа. И, возможно, ничего кроме. Когда я уволился из «Уик ин ревью», все осталось в прошлом. И со временем я с этим свыкся.

Кристи-Линн всмотрелась в его лицо: напряженные линии вокруг рта, вена, пульсирующая на виске.

– Уверен?

Уэйд помрачнел и отвел взгляд.

– Я думал, мы собирались говорить про Стивена.

Кристи-Линн оцепенела от слов Уэйда, словно ей на спину вылили стакан ледяной воды. Потом набрала в легкие воздуха и очень медленно выдохнула, вцепившись в подлокотники кресла.

– Да. Давай.

– Ее звали Хани Роулингс.

Кристи-Линн не двигалась, прокручивая в голове это имя, и на одно ужасное мгновение вернулась в морг, увидела жуткое белое лицо из кошмаров, красивое и бескровное. *Хани*.

– Твой... источник не сообщил, где они познакомились?

– Боюсь, что нет. Но нам известно, что она была из Западной Вирджинии – из маленького городка под названием Риддлсвилль. – Уэйд вытащил из кармана сложенный пополам листок бумаги, раскрыл его и положил на стол. – Как выяснилось, у нее есть там семья. Бабушка по имени Лоретта и брат, преподобный Рэй Роулингс. Нам

удалось найти адрес бабушки, но, если у кого-то из них и есть телефон, он не указан. Не знаю, связано ли это с аварией. Вполне вероятно. Как выяснилось, семья весьма чувствительно отнеслась к связи Хани с женатым мужчиной. Ее брат угрожал засудить весь Мэн, если имя его сестры будет упомянуто в связи с твоим мужем, и, видимо, поэтому полиция вела себя столь неразговорчиво.

Кристи-Линн пялилась на записку – Хани Роулингс из Риддлсвиля, Западная Вирджиния. Она должна была почувствовать... что-нибудь. Облегчение. Завершение. Что угодно. Но Уэйд оказался прав. Ничего не изменилось. Вообще. Но он все равно сделал, что обещал.

– Не знаю, как тебя отблагодарить. Я...

– Есть еще кое-что.

Кристи-Линн откинулась на стуле и выжидательно посмотрела на Уэйда.

– Твой знакомый детектив из участка, друг Стивена...

– Коннелли.

– Да, Коннелли. Это он слил информацию. Как оказалось, уговорил кого-то из персонала морга сделать фотографии Хани на телефон. Говорят, каждый из них получил пятизначную сумму. Отсюда и ранняя пенсия.

Кристи-Линн покачала головой, пытаясь осознать услышанное. Дэниел называл себя другом Стивена, читал ей лекции о правилах и протоколах, а сам в это время планировал пожить на гибели ее мужа.

– И все? Его просто отпустили на пенсию?

– Думаю, ему приказали освободить рабочее место и уматывать во Флориду. И на этом все закончилось.

Кристи-Линн с отвращением покачала головой. Еще один удар в спину, еще одно предательство. Внезапно на нее навалилась жуткая усталость, сил не было даже выпустить наружу гнев, бурлящий в груди.

– Это все?

Казалось, вопрос удивил Уэйда.

– Этого мало?

– Я надеялась, твой приятель узнает, когда все началось или как они познакомились.

– Прости. Если тебе нужны такие детали, придется поговорить с ее семьей. Но всю стандартную работу он проделал, проверил по всем базам, даже поговорил с одним из своих парней.

– С одним из своих парней?

– С расследователем. Так он их называет. Дело темноватое, но раскапывать они не стесняются.

– И?

– И ничего.

– Ничего?

– Никаких арестов. Никаких публичных записей. Туманная трудовая история – в основном работа официанткой, плюс подработка в магазине. Ему удалось раскопать старое фото из школьного альбома, и, если хочешь, оно у меня в электронном ящике, но на этом все. Похоже, мисс Роулинг избегала лишнего внимания, пока не повстречала Стивена.

Кристи-Линн опустила взгляд на тарелку спагетти, осознавая информацию, пытаясь понять, что ее расстроило. Уэйд был прав. Она обманывала себя, думая, что имени будет достаточно. Она хотела большего. Но чего именно? Знала ли она сама?

– Прости, – прервал ее размышления Уэйд. – Последнее замечание было невежливым.

– Да, но правдивым. Похоже, твой друг постарался на славу. Я просто надеялась... – Кристи-Линн умолкла и покачала головой. – Сама не знаю, на что я надеялась.

– То, что ты хочешь узнать, не сможет выяснить ни журналист, ни расследователь. Никто. Ты же это понимаешь?

Кристи-Линн взяла записку и задумчиво провела пальцем по одной строчке.

– Я могла бы поговорить с бабушкой – Лореттой.

– Кристи-Линн...

– Она женщина. Она поймет.

– Нет. Не поймет. Ее потеря отличается от твоей. Она потеряла внучку, а не гулящего мужа.

Кристи-Линн сложила записку и опустила ее к себе на колени.

– Я просто хочу, чтобы прекратились кошмары.

Уэйд немного помолчал, словно тщательно взвешивая слова.

– Сначала ее имя. Теперь – когда и где они познакомились. В определенный момент жажда узнать превращается в нечто иное, Кристи-Линн.

Кристи-Линн тяжело вздохнула.

– Знаю. Знаю. Это безумие.

– Нет. Не безумие. Но это болезненно. И не только для тебя. Женщина только что потеряла внучку. Представь, что бы ты почувствовала на ее месте.

– Но я не собираюсь ее травить. Мы просто... поговорим.

– Как женщина с женщиной?

В его словах прозвучал явный сарказм. Кристи-Линн встала и подошла к перилам.

– Ты не понимаешь.

– Да. Потому что мы обсуждали это, когда ты пришла ко мне в первый раз. Я сказал – я должен быть уверен, что ты не создашь проблем, вне зависимости от полученной информации. И вот ты собираешься делать именно это.

Кристи-Линн повернулась к Уэйд:

– Да, вот. И я уже все сказала. Речь не о проблемах. А о призраке – о женщине, чье имя мне неизвестно, но чье лицо я вижу каждый раз, закрывая глаза.

– Я понимаю, как тебе больно. Но не понимаю, чем задуманное тобой поможет исправить ситуацию? Стивен мертв. Хани мертва. А ты в Свитвортере, начинаешь новую жизнь. Может, этого достаточно?

Она заставила себя посмотреть ему в глаза, сдерживая подступившие к горлу слезы.

– А если нет?

– Ты любила его?

– Что?

– До всего этого – ты любила Стивена?

Кристи-Линн беззвучно открыла рот, чувствуя подвох.

– Он был моим мужем, – наконец сказала она.

– Значит, кольцо? Лист бумаги? Это любовь?

– Это был долг. – Она перевела взгляд на озеро, где стояла у берега пара белых цапель. – Или должен был быть.

– Долг предполагает обоюдное соблюдение, Кристи-Линн.

– Так и есть.

– Ты собираешься искать Лоретту Роулингс?

Кристи-Линн подумала над вопросом. Уэйд прав. Конечно же, прав. Во всем. Почему бы просто не отпустить?

– Не знаю, – наконец ответила она. – Знаю, ты против, и, скорее всего, ты прав, но мне нужно время.

– Время? Зачем?

Она посмотрела на Уэйда и покачала головой:

– Этого я тоже не знаю.

Двадцать четыре

Свитвотер, Вирджиния.

18 мая 2017 г.

Кристи-Линн понадобилось больше недели, чтобы принять решение. Неделя споров с собственным сознанием, взвешивания права жены на знание против права бабушки на сокровенное горе, борьбы с обещанием Уэйду.

Хани Роулингс.

Впервые услышав это имя, Кристи-Линн ждала укола ревности, ждала, что екнует в груди, ждала, что все сожмется внутри, как у охваченной ревностью жены. Но ничего подобного не произошло. Она испытала лишь безумное любопытство. И стыд, что была такой слепой, такой доверчивой – в стороне от собственного брака.

Стивен действительно так хорошо заметал следы или она просто перестала обращать внимание? Кристи-Линн со стыдом вспомнила прямолинейный вопрос Уэйда. «*Ты его любила?*» С таким же равнодушием она могла бы ответить про почтальона.

Нельзя отрицать – с годами их брак утратил часть своего блеска. Когда центральное место заняла карьера Стивена, их жизни стали пересекаться все реже и реже, и в конце концов им стало практически не о чем говорить. Даже сексуальной жизнью руководила скорее привычка, чем страсть. Но разве это не нормально? Что жизнь становится предсказуемой и приходит *рутина?*

На самом деле в жизни со Стивеном Кристи-Линн больше всего наслаждалась именно рутинной, чувством стабильности – каждое утро она открывала глаза и точно знала, как пройдет день. Кроме того, они наслаждались жизнью, о которой Кристи-Линн и мечтать не могла в детстве – деньги в банке, прекрасный дом, путешествия и престижный круг общения. Но казалось, Стивену всегда было мало.

И именно поэтому она собиралась поехать в Западную Вирджинию и узнать, как выглядит недостающий фрагмент. Потому что беглого исследования биографии и школьного фото было недостаточно. И потому что ее собственные попытки поиска в

интернете дали еще меньше результатов. Но там результаты будут. Как отметил Уэйд, того, что ее интересует, не найти в «Гугле». Кристи-Линн не представляла, что найдет, когда приедет в Риддлсвилль, и с чем хочет оттуда уехать. Наверное, с ответами. Хочется надеяться, с покоем в душе. И со взглядом в будущее.

Кристи-Линн уже предупредила всех в магазине о своем трехдневном отъезде и даже собрала вещи, но теперь, заскочив в «Крукед Спайн», чтобы убедиться, что Тамара и Эйлин со всем справляются, снова задалась вопросом, не станет ли поездка в Западную Вирджинию ошибкой.

Глубоко погрузившись в мысли, Кристи-Линн открыла дверь и врезалась в Уэйда, который выходил на улицу с чашкой кофе в руке.

– О нет! – Кристи-Линн с ужасом уставилась на его рубашку. – Ты весь промок. Прости. Не заметила.

Казалось, Уэйд удивился встрече, но отнесся к разлитому кофе спокойно, невозмутимо промокнув пятно бумажной салфеткой.

– Не ожидал тебя встретить. Тамара сказала, ты взяла несколько выходных.

– Ну, День матери прошел, и я подумала, время вполне подходящее.

– Ты поедешь, да? Встретиться с Лореттой Роулингс?

Кристи-Линн заставила себя спокойно выдержать его взгляд.

– Да.

– Ты не собиралась мне рассказать?

Нет. Не собиралась. Она подумывала об этом – после помощи с поисками она чувствовала себя обязанной, – но решила не говорить.

– Я знала, ты попытаешься меня отговорить.

– Я уже пытался. Явно не сработало. И тебе не нужно мое одобрение.

– Не нужно. Но я хочу, чтобы ты меня понял. Я еду в Риддлсвилль не для того, чтобы разбить сердце Лоретты Роулингс.

– Знаю. И меня беспокоит не *ее* сердце.

Кристи-Линн не знала, что на это ответить, и поэтому просто промолчала.

– Береги себя, – с внезапной мягкостью сказал Уэйд. – До Западной Вирджинии долгий путь.

– Я доехала сюда из Мэна.

– Справедливо. Но все равно... – Он достал мобильный, торчащий из бокового кармана ее сумочки, и начал стучать пальцем по экрану. Потом вернул ей. – Вот. Я там. На случай, если тебя начнет клонить в сон за рулем. Или просто захочешь поговорить.

Кристи-Линн смущенно улыбнулась. Его забота была трогательной и тревожной одновременно.

– Я буду в порядке.

– Да, конечно. Но все равно, имей в виду.

Риддлсвилль оказался серым, мрачным городом, и впечатление усилил мелкий дождь, морозящий весь день. Проезжая по пустынному центру, Кристи-Линн невольно поеживалась – кварталы полуразрушенных зданий, пустых витрин и грязных тротуаров. Она испытала облегчение, когда доехала до выезда из города, но окраины оказались не менее унылыми. Ветхие дома с крошащимися трубами и покосившимися верандами, дворы, заваленные сломанными колясками и ненужными креслами, – все напоминало о детстве, которое она так старалась забыть.

Организованные жилые кварталы постепенно сменились более разреженным пейзажем – участками с ржавыми трейлерами и гниющими амбарами. У Кристи-Линн внутри все сжалось, когда она заметила указатель на Ред Бад Роад. Она вела машину много часов, задаваясь вопросом, достигнет ли пункта назначения, но теперь, почти у цели, ее одолели сомнения. Как можно обсуждать измену с горюющей бабушкой?

Кристи-Линн несколько километров ехала по уединенной грунтовой дороге и начала беспокоиться, что пропустила поворот или неправильно прочитала знак. Наконец она заметила маленький, обшитый досками домик и заросший коричневой травой двор. Кристи-Линн отпустила педаль газа, теперь уверенная, что заплутала.

Домик напоминал хижину с верандой и заделанной квадратами старой фанеры крышей. Сбоку стоял потрескавшийся детский бассейн с зеленоватой водой, а спереди – старый ржавеющий «Шевроле» с разбитым передним стеклом и спущенными шинами. Здесь явно

никто не жил. Но номер на почтовом ящике совпадал с адресом, который дал ей Уэйд.

Кристи-Линн подъехала к дому, вышла из машины и направилась к крыльцу по заросшей сорняками тропинке. Обогнув горшки с розовой и белой геранью – единственный признак жизни, – Кристи-Линн поднялась по скрипучим ступеням, глубоко вздохнула и постучала, не успев передумать.

Дверь открылась не сразу, но наконец в узкой щели появилось морщинистое лицо с выцветшими голубыми глазами.

– Да?

Голос был скрипучий от возраста и явно усталый.

– Вы – Лоретта Роулингс?

– А кто спрашивает?

– Меня зовут Кристин Ладлоу, миссис Роулингс. – После долгих месяцев жизни как Кристи-Линн Паркер имя звучало непривычно. – Стивен Ладлоу был моим мужем. Это имя вам о чем-нибудь говорит?

Дверь еще слегка приоткрылась. Сгорбленная от старости женщина осмотрела Кристи-Линн с головы до ног.

– Значит, вы приехали, – резко произнесла старуха. – А я гадала, приедете или нет.

– Я не хочу проблем, миссис Роулингс. Я просто... У меня есть вопросы. О вашей внучке и моем муже. Я надеялась, мы сможем поговорить.

Пожилая женщина обернулась, словно у нее что-то готовилось на плите. Кристи-Линн попыталась заглянуть внутрь, но увидела только старый диван и торшер с пожелтевшим абажуром.

– Дайте мне минутку, я выйду.

Старуха закрыла дверь, и Кристи-Линн осталась стоять на крыльце. Вскоре хозяйка вернулась с двумя стаканами лимонада. Несмотря на полуденную жару, на ней был потрепанный шерстяной свитер.

– Туда, – кивнула старуха на пару пластиковых стульев. – Сядем там.

Она протянула Кристи-Линн стакан и принялась рыться в кармане халата, откуда вскоре извлекла мягкую пачку ментоловых сигарет и зажигалку.

Старуха опустила на стул, дождалась, пока сядет Кристи-Линн, достала из пачки сигарету и зажала ее между губами. Руки, худые и покрытые синими венами, дрожали, пока старуха закуривала.

– Надеюсь, вы не против. Я больше не курю в доме.

– Конечно, нет.

Кристи-Линн наблюдала, как старуха сделала первую затяжку, втянув сухие щеки и набирая полные легкие дыма, а потом выпустила его с легкой дрожью. Определить ее возраст было невозможно. Худая – кожа да кости – и жилистая, с напоминающей старый пергамент кожей. Скорее всего, лет восемьдесят, хотя, может, и моложе. Что-то подсказывало Кристи-Линн, что жизнь не щадила Лоретту Роулингс.

Какое-то время Кристи-Линн сидела молча, удерживая на колене нетронутый лимонад и размышляя, с чего начать. В итоге молчание нарушила миссис Роулингс.

– Спрашивайте, зачем приехали, – спокойно сказала она, – а я постараюсь ответить.

– Я представляю, как вам это неприятно, миссис Роулингс. Мне тоже. Но я считаю, что имею право знать определенные вещи, например природу отношений вашей внучки с моим мужем.

Лоретта Роулингс повернулась, удивительно спокойно глядя на Кристи-Линн.

– Не трудитесь подбирать слова, миссис Ладлоу. Я живу на свете уже давно. Меня сложно шокировать.

Кристи-Линн кивнула, жалея, что не может сказать того же.

– Хорошо. У вашей дочери был роман с моим мужем?

Лоретта снова затянулась, обдумывая вопрос.

– Я перестала воспринимать это подобным образом, но, пожалуй, так оно и было. В конце концов, это вы носили обручальное кольцо, а не моя Хани.

Равнодушный ответ поверг Кристи-Линн в замешательство. Она ожидала чего-то другого – защиты внучки, извинений, оправданий. Вместо этого она получила прямой ответ.

– Вы можете рассказать, как давно они были... Как давно они друг друга *знали*?

Лоретта ненадолго задумалась, водя дрожащим пальцем по краю стакана.

– Кажется, уже прошло почти четыре года. Все случилось после выхода книги про крушение самолета. Книга очень понравилась Хани. Когда она узнала, что по ней снимут фильм, то убедила себя, будто должна встретиться с автором и уговорить его дать ей роль Сандры. Ходила и репетировала, будто вот-вот отправится в Голливуд.

– Ваша внучка была актрисой?

Лоретта печально улыбнулась.

– Моя внучка была мечтательницей, миссис Ладлоу. И она очень хотела выбраться из этого городка. – Она отвернулась и хрипло добавила: – И наполовину ей это удалось.

Печальный и неловкий момент затянулся, и Кристи-Линн смущенно заерзала на стуле.

– Мне жаль, что вы потеряли внучку, миссис Роулингс.

– Никто не зовет меня миссис Роулингс. Называйте меня Ретта. И спасибо. Очень великодушно с вашей стороны, после... всего. Как вы узнали?

– Меня попросили опознать тело вашей внучки в морге.

Ретта покачала головой, сверкнув глазами.

– Ублюдки, – прорычала она, выбрасывая окурок в траву.

– Да.

Снова повисло молчание, и в мгновения совместного гнева вмешались мелкие капли дождя. Ретта достала еще одну сигарету и нетвердой рукой поднесла ее к губам.

– Снимки были ужасные, – сказала старуха, глядя во двор. – Так я узнала о ее смерти. Стояла в очереди в супермаркете и увидела ее на первой странице, словно кинозвезду пятидесятых.

Про себя Кристи-Линн прокляла Дэниела Коннелли за жадность.

– Я вам очень сочувствую, – мягко сказала она. – Я надеялась, вы их не видели.

– Нам привозят газеты, как и всем остальным. Я несколько раз видела и ваше фото. Наверное, оказаться посреди всего этого кошмара ужасно.

– Да. Мне пришлось уехать. Теперь я живу в Вирджинии.

Ретта зажгла сигарету и выдохнула длинное облако дыма.

– Сожалею, что Хани разрушила вашу жизнь. Я ей говорила – ничего путного не выйдет. В первый же раз, когда она привезла сюда вашего мужа.

Слова подействовали на Кристи-Линн словно удар. Ей никогда не приходило в голову, что Стивен мог приезжать в Риддлсвилль.

– Вы встречались с моим мужем?

Ретта моргнула.

– Конечно, встречалась.

– Здесь?

Обветренные губы старухи расплылись в кислой улыбке.

– Конечно, он привык к другим условиям, но приезжал, когда мог.

– Простите. Я просто думала...

– Я знаю, что вы думали. И тоже сначала так думала. Все эти деньги, дорогая одежда. Всегда безупречный вид. Я и представить не могла, зачем такому мужчине Хани. Но люди не всегда такие, как нам кажется.

Кристи-Линн ничего не ответила, пытаясь понять, идет речь о Стивене или о Хани. Кристи-Линн собиралась сказать, что этот урок дорого ей стоил, когда Ретта помрачнела. Замерев, хозяйка повернулась к двери, словно услышав какой-то звук.

И тогда Кристи-Линн тоже его услышала: тоненький голосок, который становился ближе с каждой секундой. Ретта со встревоженным видом выбросила сигарету за перила и с трудом поднялась на ноги. Прежде чем она успела добраться до входа в дом, дверь приоткрылась, и показалось маленькое личико.

– Нанни!

Светлые волосы малышки растрепались, в глазах застыла паника. Ретта наклонилась и, тяжело вздохнув, взяла ее на руки.

– Тише, – прохрипела она в мокрую щеку ребенка. – Я здесь. Нанни здесь.

Девочка почти сразу успокоилась, хотя продолжала прерывисто дышать, спрятав лицо на плече у Ретты. От этой сцены у Кристи-Линн сжалось сердце. Она узнала последствия кошмарного сна. И, судя по отработанным действиям Ретты, такое случалось далеко не первый раз.

Теперь малышка свернулась на коленях у Ретты и отчаянно сосала палец. Ретта нежно погладила ее по спине и поцеловала в щеку.

– Ты моя большая девочка. У нас гости.

Девочка повернулась к Кристи-Линн и даже перестала сосать палец, словно только ее заметила. Красивая и бледная, как фея, с

шелковыми волосами и огромными лиловыми глазами.

Глазами матери.

Похолодев, Кристи-Линн продолжила разглядывать ребенка. Лицо в форме сердца, фарфоровая кожа – и ямочка на маленьком подбородке.

Подбородке Стивена.

Ретта посмотрела Кристи-Линн в глаза.

– Это Айрис.

Крыльцо словно пошатнулось, а стук дождя стал оглушительным. Кристи-Линн смотрела на маленькую дочь Стивена. Которую она поклялась никогда не рожать. И которую вместо нее подарила ему Хани.

Двадцать пять

– Пойдемте лучше в дом, – сказала Ретта, пытаясь встать со стула вместе с Айрис. – Не стоит развешивать на переднем крыльце нижнее белье.

Кристи-Линн оглядела пустынную дорогу, задаваясь вопросом, кто может их здесь услышать, но спорить не стала. Она поднялась, на мгновение испугавшись, что у нее подкосятся ноги, и последовала за Реттой в дом.

Они пришли в маленькую, захламленную гостиную, пропахшую прогорклым маслом и сигаретным дымом. Кристи-Линн оглядела провисшие шторы, древний телевизор, заваленный мятыми журналами с телепрограммой, дешевые безделушки, покрывающие все свободные поверхности. Словно в магазине старьевщика, где никто ничего не покупал.

Ретта махнула головой на старый диван. Ее губы окрасились в странный голубой оттенок, и она пыхтела, как старый трактор.

– Садитесь. Мне нужно успокоить ее, а потом я вернусь. Попейте пока лимонада. Вы неважно выглядите.

Кристи-Линн послушалась, оцепенело опустившись на край дивана. На кухне Ретта протерла Айрис лицо и шею влажным полотенцем, продолжая успокаивать малышку. Закончив, старуха стянула с правнучки влажную футболку, надела другую, чистую, из плетеной корзины на столе, и посадила ребенка перед телевизором с маленькой мисочкой крекеров в форме рыбок.

Когда Ретта опустилась в потрепанное зеленое кресло, она была пугающего серого цвета.

– Простите. – Она откинула голову на спинку. – Я не хотела, чтобы вы узнали об этом подобным образом. И вообще об этом узнали.

– Почему?

– К чему расстраивать вас еще сильнее? Вам и так пришлось нелегко.

– Я приехала, потому что хотела узнать правду.

– А сейчас?

– Хочу до сих пор.

Ретта вздохнула, явно утомленная.

– Тогда, думаю, лучше вам задать вопросы.

– Это дочь Стивена, – сказала Кристи-Линн, стараясь сохранять спокойствие. В подтверждении она не нуждалась. Ей требовалось время, чтобы свыкнуться с правдой. Она была готова узнать множество неприятных вещей, но возможность появления ребенка ей в голову не приходила.

Ретта серьезно кивнула, морщинистое лицо преисполнилось сочувствием.

– Бедняжка, она хорошая девочка, но ей сейчас нелегко. Нам обеим. К некоторым вещам подготовиться невозможно. Впрочем, думаю, вы меня понимаете.

Кристи-Линн ее почти не слушала, уставившись на живое подтверждение неверности мужа. Видеть на маленьком личике сочетание черт Хани и Стивена было неприятно – возможно, потому что через несколько минут стало невозможно различить, где отец и где мать. Наконец Кристи-Линн удалось отвести взгляд. Чем скорее она получит ответы, тем скорее сможет уехать.

– Стивен и Хани... Вы знаете, как они познакомились?

Ретта застонала, словно воспоминание причинило боль.

– Автограф-сессия в «Уилере». Она прочла в газете, что там будет ваш муж, и поехала. Бессовестная девчонка. Думаю, она вообразила, будто он сразу же даст ей роль. Разумеется, зря, это так не работает, но, видимо, что-то произошло. Вскоре она собралась в Калифорнию, знакомиться с каким-то режиссером. В результате ей дали роль в массовке, кажется, так это называется. Без реплик. Но она была уверена, что рано или поздно станет большой звездой. Может, это он сказал, или просто ей самой хотелось верить.

Кристи-Линн закрыла глаза, пытаясь прогнать наполняющие сознание образы. Она знала, что у Стивена есть фанаты. В социальных сетях за ним следило огромное количество людей, а на автограф-сессиях было не протолкнуться. Она никогда не воспринимала этих людей как потенциальную угрозу и, уж точно, как угрозу их браку. Хотя, если вдуматься, ничего удивительного не случилось. В плане шарма Стивену не было равных.

– Ваша внучка любила моего мужа?

Ретта слегка удивилась.

– Ей было двадцать пять лет. Что она вообще могла знать о любви? – Она вздохнула и снова ненадолго закрыла глаза. – Хотя, думаю, она считала, что любила. Она вообще не желала меня слушать. Я предупреждала – не стоит связываться с женатым мужчиной, спорила с ней до хрипоты. А потом однажды она вернулась домой и объявила, что беременна. После этого смысла что-либо говорить уже не было. Все уже случилось.

– Да, вы правы, – сказала Кристи-Линн, жалея о заданном вопросе. Но она спросила, и теперь оставалось лишь сидеть и слушать рассказ Ретты о развитии романа Хани и Стивена.

– Не поймите меня неверно. Я до безумия люблю эту малышку, но уже слегка старовата, чтобы растить ребенка. Слава богу, я уже вырастила троих, и лишь одна из них была моей. Тереза – мама Хани – забеременела от первого же парня, предложившего прокатить ее в машине, а потом сбежала и оставила мне дочь. После этого я видела ее лишь дважды – в первый раз она влипла в неприятности и просила денег. А во второй и последний оставила мне Рэя – брата Хани. А теперь вот у меня есть Айрис.

– Сколько ей лет?

– В марте будет три, семнадцатого.

Кристи-Линн подсчитала месяцы, глядя на маленькую девочку, сидящую перед телевизором. Ее зачали в июле. Разумеется. Тем летом Стивен ездил в Лос-Анджелес, консультировал на съемках «Необычного убийцы» и проводил время с режиссером Аароном Ротманом. И, как выяснилось, с Хани.

– Вы в порядке? – спросила Ретта. – Вид у вас немного потрясенный, впрочем, я вас не виню. Это все должно быть ужасным шоком, а вам и без того досталось. Может, принести что-нибудь покрепче лимонада? Наше, местное. Мой внук страшно рассердился бы, если бы узнал, что у меня хранится бутылка, но иногда просто необходимо привести себя в порядок. Буду рада поделиться.

Кристи-Линн покачала головой. Ей не хватит глотка местного самогона, чтобы прийти в себя.

– Нет, – наконец выдавила Кристи-Линн. – Нет, спасибо. Я не... Простите. Мне пора.

Она встала с дивана и направилась к двери, внезапно почувствовав отчаянное желание оказаться как можно дальше от

Риддлсвиля.

Ретта с трудом поднялась на ноги.

– Простите. Кажется, вы хороший человек и точно не заслуживаете всего, о чем узнали сегодня. Знаю, уже слишком поздно, но в любом случае простите, что Хани причинила вам столько боли. Она была не плохой, просто... эгоистичной.

Кристи-Линн хотела ответить, но так и не придумала, что именно. Коротко кивнув, она вышла на крыльцо и чуть не споткнулась о горшки с геранью, когда спускалась с лестницы и возвращалась к машине.

Кристи-Линн завела мотор и смогла доехать до главной дороги, где заехала на парковку и повалилась на руль. Она приехала за правдой и получила ее. Четыре года. Они были вместе четыре года. И у них есть ребенок. Это все просто слишком.

Кристи-Линн затрясло – растерянность и неверие наполнили тело, словно яд. Стивен – отец. Это просто невыносимо и совершенно противоречит образу человека, за которого она вышла замуж – ведь он и глазом не моргнул, когда она сказала, что не хочет детей. Но сомнений быть не может. Ямочка на подбородке Айрис и ее лиловые глаза – более чем убедительные доказательства.

Интересно, *ее* запланировали? Или беременность наступила случайно, после беспечной ночи, когда страсть переборола разум, а осторожность выбросили на ветер? От таких мыслей у Кристи-Линн сжалось сердце, но это лучше, чем предполагать, что Стивена привело в объятия другой женщины то единственное, в чем она сама ему отказала.

К горлу подступила тошнота, и в какой-то момент Кристи-Линн испугалась, что ее сейчас правда вырвет. Опустив стекло, она жадно вдохнула свежий воздух. Нужно взять себя в руки. Нельзя просто сидеть посреди дороги и разваливаться на кусочки. Нужно выбираться из Риддлсвиля, и немедленно.

Она потянулась к рычагу переключения передач, вспомнив, что обещала позвонить Мисси, когда зазвонил мобильный. Кристи-Линн достала его из сумочки и ответила, не взглянув на экран и задумавшись о существовании телепатии.

– Мисси, я как раз собиралась тебе звонить.

– Это не Мисси.

– Уэйд?

– Я беспокоился.

Эта простая фраза странным образом лишила Кристи-Линн самообладания. Она горько всхлипнула, не в силах сдержать внезапный поток слез, хлынувший по щекам.

– Поговори со мной, Кристи-Линн. Что случилось? Тебе плохо?

Плохо ли ей? Она не знала, как ответить на такой простой вопрос.

– Нет, – наконец выдавила она, проглотив очередной всхлип. – Да... Не знаю.

– Где ты?

– Здесь. – Она вытерла рукой нос. – Я с ней встретилась. Поговорила.

– И что узнала?

– У него есть дочь, – выпалила Кристи-Линн. – У Стивена и Хани есть дочь.

– Боже...

– Айрис. Ее зовут Айрис. – Она закрыла глаза и опустила голову на руль. – Ей три года.

– Кристи-Линн, а ты уверена? Может...

– Нет, не может. Она от него. Я уверена.

– Прости. Не знаю, что сказать.

– Тут нечего говорить.

– И чем все закончилось?

– Ничем. Я просто встала и ушла. Ретта... Миссис Роулингс сказала, что готова ответить на любые мои вопросы, но потом пришла Айрис, и я не смогла оставаться там ни минуты. Просто... ушла.

– Где ты сейчас?

– В машине, собираюсь ехать назад.

– Кристи-Линн, так нельзя. Ты провела за рулем весь день. Тебе нужно отдохнуть.

У Кристи-Линн болело горло, и было трудно дышать.

– Я не могу здесь оставаться.

– Пожалуйста, пообещай, что никуда сегодня не поедешь. Найди мотель и поспи. Остайся хотя бы до утра. – Не дождавшись ответа, Уэйд потребовал: – Пообещай.

– Да. Хорошо. Найду мотель.

– И еду найди – как я догадываюсь, ты ничего не ела. Позвоню утром.

– Это необязательно.

– Позвоню утром, – твердо повторил он.

– Хорошо. – Она уже собиралась нажать на кнопку, но замешкалась. – Уэйд?

– Я еще здесь.

– Спасибо.

– Не за что. Отдыхай.

Кристи-Линн дали чистый и тихий номер в «Коннер Форк Дэйс Инн». Она бросила сумку на кровать, разделась и направилась в душ, надеясь оттереть въевшиеся в кожу и волосы следы прогорклого масла и сигаретного дыма.

Кристи-Линн не знала, сколько простояла под обжигающим потоком воды и много ли ей понадобилось времени, чтобы проплакаться, но в какой-то момент наконец вышла из ванной – порозовевшая и смертельно уставшая. Натянув футболку и легинсы, Кристи-Линн включила телевизор, надеясь отвлечься на старый фильм, но тщетно. День вновь и вновь проигрывался в голове, словно видео на бесконечном повторе, и от фактов было некуда скрыться.

У Стивена и Хани есть маленькая дочка, и теперь она стала сиротой. Скорее всего, Рэй Роулингс пытался сохранить в тайне грехи сестры, желая спасти семью от скандала. Но, возможно, были и другие причины. Может, он хотел защитить невинную маленькую девочку. Если имя Хани станет известно широкой публике, журналисты сойдут с ума. И рано или поздно узнают про Айрис – дитя известного отца и матери, не состоявшей с ним в браке. Думал ли Стивен, что в таком случае произойдет с его дочерью?

И тут возник он – вопрос, которого Кристи-Линн пыталась себе не задавать. Как Стивен воспринял новость о грядущем отцовстве? Разозлился? Пришел в ужас? Или, может, ему хотелось ребенка – где-то в темном, противоречивом углу сознания альфа-самца он мечтал оставить миру часть себя?

Или, может, ей стоит задавать вопросы не про Стивена, а про себя? Может, какая-то часть ее – сломанная, недостающая – не дала ей увидеть, что Стивен нуждается в большем? Она была так занята собственными шрамами, что упустила знаки? Или у измены были совершенно банальные причины: кризис среднего возраста, усовершенствованная хирургическим путем блондинка, беспечно зачатый ребенок? Их связывал лишь долг или нечто большее? Единственные два человека, которые могли ответить на эти вопросы, мертвы.

Но еще есть Ретта.

Кристи-Линн приехала в Риддлсвилл за ответами, но по-прежнему очень многого не знала, не спросила. Она действительно хотела вернуться в Свитвотер, ничего не зная? И если так, то зачем вообще было приезжать? Вопросы еще долго роились в голове, когда она устроилась под тонким отельным одеялом и выключила свет.

Ледяная вода вонзается в кожу миллионами иголок. Она мутная. Словно после мытья посуды или как чайная заварка. Вдалеке горит фонарь – нет, два фонаря – угрюмые точки в водном полумраке. На дне безжизненно лежит грудка холодного, покореженного металла. За стеклянным квадратом виднеется лицо женщины, иссиня-белое и знакомое – ее светлые волосы окружили голову, словно нимб. Она висит в воде с закрытыми глазами, как жуткая русалка, и из вмятины на виске странным образом не идет кровь. А потом она вдруг открывает глаза. Большие, остекленевшие, ярко-лиловые даже сквозь толщу воды. И синие губы начинают двигаться. Странно – ты понимаешь, что спишь, знаешь, что будет дальше, но при этом не можешь ни проснуться, ни отвести взгляда. Сюрреалистическое, ужасное дежавю. Но сегодняшний сон отличается. Сквозь стекло смотрит другое лицо с ярко-лиловыми глазами – маленькое, яркое эхо прежнего. Сначала она молчит. У нее закрыт рот. А потом начинает плакать, и сквозь воду раздается отчаянный вопль: «Нанни!» Лицо вдруг наполняется ужасом, руки в панике прижаты к стеклу. Зрелище и звуки становятся невыносимыми. А потом Кристи-Линн чувствует, что у нее вот-вот разорвутся легкие, и она уплывает от маленького лица, ужасные крики становятся тише, пока она прорывается к поверхности воды.

Кристи-Линн резко села в кровати, промокнув насквозь и хватая ртом воздух, бледное лицо Айрис еще стояло у нее перед глазами. Господи, пожалуйста, только не ребенка. Сердце колотилось о ребра. Кристи-Линн перевела взгляд на тумбочку, где в незнакомой темноте светились синие цифры: 23:15.

Отбросив одеяло, Кристи-Линн пошла в ванную, сполоснула лицо и шею холодной водой, сняла мокрую от пота одежду и залезла обратно в постель. Кристи-Линн уже собиралась взять пульт, когда заметила телефон, подключенный зарядным шнуром к розетке рядом с кроватью. Она нашла номер Мисси, но потом снова глянула на время. Мальчики давно легли спать, а значит, Мисси, скорее всего, уже вырубилась, утомленная за день работы в гостинице и вечер с купаниями и домашней работой. Кристи-Линн импульсивно набрала Уэйда. В конце концов, он оставил контакт на случай, если ей нужно будет поговорить. А ей нужно.

Уэйд взял трубку после первого же гудка.

– Прошу, скажи, что ты не за рулем.

При звуке его голоса Кристи-Линн инстинктивно натянула одеяло, прикрывая голую грудь.

– Нет, не за рулем.

Повисла пауза. Уэйд ждал, что Кристи-Линн расскажет что-то еще, но у нее не появилось никакой новой информации после последнего разговора.

– Я поела, – сбивчиво сообщила Кристи-Линн.

– Хорошо. Но почему ты не спишь?

– Прости. Уже поздно. Не стоило звонить.

– Я не к тому. Просто я надеялся, что ты отдохнешь.

– Боюсь, этому не бывать.

– Не можешь заснуть?

– Призраки, – тихо ответила она. – Сегодня ночью мне приснилась и она.

– Маленькая девочка?

– Айрис, – тихо сказала Кристи-Линн. – Ее зовут Айрис. Да. Я не могу перестать о ней думать. Я столько всего не знаю и никогда не смогу спросить.

– Возможно, прозвучит черство, но зачем тебе узнавать что-то еще?

Кристи-Линн провела рукой по волосам. Как объяснить Уэйд то, чего она сама не понимает?

– Честно говоря, не знаю. Но я уже здесь, и я подумала...

– О господи...

– Я подумываю вернуться. Если Ретта станет говорить со мной после такого ухода. Но не уверена, что выдержу новую встречу с Айрис.

– Тогда, может, возвращаться не стоит? Может, стоит оставить все в прошлом и вернуться домой, как ты и собиралась?

– Не уверена, что смогу, пока не узнаю остального.

– Чего именно, Кристи-Линн? У них был роман. Что еще?

– Что еще? – повторила она, понимая, что говорит слегка истерично. – Ребенок. О котором Стивен никогда не рассказывал и которого даже не думал обеспечивать. Он ни разу не предлагал мне завести ребенка. За восемь лет. Но у него есть дочь от Хани. Значила ли для него что-нибудь эта девочка или она просто ошибка, ненужная случайность?

Еще один вздох, уже более мягкий.

– Зачем ты так, Кристи-Линн? Зачем себя истязашь? Все позади.

Кристи-Линн закрыла глаза и прижала колени к груди.

– Знаю, ты не понимаешь. И не сможешь понять. И не должен. Но по определенным причинам я должна узнать, что случилось и почему, должна все выяснить. Для меня история *не* окончена. Почему это тебя вообще волнует?

– Потому что он так вел себя *всегда*. Вторгался, брал что хотел и вешал вину на кого-то другого. И теперь я вижу, как ты делаешь именно это – берешь на себя его вину. Но ты заслуживаешь большего.

Его замечание удивило Кристи-Линн.

– Откуда ты знаешь?

Последовала долгая пауза, словно Уэйд подбирал ответ.

– Не знаю, – наконец сказал он. – Просто чувствую. Слушай, ты устала. Если можешь, попробуй поспать и возвращайся домой. Здесь у тебя есть что-то свое. Может, сейчас стоит сосредоточиться именно на этом? Не на прошлом. И не на чужих ошибках. А на будущем.

– Хорошо.

– Набери, когда выедешь.

– Хорошо.

Но, закончив разговор, Кристи-Линн уже знала, куда первым делом отправится утром.

Двадцать шесть

Если Ретта и удивилась, вновь увидев на следующее утро на своем крыльце Кристи-Линн, то она хорошо это скрыла. Старуха была еще в халате и тапочках, когда открыла дверь.

– Я подозревала, что вы вернетесь.

Кристи-Линн облизала губы – во рту вдруг пересохло.

– Насчет вчера – прошу прощения за внезапный уход. Я просто...

На крыльцо проникли звуки мультфильма и аромат жареного бекона.

– Если вы голодны, я готовлю Айрис завтрак.

Кристи-Линн покачала головой. Еда – последнее, что ее сейчас интересовало.

– Нет, спасибо. У меня просто еще несколько вопросов.

– Да, я так и подумала. – Ретта шире открыла дверь и отошла в сторону. – Тогда заходите, мне нужно ее покормить.

Айрис сидела перед телевизором, скрестив ноги и прижимая к груди потрепанного мишку. Волосы еще растрепаны после сна, глаза приклеены к экрану. Кристи-Линн подавила дрожь, вспомнив вчерашний сон. Маленькое, напуганное личико за стеклом. Господи, что она вообще здесь делает?

– Кофе? – предложила Ретта, когда Кристи-Линн зашла вслед за ней на маленькую кухню.

– Да. Если он готов.

Ретта наполнила толстую коричневую кружку и опустила ее на стол вместе с ложкой и бутылкой молока.

– Если нужно, сахар там.

Кристи-Линн села и плеснула себе немного молока, наблюдая, как Ретта разбивает в миску яйцо, быстро взбивает его и выливает на сковородку. У старухи дрожали руки, но она действовала с уверенностью женщины, приготовившей на своем веку немало завтраков. Вскоре она выложила яйцо на тарелку, добавила два кусочка бекона и исчезла в гостиной с завтраком Айрис.

Ретта вернулась оттуда, слегка запыхавшись и с посеревшими губами.

– Мне не нравится, что она ест перед телевизором, – сказала она, наливая себе кофе и усаживаясь рядом с Кристи-Линн. – Но зато кухня будет в нашем распоряжении.

– Спасибо.

– Ну, детям не следует слушать подобные разговоры, верно?

– Думаю, да.

Ретта добавила в кофе молоко и большую ложку сахара.

– Итак, – помешивая, сказала старуха, – продолжим.

– Да. Продолжим. Мой друг считает, что приходить сюда – безумие. Он не понимает, зачем мне нужны детали.

– Мужчине этого и не понять. Но я понимаю. Вам нужно узнать причину.

Кристи-Линн с облегчением кивнула – ее наконец-то поняли.

– Да.

Ретта отвела взгляд – светло-голубые глаза наполнились воспоминаниями.

– Я была замужем один раз, миллион лет назад. Но с тех пор мужчины мало изменились. Как и женщины. Мы по-прежнему пытаемся взять вину на себя.

– Думаю, мне просто нужно понять... зачем.

– Ну, удачи.

– Вы говорите, как Уэйд.

– Ваш друг?

– Да. Он думает, что мне нравится себя мучить, и, возможно, он прав. Это действительно странно – сталкиваться с ребенком любовницы мужа.

– Я не хотела, чтобы вы узнали про Айрис. Это случайность. Ей пришлось нелегко. Бедняжка не понимает, куда делать мама, хотя мама приезжала к ней не слишком часто.

– А где она была?

Ретта вздохнула хрипло и устало.

– Кто знает. Где-то с ним. Как я говорила, Хани хотела стать актрисой. Уж не знаю, откуда возникла эта идея, но такая уж у нее была мечта. Она училась актерскому мастерству в старшей школе и колледже, даже снялась в рекламе нашего местного мебельного магазина. Она была не слишком талантлива, но красива и, видимо, считала, что этого достаточно, раз поехала с ним встречаться. – Ретта

встала и взяла со столешницы кофейник, чтобы долить кофе. – Во времена моей молодости поклонницы преследовали музыкантов и кинозвезд. Не знала, что они есть и у писателей.

На мгновение Кристи-Линн вспомнила день, когда столкнулась со Стивеном в коридоре издательства «Ллойд энд Гриффин». Он оказался даже привлекательнее, чем на фотографии с обложек своих романов, и очаровывал всех вокруг безупречной улыбкой и приятными манерами. Несложно представить, что девушку вроде Хани – амбициозную, мечтательную, отчаянно желающую выбраться из Риддлсвиля, – привлекло это сочетание, как когда-то саму Кристи-Линн.

– Мой муж притягивал людей, – наконец сказала она. – Как магнит. Я думала, неосознанно. Но теперь понимаю: он точно знал, что делал. Забавно, в зеркале заднего вида все выглядит иначе.

Ретта снова вздохнула.

– Я думала, она разорвет отношения, когда поймет, что он не оказывает особого влияния на подбор актеров, но нет. Возможно, дело было в деньгах. Он покупал ей дорогие вещи, возил в интересные места. Это привлекало ее. Наверное, как и любую девушку. Во всяком случае, из Риддлсвиля. Стивен давал ей все это, как и хорошую машину, и красивую квартиру. Вскоре она даже перестала быть похожей на Хани – с купленной грудью, в дизайнерской одежде. Она исчезала на какое-то время, а потом появлялась, чтобы потыкать всем в лицо своей новой жизнью. Особенно старым знакомым из супермаркета, где когда-то работала кассиром. Проводила немного времени с Айрис, но в основном напоказ. А потом снова уезжала.

Кристи-Линн все еще переваривала тот факт, что Стивен поселил любовницу в квартире, когда вспомнила ежемесячные переводы, обнаруженные в банковских счетах. ООО «Стар Пропертис». Значит, не организация мероприятий, а недвижимость. А выплаты по 4000 долларов каждый месяц?

– Мой муж платил алименты?

Вопрос прозвучал резковато и, похоже, искренне удивил Ретту.

– Не знаю, можно ли это так назвать. Во всяком случае, я не называла. Скорее, это было пособие. Каждый месяц он перечислял деньги на счет Хани. Приличную сумму. Мне было за нее стыдно – для женщин, берущих у мужчин деньги, есть особое название, но потом

появилась Айрис, и стало не до гордости. Детям нужны вещи. Много вещей. А правительство особо не помогает.

Кристи-Линн почувствовала острый укол совести. Она подозревала, что гибель Стивена могла обернуться катастрофой для Айрис и ее прабабушки.

– Она... Вы в порядке? Я имею в виду, в финансовом плане?

Ретта встала, чтобы вернуть кофейник на плиту.

– Мы справимся, – твердо заявила старуха. – Должны.

– Вы говорили о внуке.

– Рэй, – уточнила Ретта с внезапной усталостью. – Он никогда особо не думал о Хани. Рэй у меня очень набожный. Служит священником в храме Ливинг Уотер. Его жена, Эллен, играет по воскресеньям на органе. И она вся зеленела от зависти, когда Хани начала приходить в церковь в своей модной одежде. А Хани наслаждалась каждой минутой. Знаю, звучит отвратительно. Так и есть. Я не собираюсь оправдывать девочку. Она поступала неправильно, но, подозреваю, вы не представляете, каково расти в таком городишке, видеть, как живет остальной мир, и понимать, что у тебя шансов на подобную жизнь нет – впрочем, как и на любую другую, кроме выращивания оравы детей в какой-нибудь лачуге. Но Хани представляла. Как и ее мать. Думаю, именно поэтому обе уехали отсюда при первой же возможности.

На один ужасный миг Кристи-Линн снова перенеслась в больничную палату, где ее мать лежала с зашитым лицом и обещала, что все наладится, когда она выйдет из тюрьмы. За всю свою жизнь Кристи-Линн никогда не испытывала большего страха, чем в ночь, когда мать дала ей то обещание. Да, Кристи-Линн представляла, каково это. И даже больше чем представляла. Тут они с Хани оказались похожи.

Ретта снова опустилась на стул и размешала сахар в новой порции кофе, задумчиво глядя вдаль. Кристи-Линн наблюдала за ней довольно долгое время, пытаясь подобрать слова для следующего вопроса.

– Они когда-нибудь обсуждали свадьбу? – наконец спросила она. *Лучшей* формулировки не нашлось.

– Вы имеете в виду, собирался ли Стивен развестись с вами?

Кристи-Линн опустила взгляд на руки, сжимающие кружку чуть сильнее, чем нужно.

– Да.

– Я не слышала. И сомневаюсь, что Хани беспокоилась о кольце. Думаю, она наслаждалась преимуществами брака с богатым мужчиной без обязательств. Поэтому появление Айрис стало для нее таким неприятным сюрпризом.

Кристи-Линн прикусила губу, взвешивая еще один неудобный вопрос.

– Вы не думаете, что она забеременела ради брака со Стивеном?

Ретта удивленно моргнула.

– В смысле чтобы поймать его в ловушку? Боже, нет. В итоге в ловушку угодила сама Хани. Глупая девчонка. Она говорила о... знаете... о прерывании беременности. Но ее отговорил Стивен.

Кристи-Линн осознала услышанное. В голове снова возник вопрос. Возможно, на самом деле Стивена не устраивала выбранная ею бездетность? Но ответа на него уже никогда не узнать.

– Он часто виделся с Айрис?

– В последнее время – нет. Но вы знаете, какой у него был график. Постоянные перелеты. Плюс он жил двумя жизнями, верно? Наверняка непросто было хранить секрет от целого мира – и от вас. – Ретта поставила кружку и посмотрела Кристи-Линн в глаза. – У вас вообще не возникало подозрений?

– Вообще, – спокойно отозвалась Кристи-Линн, делая вид, что ее совсем не тревожит взгляд пожилой женщины. – Он... любил Айрис?

Ретта подняла и со вздохом опустила плечи.

– Сложно сказать. Он обращался с ней скорее как с куклой, чем как с дочерью – как с красивой игрушкой, которую можно приласкать и посадить на колени. Называл ее своей лучшей девочкой. Сомневаюсь, что это нравилось Хани. Она не любила им делиться, даже с Айрис. Звучит ужасно, но, думаю, со временем она вообще перестала бы навещать Айрис. И со Стивеном все тоже сошло бы на нет. Хани никогда не умела долго удерживать внимание.

– Четыре года – немалый срок, – сухо отметила Кристи-Линн.

– Думаю, дело в Айрис. Ваш муж вполне мог прожить без Хани. А она – без него. Но дети меняют положение вещей. Выворачивают жизнь наизнанку, как и сердце. Просто Хани была слишком молода и эгоистична, чтобы это понять. Наверное, виновата я, ведь я ее вырастила.

Кристи-Линн задумчиво отодвинула кружку. Ретта говорила с абсолютной откровенностью, не пыталась ничего утаить или оправдаться – впрочем, как и извиниться.

– Вы очень прямолинейны.

Казалось, наблюдение удивило Ретту.

– А как иначе? Это не могло закончиться хорошо, но с возрастом понимаешь, что люди должны совершать собственные ошибки – и иногда большие ошибки, – чтобы понять собственную неправоту. Только обычно уже слишком поздно, и под удар попадает кто-то еще. Хани думала лишь о развлечениях. Она знала: я позабочусь об Айрис – во всяком случае, пока могу.

В этот момент на кухню зашла Айрис, сжимая в руках мишку.

– Сок.

– Хорошо. Я дам тебе сок.

Ретта поднялась на ноги, опираясь на угол стола, и зашаркала по изношенному линолеуму к холодильнику. Дрожащей рукой она наполнила пластиковую чашку и закрыла ее крышкой.

– Держи, детка.

Но Айрис утратила интерес к соку. Она уставилась на незнакомку, и в больших лиловых глазах виднелась уйма вопросов.

Ретта взяла из ручки Айрис забытую чашку и поставила ее на стол, а потом обхватила девочку за плечи.

– Это Кристи-Линн, милая. Подруга... была подругой... твоего папы.

Айрис наклонила голову, недоуменно нахмутив светлые бровки. Ретта посмотрела Кристи-Линн в глаза и взяла со столешницы мятую пачку сигарет.

– Ну, пойдём. – Ретта обхватила ручку Айрис и кивнула в сторону двери. – Тебе надо побыть на солнышке.

Кристи-Линн поняла истинный смысл сказанного Реттой: «*Нанни нужно покурить*». Кристи-Линн неуверенно последовала за ними на крыльцо и вниз по ступеням, где Ретта достала откуда-то пластиковое ведро и совок и вложила их в руки девочки.

– Мы будем здесь, – пообещала старуха, забираясь обратно на крыльцо. – Ты сможешь нас видеть.

– Мама приедет?

Ретта положила руку на грудь и на мгновение прикрыла глаза.

– Нет, малышка. Мама не приедет. Ей пришлось уйти, помнишь?

У Айрис начал дрожать подбородок, маленькое личико сморщилось.

– Хочу маму.

– Я знаю, малышка. Я тоже. Но она наблюдает за нами. – Ретта подняла голову к небу и показала пальцем на белое облако. – Из рая, помнишь? И она любит смотреть, как ты играешь. Порадуешь мамочку? Поиграешь?

Айрис кивнула и с печальным видом побрела прочь, сжимая в руке совок. Ретта полезла в карман халата за пачкой сигарет, шурша целлофаном. Вытащила одну и опустилась на стул рядом с Кристи-Линн.

– Тяжело на нее смотреть, верно? – спросила старуха, зажигая сигарету и затягиваясь.

– Очень.

– Мне тоже. – Голос Ретты дрогнул. Она сделала еще одну долгую затяжку и выдохнула дым. – Она почти не разговаривает. Только отдельные слова, если чего-то хочет. Бедняжка. Она так растеряна. У нее начались кошмары с тех пор, как Хани... С аварии.

Кристи-Линн кивнула, но промолчала.

– Я устала, миссис Ладлоу. И я... не в форме. Не ожидала, что в моем возрасте мне придется растить еще одного ребенка, и врачи тоже не радуют новостями. Не знаю, сколько еще...

Кристи-Линн перебила:

– Но Рэй с женой, конечно...

– Они уже сказали – нет. И я не могу их винить. Они и так едва сводят концы с концами, а осенью появится еще один рот. Не знаю, как справится Эллен. Она и с четырьмя-то не справляется, не говоря о пяти. Для Айрис просто нет места.

– А что произойдет, если?..

– Когда, – поправила Ретта, выдохнув новую порцию дыма. – «Если» нет. Есть только «когда».

– И Айрис?

– Ее заберут соцработники, если Рэй не передумает. А я очень сомневаюсь, что это произойдет.

У Кристи-Линн сжалось сердце, словно грудь вдруг наполнилась камнями.

– Вы имеете в виду приемную семью?

Ретта тяжело вздохнула и отвела взгляд.

– Знаю, это не лучшее место... Но другого выхода нет.

Кристи-Линн молчала – отчасти потому, что не доверяла собственному голосу. Она попала в приемную семью, когда ей было шестнадцать. И представить не могла, каково придется ребенку возраста Айрис, тем более что девочка уже плохо справляется с ситуацией.

– Ну не позволит же Рэй отправить родную племянницу в приемную семью? Если что-то действительно случится, они ведь заберут ее, не отдадут чужим людям?

В глазах у Ретты появились слезы, на лице отразилось отчаяние.

– Он велел мне заботиться о себе получше, потому что они не пустят отродье Хани в свой дом. Слово Айрис виновата, что ее родители не были женаты.

Кристи-Линн оторопела.

– Но как же христианская благодетель? «Будьте как дети»? Разве он не должен в такое верить?

Ретта растерянно покачала головой.

– Я давно оставила попытки понять, во что верит этот мальчик. Но, если хотите, спросите у него сами. Вон он, едет по дороге, и похоже, со всем семейством. Я совсем забыла – они должны забрать кексы, которые я приготовила для церковной ярмарки.

Кристи-Линн подняла взгляд и увидела на дороге выцветший коричневый фургон в облаке пыли.

– Я поеду, – сказала Кристи-Линн, вскочив на ноги. Не хватало еще Ретте объяснять ее присутствие. – Ой, я оставила сумочку и ключи на кухне.

Ретта удивительно быстро поднялась на ноги.

– Я принесу.

Смущенная Кристи-Линн осталась одна на крыльце, наблюдая, как подъезжает фургон и открываются двери. Сначала выскочили дети, костлявые и бледные, и с дикими воплями разбежались во всех направлениях. Потом появился Рэй и обошел машину, чтобы открыть дверь для жены. Худая, как спица, но с огромным животом, она направилась к дому вслед за мужем, неся в руках покрытую фольгой кастрюлю.

Кристи-Линн отвела взгляд, с нетерпением дожидаясь Ретты, чтобы поскорее уехать. После ее рассказов она боялась не сдержаться и наговорить лишнего.

Айрис играла с лопаткой в грязи. Она подняла голову и вздрогнула, когда дядя прошел мимо, едва удостоив девочку взглядом. Потом во двор забежали ее двоюродные братья и сестры. Айрис вся сжалась, когда старший мальчик с грязными светлыми волосами и в заляпанных джинсах перешагнул через нее, словно она щенок.

Подойдя к крыльцу, Рэй смерил Кристи-Линн взглядом – щуплый мужчина с острыми плечами и худыми конечностями. Из-за его спины пренебрежительно глянула на гостью Эллен Роулингс.

– Добрый день, – холодно сказал Рэй. – Вы приехали к Ретте?

Прежде чем Кристи-Линн успела ответить, на крыльцо вышла Ретта с сумочкой в одной руке и покрытой пленкой тарелкой кексов в другой. Старуха протянула сумочку с извинением во взгляде.

– Рэй, это миссис Ладлоу. Мы как раз говорили о твоей сестре и племяннице.

Рэй фыркнул со смесью отвращения и отторжения. Потом закрыл один глаз, словно взял Кристи-Линн на прицел.

– Вот как? Приехали из Мэна, чтобы поговорить о моей сестре?

– Теперь я живу в Вирджинии и приехала...

– Знаю я, зачем вы приехали, – перебил он. – И скажу то же самое, что и полиции, когда они принялись тут что-то разносить. Если в газетах появится моя фамилия, я всех вас засужу. Мы добрые, приличные люди, миссис Ладлоу, мы просто пытаемся растить детей и жить своей жизнью. У вас был конфликт с моей сестрой, но теперь она мертва, и делать вам здесь больше нечего.

Кристи-Линн подняла подбородок, холодно глядя ему в глаза. Возможно, Рэй Роулингс не понравился бы ей с первого взгляда, но знание, что он способен отвернуться от ребенка, определило ее отношение.

– Насчет «растить детей». Это относится к Айрис?

– Она не мой ребенок.

– Она – ваша плоть и кровь, часть семьи.

– Она – мерзость. Рожденная во грехе, *не* часть моей семьи.

Кристи-Линн ошеломленно посмотрела на него.

– Вот как? Вы отправите племянницу в приемную семью из-за поступка ее родителей?

Она знала, что лезет не в свое дело, но не могла сдержаться. Невозможно было смотреть на Айрис и не видеть себя. Да, Кристи-Линн попала в систему приемных семей в шестнадцать лет, а не в три, но это лишь математика.

– Плата за грехи, миссис Ладлоу. Об этом написано в хорошей книге. «Бог-ревнитель, наказывающий детей за вину отцов».

– Слава Ему, – холодно пробормотала Эллен, проходя мимо Кристи-Линн и исчезая в доме с кастрюлей.

Ретта строго посмотрела на внука.

– Бога ради, Рэй, здесь же ребенок. А миссис Ладлоу – наша гостья.

Рэй пожал плечами:

– Не моя.

Словно почувствовав, что стала темой беседы, Айрис бросила совок и подняла взгляд на Кристи-Линн. Кристи-Линн быстро отвела глаза, терзаемая молчаливой мольбой в лиловом взгляде ребенка.

– Мне пора, – сказала она Ретте. – Спасибо за кофе... и за все остальное. Я приехала за ответами, и я их получила – насколько возможно. Уверена, вам пришлось нелегко.

Ретта кивнула со слезами на глазах.

– Вы их заслужили, хотя я сомневаюсь, что правда вам хоть чем-нибудь помогла.

Кристи-Линн тоже в этом сомневалась, но все равно сжала руку Ретты, прежде чем отвернуться и спуститься с крыльца. Рэй не двинулся с места, вынудив Кристи-Линн протискиваться мимо. Она уже подходила к машине, когда услышала сзади шаги. Внезапно ее колени крепко обхватила Айрис.

Ретта поспешила за девочкой.

– Простите, – смущенно пробормотала старуха. – Она не любит, когда люди уезжают. Уже не понимает, кто вернется, а кто нет.

Кристи-Линн кивнула, горло внезапно сдавила боль. Какое будущее ждет этого ребенка? С больной прабабушкой и дядей, который не хочет иметь с ней ничего общего. Однажды Ретта сляжет в постель, или случится что-то хуже, и тогда за Айрис придут органы опеки. Женщина в практичных туфлях и с натренированной улыбкой.

И Айрис исчезнет, ее поглотит система – слишком дефективная, чтобы ее защитить. Даже подумать страшно. Но, уезжая от домика Ретты, Кристи-Линн *могла* думать только об этом.

Двадцать семь

*Гус-Крик, Южная Каролина.
27 июня 1998 г.*

Кристи-Линн выключает воду и выходит из душа. Из запотевшего от пара зеркала на нее смотрит собственное отражение, мокрое и неестественно неподвижное. В огромных глазах застыл ужас.

Прошло восемь недель.

Шарлен Паркер арестовали восемь недель назад. Восемь недель назад соучастник привез ее в квартиру, где они жили, и велел собирать вещи. Восемь недель назад ее отправили в подходящую приемную семью.

Место неплохое – двухэтажный колониальный дом на окраине города, именно в такой она всегда мечтала возвращаться из школы. Принимающие ее люди, Джин и Деннис Хоули, хвастаются, будто умеют обращаться с подростками, но Кристи-Линн в этом сомневается.

Сейчас у Хоули живут еще двое детей. До прошлой недели их было трое, но потом девочка, которая жила в комнате с Кристи-Линн, – тринадцатилетняя Дана, чья левая рука полностью покрыта паутиной тонких белых шрамов, – украла бритву и чуть не умерла от потери крови на полу в ванной.

Кристи-Линн видела из окна спальни, как девочку положили на каталку и завезли в машину скорой помощи, которая умчалась в темноту, включив сирену и сверкая красными огнями. Даже если она выживет, то не вернется. Не в этот дом.

Через коридор живут еще двое обитателей, братья Терри и Тодд Блевинсы, чьи родители погибли от взрыва в трейлере, когда готовили метамфетамин. Оба брата коренастые и угрюмые, и Кристи-Линн старается их избегать. Ей не нравится, как старший провожает ее взглядом, всегда задерживаясь чуть дольше, чем следует.

Общее у них только одно – полное отсутствие надежды на обретение постоянной семьи. Постоянная семья. Этот

отвратительный термин соцработники используют для усыновления, словно они не люди, а какие-нибудь корги или кокер-спаниели. Во временные семьи попадают дети с тяжелой судьбой, потенциальные алкоголики и наркоманы, и подростки остаются там до конца – до момента, когда на восемнадцатый день рождения их выставляют на улицу, нередко без работы и без гроша в кармане.

Впрочем, Кристи-Линн и не хочет постоянную семью. Слишком поздно. Она просто хочет, чтобы ей дали спокойно закончить школу, поступить в колледж, найти приличную работу и ни от кого не зависеть. Но сейчас она угодила в бюрократический лимб, где ко всем детям относятся одинаково – накормить, спасти душу, получить пособие от государства.

Ничего не поделать. Остается лишь ждать, пока ее мать отмотает срок. Ее адвокат, обеспеченный судом, обещал три года, возможно, восемнадцать месяцев при условии примерного поведения. И что потом? Сдержит ли она обещание, когда выйдет? Или старый кошмар повторится, как в фильме «День сурка», где Билл Мюррей каждый день просыпается в одном и том же аду?

При мысли о возвращении к старой жизни Кристи-Линн бросает в дрожь. Через восемнадцать месяцев она по-прежнему будет несовершеннолетней. Они заставят ее вернуться к матери, и все.

Двадцать восемь

*Свитвотер, Вирджиния.
3 июня 2017 г.*

Уэйд снова набрал номер Кристи-Линн. Последние три звонка сразу переключались на автоответчик, и он решил оставить сообщение, спросить, не перевернулась ли она в какую-нибудь канаву – это было шуткой лишь наполовину. И удивился, когда Кристи-Линн наконец взяла трубку.

- Привет, это Уэйд. Я думал, ты мне позвонишь.
- Знаю. Прости. Просто не было настроения разговаривать.
- Я так понимаю, ты туда вернулась?
- Пришлось.
- Как скажешь.
- Пожалуйста, не ехидничай.

Уэйд сразу пожалел о сказанном. Судя по голосу, Кристи-Линн недавно плакала.

- Прости. Расскажи, что случилось.
- Боюсь, не могу. Не сейчас. Я только зашла домой, целый день за рулем. Я никакая.
- Похоже, тебе надо поесть и хорошенько выспаться.
- Дома ничего нет, а выходить я не собираюсь. Так что приму горячую ванну и пойду спать. Пойдет?
- Хорошо, понял. Как скажешь. Иди в свою ванну.

Сорок пять минут спустя Уэйд уже стоял на крыльце Кристи-Линн с пакетом еды из «Лотоса». Существовала вероятность, что она вывалит содержимое пакета ему на голову, но Уэйд был готов рискнуть. Кристи-Линн уезжала из города не в лучшем состоянии, и последние сорок восемь часов вряд ли пошли ей на пользу.

Он все еще пытался придумать предлог для внезапного визита, когда она открыла дверь. На Кристи-Линн был белый халат с поясом

на талии. Влажные волосы пахли шампунем, как дождь или море.

– Привет, – сказал Уэйд. – Как ванна?

– Что ты здесь делаешь?

– Принес еды. – Он поднял пакет в подтверждение своих слов. –

Не знаю, что ты любишь, поэтому набрал всякого. Там ло мейн, креветки с овощами и курица с кешью. А, и суп. Судя по голосу, тебе нужен суп. Он сверху, и горячий, так что осторожнее.

Кристи-Линн с изумленным видом взяла пакет.

– Да тут несколько килограммов еды.

Уэйд глупо улыбнулся.

– Остатки.

– погоди, – остановила она, когда он развернулся, чтобы уйти. – Ты не зайдешь?

– Я здесь не ради приглашения на ужин. Просто хотел убедиться, что ты поешь.

– Я приглашаю. Но осторожнее, смотри под ноги. Тут бардак.

Уэйд пробирался сквозь лабиринт коробок, следуя за ней по гостиной. Место напоминало склад, заставленный мебелью, безделушками и наполовину распакованными коробками.

– Что происходит? Ты переезжаешь?

– Делаю ремонт. Кэрол так торопилась уехать во Флориду, что оставила почти все вещи, а из-за открытия магазина у меня не было времени разобраться. Я собираюсь отдать почти все на благотворительность, отсюда и коробки. Подумываю переделать ванную и кухню. Но хочу сохранить винтажный стиль. Мисси говорит, можно обратиться к ее кузену, Хэнку. Но сначала надо от многого избавиться.

В происходящем разобрался бы даже начинающий журналист. Кристи-Линн продолжала болтать, двигаясь по комнате, чтобы не смотреть на Уэйда. Классическое избегание – и, с учетом событий последних двух дней, у нее было на это полное право. Сегодня темы для беседы выбирает она.

Он заглянул в одну из ближайших коробок и увидел побитые тарелки и стопки кастрюль и мисок.

– Мне это знакомо. Когда я переезжал в домик, пришлось избавляться от кучи дедушкиных вещей. Помню, разбирали битые

кружки и одиночные перчатки и удивлялся, зачем он вообще их хранил.

Кристи-Линн доставала из пакета контейнеры с едой, снимая крышки и расставляя их на столе. Она замерла и посмотрела на Уэйда.

– Может, дело не в *пользе*. Люди держатся за разные вещи, иногда ненужные, даже сломанные, из-за связанных с ними воспоминаний.

Уэйд внимательно посмотрел на Кристи-Линн, раздумывая над услышанным. В кухонном освещении ее лицо казалось неровным и опухшим, глаза – покрасневшими и усталыми. Она плакала, судя по всему, много часов.

– Я предпочитаю полный разрыв. Людям нравится раскапывать трупы, страдать из-за ошибок. В чем смысл? Вода отравлена. Ее уже не очистить. Остается только уйти прочь и сжечь мосты.

Кристи-Линн посмотрела на него с явным недоумением.

– Я должна понимать, о чем речь?

Уэйд отмахнулся. Как обычно, он наговорил лишнего. Не каждый мог оценить достоинства тактики выжженной земли.

– Да ерунда, – наконец сказал он. – Просто выражение.

Разумеется, он солгал. Оставляя Нью-Йорк, он поджег не только собственную карьеру. Он искренне пытался построить отношения с Симоной, хотя теперь уже и не понимал, зачем было так стараться. Отказался от писательства и с головой ушел в работу в «Ревью», заслужив целую полку наград и прилагающихся привилегий. На какое-то время он даже убедил себя, что они счастливы. Но поддерживать иллюзию оказалось им не под силу. На самом деле у них не было ни единого шанса на счастливый финал.

Пока они обменивались контейнерами и накладывали себе еду, висело неловкое молчание, тяжелая тишина с невысказанными вопросами и тайными взглядами. Наконец Кристи-Линн опустила вилку и посмотрела Уэйду в глаза.

– Не получается, да?

– Что?

– Молчать.

– Я солгу, если скажу, что не беспокоюсь о тебе.

Она вдруг отстранилась, словно спрятала эмоции как можно дальше.

– Не нужно. Я узнала все, что хотела, и теперь буду дальше жить своей жизнью, как все советуют.

Ее халат слегка распахнулся, открыв взгляду бледное плечо. Уэйд заставил себя снова перевести глаза на ее лицо.

– Почему я тебе не верю?

Она неуверенно улыбнулась и махнула рукой на беспорядок в гостиной.

– Посмотри. Так и выглядит возвращение к собственной жизни.

– Это все внешнее. Я говорю о внутреннем.

Кристи-Линн снова взяла вилку и принялась гонять по тарелке кусочек моркови.

– Я над этим работаю. Последние два дня выдались... тяжелыми, но я наконец получила ответы на все «когда» и «где». Можно двигаться дальше.

– А как насчет «почему»?

Кристи-Линн пожала плечами:

– Он был мужчиной. Она – женщиной. Это уже ответ.

– А девочка? Айрис?

– Боюсь, тут ничего не поделать.

Уэйд посмотрел на нее, даже не пытаясь скрыть скептицизм.

– И все? Ты готова просто... жить дальше?

– Да.

Уэйд провел рукой по волосам, задаваясь вопросом, кого она пытается убедить – его или себя.

– Слушай, знаю, я просил тебя прекратить себя истязать, но я имел в виду другое. Нельзя просто делать вид, будто у тебя нет чувств, если они есть.

Кристи-Линн со стуком бросила вилку.

– Разумеется, у меня есть чувства. Но что с ними делать? Ничего уже не воротишь. Джинна не загнать обратно в бутылку. И даже злиться не на кого – Стивен мертв. Осталась только маленькая девочка без родителей!

Ее слова резко прозвенели в стенах маленькой кухни. Уэйд с растерянностью и недоумением смотрел, как Кристи-Линн затихла, опустив голову и прижав руку ко рту. Ее трясло. Наконец Кристи-Линн открыла глаза. Он отодвинул тарелку и сложил руки на столе.

– Кристи-Линн, что сегодня произошло?

Кристи-Линн отвела взгляд и мягко сказала:

– Он хотел ее.

– Хани?

Она снова посмотрела ему в глаза с усталостью и печалью.

– Айрис. Хани думала... от нее избавиться, но Стивен ее отговорил. Я не ожидала. – Кристи-Линн вытерла рукавом глаза, а потом вскочила со стула: – Кофе?

Уэйд моргнул, сбитый с толку резкой сменой темы и новым открывшимся видом ее левого плеча. Потом опустил взгляд на часы.

– Конечно. Почему бы нет? Кажется, у меня уже иммунитет к кофеину.

Уэйд смотрел, как Кристи-Линн накладывает кофе, и профессиональная интуиция била в набат. Он чувствовал подавленные эмоции, тщательно спрятанные и крепко закрытые, но активно бурлящие под поверхностью. Гнев, смешанный со смятением и завернутый в предательство. Но было и нечто еще – Уэйд никак не мог нащупать, что именно.

Вскоре Кристи-Линн вернулась к столу и протянула Уэиду кружку.

– Только сахар, да?

Кристи-Линн покрепче завязала пояс халата, и плечо скрылось. Уэйд сам не понял, облегчение испытал или разочарование.

– Ты обратила внимание. Я польщен.

– Ты уже два месяца пьешь кофе в моем кафе.

– Тоже верно. Теперь садись.

Он удивился, когда она безропотно опустилась в кресло, обхватив кружку ладонями.

– Что происходит? О чем ты мне не рассказываешь?

– У нас не было детей, – просто ответила Кристи-Линн.

Он сделал глоток и поднял взгляд. Уэйд не знал, чего ожидал, но точно не этого.

– Какое это имеет значение?

– Просто имеет.

Она по-прежнему тянула с ответом, но они подоברались к сути.

– Это я не хотела детей.

– А Стивен хотел?

– Если и хотел, то никогда не говорил. Мы обсуждали этот вопрос до брака, и казалось, он принял все спокойно, даже с облегчением. Но, возможно, потом он передумал. Иногда мужчины так делают.

Уэйд обдумал ее слова, связывая услышанное воедино.

– Хочешь сказать, если бы ты родила ребенка, Стивен не изменял бы?

Кристи-Линн пожала плечами:

– Говорят, мужчины с детьми изменяют реже из-за большего чувства вины.

Уэйд замер на середине глотка, пораженный услышанным.

– Кажется, я никогда не слышал большей чуши. Мужчины изменяют не из-за жажды обзавестись семьей, Кристи-Линн. А просто потому, что они кобели.

– А ты? Ты хотел... Господи, я даже не догадалась спросить. У тебя *есть* дети?

– Нет. Но со временем я захотел. Ведь это неотъемлемая часть жизни, верно? Однако мы жили в безумном ритме. Отчасти поэтому я и ушел из журналистики. Хотелось покинуть гонку, присмотреться к другим возможностям. Но у Симоны оказались другие планы. Она не собиралась тратить время на подгузники.

– Но их мог менять ты, – заметила Кристи-Линн. – Ты мог сам заниматься ребенком.

– И стал бы заниматься. Я был готов к переменам. Но Симона на такую жизнь не подписывалась. Мы ничего не обсуждали до свадьбы. Видимо, она считала, что я разделяю ее взгляды на работу. Она любила шпионить, устроиться перед домом какого-нибудь парня в надежде, что он выйдет за сигаретами или газетой, и – цап! Настоящая засада.

– Да, принцип мне знаком.

– Прости, забыл. Я думал, она просто предана профессии, понимаешь? Хочет изменить мир. Но со временем увидел другую ее сторону, темную сторону. Погоня, постоянный адреналин. Это стало для нее чем-то вроде наркотика, а я не хотел в этом участвовать. И постепенно отстранился. Если Стивен был несчастен, он мог сделать то же самое. Но вместо этого обманывал тебя, стал отцом ребенка другой женщины. Ты до сих пор не знала бы о его дочери, если бы он не упал с моста с полуголой женщиной в машине.

– Спасибо за пересказ, – сухо сказала Кристи-Линн.

Уэйд вздохнул, недовольный собой. «Отлично, болван».

– Прости. Я просто пытался подчеркнуть, что твоей вины во всем этом нет. В Стивене было нечто, позволявшее ему пересекать любую черту, даже причиняя боль другим людям. Со мной он так поступил в колледже. А теперь – с тобой. Тогда я не понимал. Как можно ударить друга в спину, не моргнув глазом? Теперь понимаю: он просто был таким по натуре. Это никак не относилось ко мне. Или к тебе. Он не думал ни о ком, кроме себя.

– Однако убедил Хани не прерывать беременность, – отметила Кристи-Линн, доливая кофе. – Я постоянно думаю: если бы все сложилось иначе, Айрис была бы нашей дочерью, а никакой Хани Роулингс не появилось бы.

Уэйд посмотрел на нее с откровенным скептицизмом.

– И каким же образом? Ты ведь даже не хотела детей, помнишь? И, похоже, весьма тщательно обдумала это решение, хотя никогда не говорила мне о причинах.

– Не говорила.

– И не собираешься?

– Нет, – холодно отозвалась она. – С тех пор уже много воды утекло, верно?

Уэйд кивнул.

– Справедливо. Но я не сужу. Просто любопытно.

– Знаю. Просто со временем привыкаешь, понимаешь? Постоянно защищать свой выбор. Никто не представляет, что причины тщательно продуманы и в таком выборе нет ни капли эгоизма. Не все считают, что наша жизнь без размножения теряет смысл.

– Разумеется, нет.

Кристи-Линн вздохнула и провела рукой по волосам.

– Просто сейчас это мое больное место. – Кристи-Линн поставила кружку на столешницу, подошла к стеклянной двери и скрестила руки на груди, уставившись на собственное отражение. – Не могу выбросить из головы ее лицо. У нее подбородок Стивена, эта безумная ямочка прямо посередине. Но она похожа и на Хани. Красивая.

Уэйд тяжело выдохнул, не зная, что ответить.

– Представить не могу, насколько тебе сейчас тяжело.

Кристи-Линн повернулась к нему, едва сдерживая слезы.

– Она почти не говорит. Я рассказывала? После аварии она постоянно молчит. И ей снятся кошмары. Она боится, что все ее бросят. И она права. Ретте уже за восемьдесят, и она больна. А ее дядя... – Она перешла на сдвоенный шепот: – Скорее всего, она попадет в приемную семью.

Слезы вырвались наружу и тихо покатались по щекам, но Кристи-Линн их будто не замечала. Уэйд смотрел на нее с изумлением. Как после всего случившегося она может плакать из-за ребенка, воплотившего предательство ее мужа?

Уэйд попытался подобрать слова, сказать что-нибудь высокопарное и утешительное, но не смог. И просто дал ей выплакаться. Потому что она в этом нуждалась, и потому что он не знал, что еще можно сделать.

Чувствуя себя беспомощным и отчаянно желая помочь, он принялся закрывать контейнеры, собирать тарелки и приборы. Вскоре Кристи-Линн вытерла глаза рукавом халата и пошла к раковине. Она мыла посуду молча, но простые действия немного сняли напряжение. Закончив и протерев поверхности, Кристи-Линн повернулась к нему:

– Прости за сегодня. Ты пришел, сделал доброе дело, а я рыдала в суп. Кажется, в последнее время я постоянно плачу.

– Ну, можно сказать, обстоятельства тебя обязывают, хотя я предпочитаю, когда ты не плачешь. – Он взял со столешницы пакет из ресторана и уже собирался его выбросить, когда заметил что-то внутри. – Ой, смотри, мы забыли печенье с предсказаниями.

Уэйд протянул одно Кристи-Линн, а второе сломал напополам и достал маленькую бумажку.

– Не путай действия с достижениями. – Он нахмурился, смял бумажку и бросил в сумку. – Справедливо при стремлении стать писателем, верно? Теперь ты.

Скорчив гримасу, Кристи-Линн протянула ему печенье.

– Прочитай сам.

Уэйд повозился с оболочкой, рассыпав крошки по чистой столешнице, но в итоге сумел извлечь крошечный клочок бумаги.

– Чтобы спастись, нужно сделать то, чего мы сильнее всего боимся. – Уэйд наклонил голову. – Тебе это о чем-нибудь говорит?

– Не особо. Но в последнее время меня пугает все.

Он пристально посмотрел на Кристи-Линн, такую измученную и хрупкую в огромном халате. Такую красивую. И сильную, хоть она этого пока и не понимает.

– Думаю, ты одна из самых смелых женщин, что я знаю, – сказал Уэйд и сам удивился своим словам.

Кристи-Линн тоже казалась удивленной – она улыбнулась ему легкой, но неожиданно сияющей улыбкой. У Уэйда внезапно возникло почти непреодолимое желание прикоснуться к ее щеке. Наверное, ее давно никто не трогал, не обнимал, не целовал. Как и его.

Господи! О чем он думает? Уэйд сделал шаг назад в ужасе от собственных мыслей. Поддержка, сочувствие, даже дружба были вполне подходящей реакцией на ее ситуацию, но он вдруг оказался на совершенно другой дороге – необходимо срочно разворачиваться.

Он уже собрался уходить, когда Кристи-Линн взяла его за руку. Ее пальцы были еще холодными после мытья посуды.

– Спасибо за еду. Ты очень... добрый.

Прежде чем Уэйд успел себя остановить, он обхватил ее ладонь и вложил туда бумажку с предсказанием.

– Я серьезно. Ты правда одна из самых смелых женщин, что я знаю. Ты справишься. Обещаю. А пока, если тебе понадобится с кем-то поговорить или просто вместе поесть, ты знаешь, где меня найти.

Двадцать девять

*Свитвотер, Вирджиния.
10 июня 2017 г.*

С приходом лета Кристи-Линн смогла отвлечься от магазина, где дела шли прекрасно, и сосредоточиться на обустройстве своего дома. Теперь, осматривая в гостиной оставшиеся коробки, она наконец смогла увидеть свет в конце тоннеля. Возможно, их получится разобрать уже к концу дня.

Она вспомнила недавнюю реакцию Уэйда – «*Ты переезжаешь?*» – и почувствовала резкий укол вины. Она избегала его после фиаско с китайской едой и даже пряталась в кабинете, когда Уэйд заходил в магазин за кофе.

Следовало позвонить ему на следующий же день и поблагодарить за еду, но Кристи-Линн не смогла себя заставить. Такое делают после свидания, а не после жалких рыданий над яичными роллами. Она никогда не была истеричкой, но с Уэйдом повела себя именно так. Однако выбросить из головы Айрис никак не получалось. До сих пор.

Она не представляла, какое Ретте могли выплачивать пособие, но точно не много. Явно недостаточно, чтобы вырастить ребенка. А теперь, когда Стивен погиб и от него перестали поступать ежемесячные платежи, Айрис многого лишится. Книг, врачей – и новой крыши.

Эта мысль разгневала Кристи-Линн. Отсутствие завещания должно было удивить ее, но не удивило. Смерть казалась Стивену делом простых смертных, а не знаменитых писателей с толпами поклонников и миллионами в банке. Но это должно было измениться, когда появилась Айрис. И, может, изменилось. Маловероятно, но возможно, что он оставил какое-нибудь особое распоряжение насчет Айрис своему юристу, о котором тот умолчал.

Кристи-Линн достала из сумочки телефон и набрала номер Питера Хагана. К ее удивлению, секретарь сразу перенаправил звонок.

– Питер, это Кристи... Кристин.

– Кристин, рад тебя слышать. Как ты справляешься?

– Нормально. Слушай, у меня вопрос. Я знаю, Стивен не оставил завещания, но, может, была какая-нибудь бумага, про которую ты мне не рассказал?

– Прости, что?

Кристи-Линн попыталась проанализировать его интонации. Он изображает дурака? Разыгрывает непонимание?

– Я знаю про Айрис, – заявила она.

– Про кого?

– Айрис Роулингс. Дочь Стивена.

Повисла долгая пауза – непонятно, от неловкости или от удивления.

– Питер?

– Прости, Кристи. Я не представляю, о чем ты говоришь.

– Слушай, ты можешь больше его не защищать. Я все знаю.

– Тогда ты явно знаешь больше моего. Если у Стивена и есть дочь, мне он никогда о ней не рассказывал.

– Откуда мне знать, что ты не лжешь?

– Ниоткуда. Но, как друг, уверяю тебя, Стивен никогда не рассказывал мне о планах на наследство. Ни для тебя, ни тем более для ребенка.

– Тебе знакомо имя Хани Роулингс?

– Боюсь, что нет. А должно быть знакомо?

– Это женщина, которая была в машине Стивена в ночь его гибели.

– Не знал, что им удалось установить ее личность.

– Официально – нет. Но так ее звали.

– А ты как узнала?

– Узнала, и все. И пусть это останется между нами.

– Разумеется, но к чему ты клонишь?

– У Стивена с этой женщиной есть ребенок, Питер. Маленькая девочка по имени Айрис. И я подумала, может, он оставил какое-то распоряжение, на экстренный случай. Она живет с прабабушкой в Западной Вирджинии, но теперь, после гибели Стивена, у них нет денег. Это ужасно.

– Кристи, – Питер кашлянул, подбирая слова, – крайне не советую тебе лезть в это дело. Во-первых, ты совершенно не знаешь эту маленькую девочку...

– Айрис.

– Да, верно, Айрис. Нам никак не узнать, действительно ли Стивен был ее отцом. Твоя забота достойна восхищения, но ты не представляешь, какие порой возникают персонажи после смерти людей вроде Стивена. Судя по всему, кто-то просто пытается вытянуть из тебя деньги. Такое случается сплошь и рядом.

– Они не мошенники, Стивен. Я точно знаю.

– Откуда? – раздраженно спросил он. – Как ты можешь быть уверена?

– Потому что я узнаю лицо собственного мужа, когда оно на меня смотрит.

– Ты... ее видела?

– В прошлые выходные. Ездил в Западную Вирджинию. Айрис – дочь Стивена.

– И об этом, – серьезно сказал Питер, – точно не следует никому рассказывать. Признание отцовства может открыть множество дорогих дверей. Не сомневаюсь в твоих добрых намерениях, но есть установленные способы – законные способы – решения подобных проблем, и, пока мы ими не воспользуемся, очень советую тебе отстраниться от ситуации.

– Мне не нужен тест. И никто не просил у меня ни пенни.

– Кристин, пожалуйста. Как твой юрист, уверяю – могут возникнуть неприятности.

– Питер, они возникли уже давно, но спасибо. Я выяснила что хотела.

Он начал говорить что-то в ответ, но Кристи-Линн повесила трубку.

Она пошла на кухню, достала из ящика возле телефона одну из оставленных Кэрл пустых открыток и начала писать.

Ретта,

Хочу еще раз поблагодарить Вас за Вашу доброту. Знаю, мое присутствие послужило неприятным напоминанием о Вашей потере, а разговор доставил Вам не меньше боли, чем мне. Наши потери отличаются, но мы обе испытываем настоящую боль, и я сожалею, что наши пути пересеклись таким неприятным образом. Прошу, примите

этот небольшой знак моего расположения и наилучшие пожелания Вам и Айрис. Это не восполнит Вашей потери – впрочем, и не должно, – но, надеюсь, хоть немного облегчит Вам заботу о внучке.

С наилучшими пожеланиями,

Кристин Ладлоу

Закончив, Кристи-Линн выписала чек на десять тысяч долларов и вложила его в конверт, стараясь не думать о реакции Питера Хагана на подобный жест. По закону Айрис не положено ни цента из наследства Стивена. Но закон и мораль – две очень разные вещи.

Тридцать

Риддлсвилль, Западная Вирджиния.

17 июня 2017 г.

У Кристи-Линн екнуло сердце, когда она проехала знак выезда из Риддлсвилля. Она явно сошла с ума, но кто-то должен образумить Ретту Роулингс, а поскольку у той нет телефона, пришлось ехать на машине.

Кристи-Линн была изумлена, когда получила записку Ретты с благодарностью за теплые слова, но с отказом принять благотворительность от женщины, которой так навредила ее внучка. Но разве это благотворительность? Айрис – родная дочь Стивена. То, что он не удосужился спланировать ее будущее, не меняло ее полного права на чек – и на многое другое.

На этот раз Кристи-Линн без труда нашла домик Ретты, но надеялась, что атмосфера отчаяния в ее воспоминаниях преувеличена. Увы, нет. Впрочем, Кристи-Линн ведь приехала сюда именно за этим – попытаться немного смягчить отчаяние.

Открыв дверь, Ретта изумленно вытаращила глаза.

– Зачем?

– У вас нет телефона, – выпалила Кристи-Линн, словно это все объясняло. – Сейчас неподходящее время?

– Боюсь, я не понимаю. Неподходящее время для чего?

– Я приехала насчет чека. Хочу объяснить.

Ретта сделала несколько шагов назад – немое приглашение войти. Айрис растянулась на ковре в гостиной, увлеченная раскраской. Когда зашла Кристи-Линн, девочка встревоженно подняла бледное личико.

– Айрис, детка, – спокойно проговорила Ретта, – помнишь Кристи-Линн? Она вернулась повидаться с Нанни.

Айрис ничего не ответила, только моргнула огромными, сияющими глазами.

Кристи-Линн удалось выдавить улыбку.

– Привет, Айрис, – мягко сказала она, опасаясь, что девочка сбежит, словно напуганная косуля. – Каких красивых ты раскрашиваешь рыбок. Розовые – мои любимые.

Айрис опустила взгляд на зажатый в кулачке розовый мелок, словно впервые его заметила.

– Она сегодня тихая, – с извинением прошептала Ретта. – Пойдем на кухню. Я как раз приготовила чай.

– Я ненадолго, обещаю, – сказала Кристи-Линн, заметив на плите большую кастрюлю. – Знаю, скоро обед.

Пока Ретта поднимала чайник и наполняла два стакана, ее узловатые руки дрожали, и много воды пролилось на столешницу.

– Должна сказать, я не ожидала увидеть вас вновь.

– Я тоже не ожидала, что приеду, пока не получила ваше письмо. Хочу узнать, почему вы вернули чек.

– Я же написала. Мы не можем принять благотворительность.

– Но это не благотворительность. Это ничем не отличается от денег, которые Стивен давал Хани на Айрис.

– Очень даже отличается. – У Ретты задрожал подбородок, а взгляд голубых глаз внезапно стал пронзительным и ясным. – Это были деньги Стивена, он мог распоряжаться ими, как заблагорассудится. Но его больше нет, а значит, по закону деньги принадлежат вам. У нас нет на них никакого права.

– Ретта, – начала Кристи-Линн, понизив голос, чтобы скрыть волнение, – как вам известно, мой муж был очень состоятельным человеком. Он совершил ошибку, не позаботившись о дочери. И я пытаюсь эту ошибку исправить – если вы мне позволите.

– Это неправильно.

– Правильно. На самом деле это *единственный* правильный выход из данной ситуации. – Кристи-Линн достала из сумочки чек и положила его на клеенку. – Прошу... Возьмите.

Ретта закрыла глаза и твердо покачала седой головой. Она выглядела еще более уставшей, чем в прошлый раз, измотанная ежедневными марафонами по уходу за ребенком с эмоциональными проблемами.

– Девочке нужны не деньги, – ответила Ретта, проведя по стакану пожелтевшим ногтем. – Ей нужен близкий человек. А она была лишена его даже при жизни Хани.

– К счастью, у нее есть вы, – тихо сказала Кристи-Линн.

Ретта подняла взгляд и горько улыбнулась.

– Надолго ли?

Теперь глаза опустила Кристи-Линн. Да, Ретта озвучила очевидный для всех факт: что случится с Айрис, когда Ретта больше не сможет о ней заботиться?

– Я много об этом думала после вашего приезда, – угрюмо призналась Ретта.

– И?

– И ничего. – У нее задрожала нижняя губа. – С бедняжкой столько хлопот, помимо проблем с речью и сном. Это не ее вина, но в моем возрасте уже тяжеловато.

Кристи-Линн, не думая, схватила Ретту за руку.

– Именно поэтому вам нужно принять чек, Ретта. Вы сможете обратиться за помощью, возможно, нанять консультанта, который поможет Айрис справиться с пережитым. Вам обоим станет легче.

– Кого я здесь найду?

– Может, тут есть люди, которые могут помочь или хотя бы кого-нибудь посоветовать. Кого-нибудь вроде сиделки.

На морщинистом лице Ретты отразился ужас.

– Не хватало мне только правительственных благотворителей, которые знают, что я слишком стара и не в состоянии за собой ухаживать. Глазом не успеем моргнуть, как они ее заберут. Конечно, когда-нибудь это произойдет. Скорее всего. Но я тогда буду уже мертва и ничего не смогу поделать...

Кристи-Линн сдержала дрожь. Ретта права. Старая, немощная и живущая далеко за чертой бедности, Ретта Роулингс вряд ли покажется кому-то подходящим опекуном.

– Может, Рэй сумел бы подыскать в церкви человека, способного помогать с готовкой, стиркой и подобными вещами?

Ретта фыркнула.

– Он даже запрещает мне приводить ее в церковь. По его мнению, Хани уже достаточно опозорила фамилию Роулингс, словно эта фамилия когда-нибудь что-то значила.

Кристи-Линн почувствовала новую волну отвращения к Рэю Роулингсу.

– Он не хочет, чтобы его племянница приходила в церковь?

– Не в его церковь. Говорит, мне не следует тыкать отродьем Хани в лица прихожан, напоминая о ее проступках. Его родная сестра... – Ретта осеклась и опустила взгляд в стакан.

– Ретта, это ужасно.

Она моргнула и повернулась к окну.

– Я надеялась, он передумает, смягчится со временем, но нет. Без шансов. Он принял решение. – Она покачала головой, прикрыв глаза. – И что теперь будет с Айрис?

– Я не знаю, Ретта. Мне очень жаль. Но возьмите хотя бы чек. Он не решит всех проблем, но поможет продержаться какое-то время. И не говорите про благотворительность. Эти деньги должны были принадлежать ей. И даже гораздо больше. Пожалуйста, возьмите.

Слезы, дрожащие на ресницах Ретты, наконец упали.

– Миссис Ладлоу... – Она всхлипнула и уронила голову на руки. – Я не знаю... Ваша поразительная доброта...

Кристи-Линн протянула руку и обхватила обе ладони Ретты, ее узловатые и удивительно хрупкие пальцы.

– Ретта, прошу, не плачьте. Мы найдем вам помощника. Обещаю. И вы можете называть меня Кристи-Линн.

Вдруг Кристи-Линн почувствовала какое-то движение. Она обернулась и увидела в дверном проеме Айрис, которая неотрывно смотрела на женщин за маленьким кухонным столом, держащихся за руки.

Ретта тоже заметила девочку и быстро вытерла глаза.

– Айрис, детка, я не слышала, как ты вошла. Хочешь сок?

Айрис стояла, спрятав руки за спину и словно пытаясь что-то понять. Наконец она двинулась вперед – сомневаясь, но явно с каким-то четким намерением.

– Что такое, Айрис? – спросила Ретта, явно озадаченная поведением внучки. – Что там у тебя?

Айрис не ответила. Она сделала еще один шаг, а потом вытащила из-за спины листок бумаги и вручила Кристи-Линн.

– Розовые рыбки тоже мои любимые, – неразборчиво пробормотала Айрис и выбежала из кухни.

Утратив дар речи и прикрыв рукой рот, Ретта смотрела на грязноватого розового Немо, подаренного ее правнучкой Кристи-Линн.

– Пять слов, – тихо подытожила Ретта, подсчитав на пальцах. – Я уже не помню, когда она говорила столько за один раз.

Кристи-Линн не знала, как реагировать и как справиться с нахлынувшими незнакомыми эмоциями.

– Она просто повторила за мной, – робко заметила она. – Я же сказала ей, что люблю розовых рыбок.

Ретта улыбнулась, Кристи-Линн впервые увидела на ее лице искреннюю улыбку.

– Вы ей нравитесь.

– Она просто старается быть милой. Она меня даже не знает.

– О, думаю, знает. – В словах Ретты прозвучала странная торжественность, серьезность, заставившая Кристи-Линн замереть на месте. – Дети многое чувствуют – кто добрый, а кто нет, кто искренний, а кто нет. Она точно знает, кто ты, Кристи-Линн. – Голос Ретты снова дрогнул, и она откашлялась. – Мы обе.

Тридцать один

*Свитвотер, Вирджиния.
24 июня 2017 г.*

Кристи-Линн резко вскочила в кровати – иглы адреналина еще кололи тело. Через несколько мгновений эмоции от сна чуть поблекли, впрочем, полностью они не проходили никогда. Расплывчатые лица и приглушенные речи всегда оставались где-то рядом: темная и водянистая изнанка ее повседневной жизни. Кристи-Линн надеялась, что, когда Ретта примет чек, они закончатся или хотя бы станут реже. Но вместо этого сны начали приходить *еще* чаще, заснуть после них не получалось, и Кристи-Линн чувствовала себя по утрам измотанной, словно зомби.

Постепенно сердцебиение замедлилось, и Кристи-Линн заметила равномерный стук дождя за окном. Откинувшись на спину, она закрыла глаза, пытаясь успокоиться, но тщетно. Каждый нерв в теле был натянут, словно скрипичная струна.

Слегка пошатываясь, Кристи-Линн вылезла из постели и потопала на кухню за традиционной чашкой «Эрл Грея». Дожидаясь, пока закипит вода, Кристи-Линн уставилась на ярко-розовую рыбку, которая улыбалась ей с двери холодильника. В самых безумных мечтах Кристи-Линн не могла представить, что однажды ее кухню украсит детский рисунок, но это случилось.

Кристи-Линн отвернулась, когда прозвенела микроволновка, и нахмурилась, услышав из-за стеклянных дверей сдавленное мяуканье. Когда звук повторился, Кристи-Линн подошла к двери и выглянула на улицу. Вскоре источник звука был обнаружен.

– Так-так. Что тут у нас? – Кристи-Линн приоткрыла дверь, чтобы лучше рассмотреть жалкого, промокшего насквозь кота. – Похоже, кто-то забыл одеться по погоде.

Кристи-Линн осознала собственную ошибку слишком поздно. Приняв сочувствие за приглашение, кот проскользнул мимо ее лодыжек и с очередным сдавленным мяуканьем ворвался на кухню.

Кристи-Линн возмущенно оглядела незваного гостя.

– Сэр, боюсь, вы ошиблись дверью. Ничего личного. Просто питомцы – это не мое.

Кот не сдвинулся с места, продолжая жалобно смотреть на нее янтарными глазами. Она подавила вздох, чувствуя, как иссякает решимость. Кристи-Линн не забыла, каково это – когда тебе холодно, мокро и негде спать.

– Хорошо. Хорошо. Можешь провести ночь, но даже не думай, что это навсегда. И, надеюсь, ты не рассчитываешь на ужин: кошачья еда как раз закончилась.

Очередное мяуканье и полный драмы взгляд.

– Хорошо, – простонала Кристи-Линн, направившись к холодильнику. – У меня есть молоко. Но на этом все.

Она наполнила блюдечко и подождала, пока кот его жадно опустошит. Когда бедолага в последний раз ел нормальную еду? Кристи-Линн нашла в кладовке банку тунца, открыла ее и перевернула на второе блюдечко.

Когда заварился чай, оба блюдца были пусты, а гость переключил внимание на вопросы внешности. Кристи-Линн отнесла кружку в гостиную и устроилась на диване, наблюдая за тщательным умыванием гостя. К ее удивлению, через несколько минут начали слипаться глаза. Кристи-Линн не стала сопротивляться, уютно устроившись в подушках. Возможно, если она будет спать не в кровати, а здесь, кошмар не найдет ее.

Через несколько часов Кристи-Линн проснулась от потока теплого желтого света, льющегося в окна гостиной. Оцепенело села, пытаясь понять, почему оказалась на диване, а не в своей кровати. А потом заметила рыже-белый комок шерсти, свернувшийся на подлокотнике, и в памяти восстановились события минувшей ночи.

Словно почувствовав ее взгляд, кот поднял голову, моргнул со смесью любопытства и сонного раздражения, встал, потянулся и прыгнул на пол, направившись к стеклянным дверям кухни.

– Настоящий мужчина, – пробормотала Кристи-Линн, выпуская его. – Ускользает с первыми лучами солнца.

Она понаблюдала, как он спустился по задним ступеням и исчез из виду, и пошла варить кофе. Через несколько часов на обед заглянет Мисси – первая гостья после сделанного Хэнком ремонта, – и все должно быть идеально.

Мисси, как всегда, опоздала, зато она безупречно смотрелась в тунике без рукавов и белых льняных слаксах. Она прижалась губами к щеке Кристи-Линн, оставив фирменный отпечаток губ цвета фуксии, и зашла в дом.

– Тебе. – Мисси вручила Кристи-Линн подарочный пакетик. – Маленький подарок в честь нового этапа. Если хочешь, можешь открыть, когда я уйду. А сейчас... – Мисси сделала паузу, с улыбкой протянув сумку с продуктами. – Я купила шампанское и апельсиновый сок для «мимозы». А для тебя у меня есть сидр. Или можешь налить себе старого доброго апельсинового сока, но без пузырьков пропадает все веселье.

Зайдя в обновленную кухню, Мисси одобрительно присвистнула.

– Поверить не могу, как все преобразилось. Я видела это место, пока шли работы, но теперь, когда все закончено, – вау!

Кристи-Линн не смогла сдержать улыбки. После ремонта кухня стала ее любимой комнатой.

– Спасибо. Фермерская мойка и винтажная фурнитура – идеи Хэнка. Он точно уловил, что я хочу.

Мисси сражалась с пробкой от шампанского, зажав бутылку между коленей, и вздрогнула, когда пробка выскочила с резким хлопком.

– Решила, что будешь делать со свободной комнатой?

Рядом со спальней Кристи-Линн была еще одна комната, на данный момент заваленная остатками материалов после ремонта.

– Пока нет, но я склоняюсь к кабинету. Подумываю снова взять работу несколько издательских проектов. Скучаю по своим писателям. И, честно говоря, теперь, когда работа магазина налажена, а ремонт почти закончен, у меня слишком много свободного времени.

Мисси достала два бокала для шампанского и разлила апельсиновый сок.

– Может, следует занять его чем-нибудь приятным? С папой работает один парень, бухгалтер. Симпатичный. В разводе. Без детей.

Кристи-Линн выразительно посмотрела на нее.

– Может, пообедаем?

Мисси игриво нахмурилась.

– Хорошо, поняла. Пора сменить тему.

– Именно. – Кристи-Линн вытащила из холодильника салат с авокадо и направилась на веранду. – Кстати, о детях: где сегодня твои мальчики?

– В походе с соседскими детьми. – Мисси вручила Кристи-Линн бокал и устроилась на стуле. – Почему мальчики так любят спать в палатках?

Кристи-Линн улыбнулась.

– На этот вопрос я ответить не смогу, но, наверное, приятно побыть одной.

Мисси задумалась, потом пожала плечами:

– Наверное, но на самом деле я скучаю по маленьким чудовищам. Когда их нет, дома слишком тихо, и я не знаю, куда себя деть. Знаю, звучит безумно, но мне нравится носиться как угорелая. Ради детей я готова бросить все, видимо, это приходит с их рождением.

– Не всегда, – сказала Кристи-Линн чуть мрачнее, чем собиралась.

Выражение лица Мисси смягчилось.

– Ты имеешь в виду свою мать?

Кристи-Линн отмахнулась.

– Забудь. Я не хотела сентиментальности. Просто в последнее время плохо сплю.

Мисси подозрительно прищурилась.

– Подозреваю, не из-за запойного просмотра последнего сезона «Игры престолов».

Кристи-Линн хотела сменить тему, но поняла, что ничего не выйдет.

– Кое-что... выяснилось.

– Что именно?

– Маленькая девочка, – поспешно выпалила Кристи-Линн, словно срывая пластырь. – У Стивена и Хани есть маленькая дочь.

Мисси замерла, потрясенно переваривая новость.

– Ну... – наконец сказала она. – Он и *правда* был ублюдком, да? Как ты узнала?

– Я ее видела – у Ретты. Меня как громом поразило. На меня будто смотрели Стивен и Хани одновременно.

– Господи, – выдохнула Мисси и потянулась к руке Кристи-Линн. – И ты переживала все это в одиночку. Почему? Ты ведь знаешь, что я всегда рядом? И ты можешь рассказать мне что угодно?

Кристи-Линн кивнула. Она *знала*. Но все три недели, которые она знала о существовании Айрис, она не могла заставить себя о ней рассказать. Разумеется, кроме Уэйда, который застал ее врасплох в момент слабости.

– Думаю, я осознала, – наконец сказала Кристи-Линн. – Непросто узнать, что у твоего мужа ребенок от другой женщины, которого он умудрился скрывать от тебя три года. И, если бы машина не упала с моста, я бы не знала *до сих пор*.

Мисси так тяжело выдохнула, что задрожала челка.

– Слушай, милая, я знаю, ты расстроена, но ты имеешь на это полное право, тут совершенно нечего стесняться.

Кристи-Линн уныло пожала плечами. Она хотела верить словам подруги. Но хотеть и верить – разные вещи. Стивен не был святым. Кристи-Линн это понимала, но со временем научилась закрывать глаза на дурные черты его характера. Ее вполне устраивал статус-кво, она скрывалась за ложным чувством безопасности и в блаженном неведении не замечала измены – и рождения маленькой девочки, чье детство причудливым образом напоминало ее собственное.

Мисси смотрела на Кристи-Линн, дожидаясь конца истории, ведь она прекрасно чуяла, что есть продолжение. словно ищейка. И все вырвалось наружу – мучительный миг, когда Кристи-Линн впервые увидела Айрис, чек, который Ретта не принимала из чувства гордости, и ужасные слова Рэя Роулингса, назвавшего племянницу мерзостью.

Когда Кристи-Линн закончила, Мисси все еще качала головой:

– Господи. Маленькая девочка без родителей и бедная женщина, которая вынуждена в таком возрасте растить ребенка. Честно говоря, я даже не знаю, кого мне жалче.

– Ужасно. Их дом выглядит так, словно рухнет от любого ветерка. Ни двора, ни телефона, ни соседей. Но самое худшее – брат Хани

отказывается забирать Айрис, если что-то случится с Реттой. Девочка может оказаться в приемной семье.

Мисси задумчиво расправила льняные брюки.

– Милая, я знаю, это ужасно, но это не твои проблемы. Виноваты ее родители, и разбираться должна ее семья.

Кристи-Линн опустила взгляд, скатав салфетку в комок.

– Он называет ее мерзостью, Мисси. Рожденной во грехе мерзостью. Ее родной дядя. – Кристи-Линн нервно сглотнула, задетая несправедливостью. – Айрис ни в чем не виновата, но отвечать придется именно ей.

Мисси глубоко вздохнула.

– Ты глубоко увязла в этой истории, верно?

Кристи-Линн кивнула, хотя в глубине души понимала: ее сердце болит не только из-за Айрис. По какой-то ужасной, безумной причине судьба свела ее с маленькой девочкой, ставшей неприятным напоминанием о детстве, которое Кристи-Линн пыталась забыть много лет. И теперь пути назад не было.

– Да, – наконец признала она. – Так и есть. Я сумасшедшая?

– Да, – без колебаний ответила Мисси. – Не знаю ни одной женщины, которой не было бы глубоко плевать на рожденного любовницей ребенка ее мужа. Но тебе не все равно. Что собираешься делать?

– Не знаю. Это капля в море, но я уговорила Ретту обналичить чек. Она звонила пару дней назад – сообщила, что у нее наконец есть телефон, и снова поблагодарила. Я никак не растолкую ей, что эти деньги во всех смыслах *принадлежат* Айрис.

– Дорогая, не хочу тебя расстраивать, но многие люди видят ситуацию иначе.

Кристи-Линн молча сделала глоток газировки, раздумывая, стоит ли продолжать. Если Мисси уже считает ее ненормальной, что она подумает, услышав остальное?

– Я подумываю сделать трастовый фонд, – выпалила Кристи-Линн. – Для Айрис.

Мисси изумленно вытаращила глаза.

– Серьезно?

– Ты же знаешь, меня изначально смущали эти деньги. Они просто лежат и копятся, месяц за месяцем. Почему не отдать их ей?

– Что? Все?

– Не знаю. Большую часть. У нее появятся средства на врачей, учителей – черт подери, на нормальную крышу над головой.

Мисси печально покачала головой:

– Сейчас – возможно. Но, как ты сама сказала, Ретта вряд ли надолго задержится в этом мире, а дяде девочка не нужна. Сейчас деньги могут пригодиться, но это временная мера. Звучит ужасно, но, возможно, приемная семья – лучший вариант для нее. За бедняжкой хотя бы присмотрят, и она окажется в счастливом доме.

«В счастливом доме».

Кристи-Линн отвела взгляд. Мисси рассуждает так спокойно, словно приемная семья может стать решением. Но она и не может знать реальности – и ужаса, – к которым может привести такое будущее. Людям, выросшим со щенками и качелями, никогда не понять систему приемных семей, которая, несмотря на благие намерения, быстро становится ужасом для всех, кто в нее попадает. А для ребенка вроде Айрис, с кошмарами и проблемами в развитии, все еще хуже.

– Я понимаю, всех проблем так не решить. Просто... делаю, что могу.

– Ты обсуждала идею с Реттой?

– Пока нет. Сперва нужно все узнать. А потом убедить ее мне это позволить. И даже не представляю, как отреагирует Уэйд.

– А при чем тут Уэйд?

– Он застал меня врасплох в день встречи с Айрис, и я все ему рассказала. Он знал Стивена. Подумала, может, он что подскажет.

– И как?

– Он сказал, у Стивена нет совести.

Мисси поморщилась.

– Тут с ним сложно поспорить.

– Он считает, что я лезу в чужое дело и причиняю себе лишнюю боль, что я должна отпустить ситуацию.

– А ты что считаешь?

– Согласна с каждым словом. Я *должна* отпустить ситуацию. Но не уверена, что могу.

– Тогда за дело.

Кристи-Линн удивленно моргнула.

– Ты не считаешь это плохой идеей?

Мисси сочувственно улыбнулась.

– Это твое дело, милая. Не мне рассказывать тебе, как поступать. Я просто желаю тебе самого лучшего. Кстати... Ты говорила о проблемах со сном. Ты что-то предпринимаешь?

– Это все ерунда.

– Нет. Сон – лучший друг девушки. И нет причин от него отказываться. В прошлом году доктор выписал мне рецепт на таблетки, и они чудесно сработали. Если интересно, у меня еще остались. Знаю, ты не любитель химии, но, возможно, они помогут прийти в себя.

– Нет, но спасибо за предложение. Уверена, все наладится, когда я приму решение насчет Айрис и трастового счета.

– Знаешь, возможно, тебе стоит поговорить с Дар. У нее есть всякие масла и чай – все натуральное. Может, она порекомендует что-нибудь, и получится обойтись без таблеток. – Мисси взяла бокал, допила «мимозу» и встала. – Пойду налью нам еще. И принесу твой подарок.

Кристи-Линн больше не хотела пить «мимозу», как и открывать подарок, но отказать Мисси она не решилась. Поэтому тихо сидела и смотрела на воду. Кристи-Линн кинула смятую салфетку на тарелку, когда что-то привлекло ее внимание. Она повернулась и обнаружила – за ней наблюдает пара сонных желтых глаз.

– Так-так. Кое-кто вернулся. Не можешь без меня жить, да?

Если кот и имел что-то против сарказма, то не подал вида и направился к Кристи-Линн, подняв хвост. Он собирался совершить второй оборот вокруг ее лодыжек, когда вновь появилась Мисси.

– Не знала, что у тебя есть кот.

– У меня и нет. Он просто зашел прошлой ночью, жутко голодный и насквозь промокший.

– Ты его покормила?

– Дала молока и банку тунца.

– Значит, у тебя есть кот.

– Ну нет, – твердо возразила Кристи-Линн. – У меня даже золотой рыбки никогда не было. Но ты можешь его забрать. Мальчики же выпрашивают у тебя питомца.

– Да. Собаку. А поскольку мне вряд ли удастся выдать рыжего кота за золотистого ретривера, боюсь, он твой.

Кристи-Линн мрачно глянула на кота.

– Мистер, даже не привыкайте. Я вас не оставлю.

Мисси хихикнула и протянула Кристи-Линн подарочный пакет с серебряной лентой.

– Кажется, он планирует оставить *тебя*. Так оно обычно и бывает. Не ты их подбираешь, а они тебя. А теперь открывай подарок.

– Это ни к чему.

– Ерунда, давай скорее. Мне не терпится узнать, как тебе понравится.

Кристи-Линн нащупала на дне пакета маленькую коробочку. Открыла крышку и ахнула.

– Ой, Мисси...

На черном бархате лежал браслет с тремя серебряными шармами: маленьким домиком с крыльцом и каминной трубой, открытой книгой и чашкой с надписью «латте».

– Мисси, тебе не стоило, но я в восторге. Шармы идеальны.

– Они символизируют части твоей новой жизни. Домик, магазин и кафе. Остальное добавляй сама.

В этом явно читалось невысказанное послание. «*Настало время жить дальше*». Похоже, в последнее время Кристи-Линн пытались сказать об этом все. И она правда старалась. И уже оказалась невероятно далеко от своей жизни в Клир Харбор. Но призрак старого «я» еще преследовал ее, привязывал к прошлому, туманил будущее.

Кристи-Линн по очереди потрогала шармы – тщательно подобранные символы жизни, которую она начала себе создавать.

– Иногда мне кажется, что все это нереально, Мисси, и я просто делаю вид. Расслабиться и жить дальше не получается. Нужно еще столько разобрать – частички меня, которые никак не складываются вместе.

– Я знаю, детка, но все придет.

– Когда?

– Когда ты будешь готова.

– А если я никогда не буду готова?

Мисси поставила бокал на стол и резко посерьезнела.

– Я не верю в «никогда» и тебе не советую.

Кристи-Линн нахмурилась.

– Как можно не верить в «никогда»? Это всего лишь слово.

– Нет, – твердо сказала Мисси. – Нет. Это запертые нами же двери. Это места, куда мы не позволяем себе пойти, то, чем мы не позволяем себе обладать или стать, потому что считаем себя недостаточно хорошими или сильными. Я знаю, я сама была такой. А потом стала матерью-одиночкой и поняла: у меня нет времени на «никогда». – Она робко улыбнулась. – Я лишь пытаюсь сказать: не живи меньшей жизнью, чем ты заслуживаешь.

Кристи-Линн кивнула – подходящая реакция на хороший совет от друга. А совет был хороший. Для большинства людей. Но большинство людей знало, чего хочет – и чего заслуживает.

Тридцать два

Кристи-Линн пересекла улицу, заметив вывеску магазина «Мун Мейден». После трех ночных пробуждений в холодном поту она решила последовать совету Мисси и поговорить с Дар.

Когда Кристи-Линн зашла в слабо освещенный магазин, раздался звон колокольчиков. Внутри было прохладно и тихо и пахло сандалом. Из подсобки вышла Дар, светловолосая и похожая на нимфу в струящейся юбке из гиацинтового шелка и тонкой белой блузке. Она положила на прилавок охапку пакетиков с благовониями и сменила направление, когда увидела Кристи-Линн.

– Привет! Чем могу помочь?

– Мисси посоветовала зайти к тебе и попросить средство от бессонницы.

– А-а. – Дар сразу сосредоточилась. – Тогда расскажи о проблеме чуть подробнее. У тебя не получается заснуть? Или ты просыпаешься?

– Чаще всего последнее.

– Ты принимаешь лекарства?

– Нет. Никаких.

– Кофеин?

– Ну, возможно, я потребляю чуть больше, чем следует, ведь у меня кофе, но в последние недели я сократила дозы и не замечаю никакой разницы.

– А стресс? Что-нибудь новое?

Кристи-Линн перевела взгляд на ближайшую полку. В глаза бросилось название особенно толстой книги. «Язык сновидений». Кристи-Линн никогда не увлекалась всем этим символизмом, эннеграммами, прошлыми жизнями и знаками зодиака, но толкование снов ее вдруг заинтересовало.

– Кристи-Линн?

– Прости, что?

– Я спросила, есть ли у тебя стресс.

– Ой, ты же знаешь. – Кристи-Линн снова посмотрела на сонник. – Всегда что-нибудь найдется.

– Тебя интересуют сны?

– А, нет. Я просто...

– Толкование снов – мое хобби. Меня очень увлекает тема внутреннего мира, посланий из глубин подсознания.

– Думаешь, сны – послания из глубин подсознания?

– Конечно. Что же еще? Душа, дух – как ни назови – по-своему за нами приглядывает, даже если мы не обращаем внимания. Она приходит, когда наш разум тих, и у нас нет иного выбора, кроме как прислушаться.

– Да, доля смысла тут есть. Пока спишь, убежать не получится.

– Именно, – мягко сказала Дар. – Во всяком случае, далеко. Так, может, расскажешь, что происходит на самом деле? Тебе снятся сны? Ты просыпаешься из-за них?

Спокойный и проницательный взгляд Дар вдруг стал встревоженным.

– Ты что, прочитала мои мысли?

– Здесь темных искусств не нужно, – заверила Дар. – Ты не сводишь взгляда с *«Языка сновидений»* и, прости за выражение, словно призрака увидела – или таскаешь парочку за собой. Пожалуйста, не обижайся. Просто у меня был похожий опыт, и я знаю, это совсем не весело.

«Таскаешь за собой призраков».

Кристи-Линн не могла придумать более точного описания своих снов.

– У меня кошмары, – тихо сказала она. – Почти один и тот же сон уже несколько месяцев. Я устала.

– Ну, тут дело другое. – Дар поманила пальцем. – Пошли. Я хотела предложить валериану, но, думаю, беседа поможет лучше чая.

Она отвела Кристи-Линн в маленькую читальную зону в дальней части магазина, где пускала тонкую струйку голубоватого дыма ароматическая палочка на подставке в форме листа. Дар улыбнулась, села и похлопала по дивану.

– Давай немного поговорим. Иногда этого достаточно. Обдумать случившееся на трезвую голову, проговорить вслух – возможно, тогда получится разгадать истоки сна и его послание.

– Значит, мы вернулись к посланию, – напряженно подытожила Кристи-Линн.

– От него никуда не деться. Душа общается с нами через сны. Единственный способ от них избавиться – разобраться, что они пытаются сообщить. Если ты готова рассказать, я могла бы помочь.

Кристи-Линн глубоко вдохнула и медленно начала рассказ:

– Я под водой. На дне залива. Там машина Стивена. Он внутри. Как и женщина, которая была с ним в ночь гибели. Сначала их просто двое в машине, они мертвы. Но потом женщина открывает глаза и начинает говорить, но я ее не слышу. Просто знаю: она пытается мне что-то сказать.

– Как думаешь, что именно? – мягко спросила Дар.

– Не знаю. Может, просит прощения за кражу мужа. Только мне кажется, что нет. Мне кажется, там другое. Но не знаю что.

– Это все?

– Сначала было так, но несколько недель назад я узнала, что у Стивена и Хани есть ребенок – маленькая девочка, Айрис, – и теперь она тоже появляется во сне. Она в машине, бьется в стекло и зовет Нанни, свою прабабушку, но прабабушки там нет. Есть только я, но вместо помощи я уплываю.

Глаза Дар наполнились сочувствием.

– Бедняжка. После всего еще и ребенок. Неудивительно, что ты измотана. Ты явно жалеешь маленькую девочку, но мне интересно...

Кристи-Линн медленно подняла голову.

– Интересно что?

– Не происходит ли нечто еще, нечто чуть более глубокое. Из-за чего ты хочешь принять на себя такую ответственность. – Дар умолкла и расправила юбку. – Во снах вода обычно олицетворяет бессознательное, поэтому, когда я слышу про сны о воде, в голову сразу приходит вытеснение. Может, тебе пора обратить внимание на что-то, от чего ты пыталась скрыться?

Кристи-Линн хотелось уйти от ответа, но это бы не помогло разобраться со снами.

– Может, – наконец ответила она. – Но почему сейчас? Спустя столько лет?

Дар сложила руки на коленях и мягко улыбнулась. Так матери улыбаются детям, когда те задают вопросы, на которые невозможно ответить.

– Этого я знать не могу. Но могу сказать: у нас в сознании есть место, где мы прячем все нежелательные воспоминания, словно заплесневелый подвал, забитый вещами, которые никто не должен видеть – в том числе и мы сами. Мы думаем, оно закрыто, мы в безопасности. Но однажды, по неподвластным нам причинам, кто-то распахивает двери, и весь хлам вываливается наружу.

Кристи-Линн расстроено вздохнула.

– Весь хлам про Айрис и Стивена.

Дар подумала над ее ответом.

– Возможно. Но самый очевидный ответ дать легко. И он даже успокаивает. Я знаю, тебе непросто далась история с мужем, и наверняка кажется, что дело только в ней, но, вероятно, есть нечто еще. Ты сказала, ты уплываешь во сне. Может, ты чего-то боишься, чего-то из прошлого. Или того, что может случиться в будущем. Нет вариантов?

Разумеется, варианты были.

Кристи-Линн кивнула.

– Мне просто хотелось списать все на историю со Стивеном.

– Есть другие неприятные воспоминания?

– Да.

– Думаю, с этого и стоит начать. Внутреннее «я» подсказывает тебе: время пришло.

Кристи-Линн напряглась.

– Время для чего?

– Время принять собственные воспоминания. Тебе никогда от них не уплыть. Так, может, лучше расслабиться и позволить им тебя догнать? Можно даже попробовать немного помедитировать перед сном. Попросить сны явиться. Спросить, что они пытаются тебе показать. Не забывай, это просто воспоминания. Они не способны навредить тебе без твоего разрешения.

Звон колокольчиков оповестил о новом покупателе. Кристи-Линн с облегчением вскочила на ноги, желая поскорее закончить непростой разговор.

Когда она шла к выходу, Дар сунула ей в руки упаковку чая.

– Все равно попробуй валериану. Может помочь.

– Спасибо. За чай и за уделенное время. Сколько я должна?

– Не говори ерунды. Это дружеский подарок. И я надеюсь, наш разговор поможет.

На обратной дороге в книжный в голове у Кристи-Линн звучали слова Дар. *«Расслабиться и позволить воспоминаниям тебя догнать... Они не способны навредить тебе без твоего разрешения»*. Хороший совет, мудрый и благонамеренный. Но Кристи-Линн сомневалась, сможет ли выполнить просьбу Дар. По ее личному опыту, воспоминания вредили, и очень сильно.

Тридцать три

*Свитвотер, Вирджиния.
29 июня 2017 г.*

Кристи-Линн уставилась на страницу заметок, сделанных синей ручкой во время разговора с Питером Хаганом. «*Прижизненный траст, попечители, правопреемники, плановые выплаты*». Голова по-прежнему шла кругом от юридических терминов, но хотя бы появилось примерное понимание процесса.

Питер по-прежнему воспринимал идею в штыки и, как прежде, советовал втайне провести тестирование на отцовство, даже намекал, что неплохо было бы нанять частного детектива и проверить *этих людей*, прежде чем совершать поступок, который может оказаться огромной ошибкой. Питер опасался, что однажды Кристи-Линн сильно пожалеет о столь опрометчивом шаге. Когда-нибудь ей самой могут потребоваться деньги. Кристи-Линн чуть не рассмеялась. Никому не требуется столько денег.

Кроме того, по его опасениям, она, как женщина, могла неверно оценить ситуацию из-за участия ребенка. Кристи-Линн холодно и твердо заверила, что оценивает ситуацию абсолютно правильно и, раз Стивен не удосужился позаботиться о будущем собственной дочери, сделает это любым способом. Питер закончил разговор обещанием начать подготовку бумаг и выйти на связь через несколько дней.

Казалось, все просто. Когда будет закончена бумажная работа и будут проставлены подписи, процесс запустится автоматически. Оставалась единственная проблема – что произойдет, когда не станет Ретты. Кто будет следить за расходами и доходами? Хотела ли Кристи-Линн взять эту роль на себя и оказаться связанной с дочерью Стивена и Хани на ближайшие пятнадцать лет? Она не знала. Но знала одно: в захолустье Риддлсвиля, в Западной Вирджинии, жила маленькая девочка, чья жизнь находилась на грани катастрофы.

В кабинет заглянула Эйлин, избавив Кристи-Линн от мрачных фантазий о будущем Айрис.

– Босс, к вам клиент.

Кристи-Линн обнаружила в кафе Уэйда с сумкой для ноутбука через плечо. Более загорелого, чем в последнюю встречу, чисто выбритого и со свежей стрижкой.

Когда Кристи-Линн подошла, Уэйд улыбнулся.

– Привет, незнакомка. Давно не виделись.

– Меня найти не сложно. Я здесь практически живу. Это ты перестал заходить.

– Работал над романом, не поднимая головы. Я настроен решительно, ему меня не сломить.

– Как я всегда советую своим писателям – не отрывайся от стула. Так зачем ты пришел?

– Хотел тебя проведать.

– Меня?

– В наш последний разговор ты была расстроена. Я хотел узнать, как ты... Справляешься?

– А-а. Ну... – Она отвела взгляд, изображая повышенный интерес к действиям Тамары за кассой. Кристи-Линн сама не понимала, почему вдруг запинается и бормочет. Ведь Уэйд знал большую часть истории про Хани и Стивена. Кристи-Линн даже удивлялась тому, сколь многое хочет ему рассказать. Так почему она боялась поделиться новой идеей? Возможно, потому что опасалась его реакции. – Я, хм... кое-что задумала.

– Что?

– Есть планы на ужин?

Приглашение явно застало Уэйда врасплох, хотя и не в плохом смысле. Он улыбнулся эффектной, проказливо-мальчишеской улыбкой.

– Есть предложения?

– Я надеялась с тобой кое-что обсудить. Мне нужен совет.

– Совет от меня?

– Да.

Уэйд почесал затылок и глянул на часы.

– Конечно. Хорошо. Встретимся после работы?

– Может, у меня? Можно снова заказать еду в «Лотосе», или я приготовлю. Я должна тебе ужин. Думаю, даже несколько.

– Я бы попробовал твою стряпню. В семь подойдет?

– Хорошо.

– Мне что-нибудь принести?

– Открытый разум.

Уэйд приподнял бровь, но улыбка вернулась.

– Посмотрю, что можно сделать.

Уэйд почувствовал легкое смущение, стучась в дверь Кристи-Линн с букетом маргариток в руке, словно подросток на первом свидании. Он неловко выпрямился, когда открылась дверь.

– Мама научила меня никогда не приходить на ужин с пустыми руками. А раз ты не пьешь вино...

– Спасибо. Очень красивые.

Кристи-Линн изменилась с последней встречи. Она была в легкой юбке с цветами и майке, открывающей смуглые руки и плечи. С заправленным за пояс полотенцем и босиком, с серебряным браслетом на лодыжке, она напомнила ему цыганку, красивую и немного дикую. Он прочистил горло, пытаясь прогнать эти мысли. Не хватало еще влюбиться в жену Стивена Ладлоу.

– Заходи. Ужин на плите.

Уэйд зашел в гостиную и мягко присвистнул, удивленный переменами с последнего визита.

– Выглядит здорово. Ты правда отлично потрудилась.

– Спасибо, – отозвалась Кристи-Линн, направляясь на кухню. – Мне нужно закончить соус. Поставишь цветы? Под раковиной должна быть ваза.

Закончив с маргаритками, Уэйд подошел к плите и глянул из-за плеча Кристи-Линн.

– Пахнет потрясающе. Это «Альфредо»?

– Надеюсь, получится. Еще салат.

Вскоре паста была готова. Они сели друг напротив друга, поставив посреди стола вазу с маргаритками. Доедая салат, Уэйд почувствовал острый приступ дежавю. В прошлый раз они тоже ужинали здесь в неловком молчании, только едой из ресторана, и он сам напросился в гости.

Сегодня его пригласила Кристи-Линн. Кто бы мог подумать – чтобы посоветоваться. По затылку пробежали мурашки от любопытства. Старый инстинкт журналиста, решил Уэйд, словно

покалывание в фантомных конечностях – необходимость выяснить ее историю. Хотя на самом деле он не просто хотел выяснить *историю* Кристи-Линн. Он хотел ближе узнать *ее саму*. Узнать, что происходит за печальными ореховыми глазами, когда она думает, что никто не смотрит.

Предательство Стивена стало для нее шоком, но Уэйд не удивился. Стивен всегда оставлял после себя одни разрушения. А сейчас происходило что-то еще, она что-то скрывала. Уэйд провел полжизни, пробираясь сквозь руины разрушенных трагедией жизней, расспрашивая жертв о потерях, о страданиях, а Кристи-Линн была типичной жертвой – упрямой, недоверчивой и ужасно хрупкой за холодным и порой колючим фасадом.

Вдалеке послышался раскат грома, низкий рев, прокатившийся по холмам. Уэйд бросил взгляд на раздвижные стеклянные двери. На востоке собрались темно-синие тучи, и поднялся сильный ветер, качающий и серебрящий верхушки деревьев. Будет гроза.

Кристи-Линн словно ничего не замечала, сосредоточенно накручивая на вилку пасту. Как обычно, она почти ничего не ела.

– Очень вкусно, – похвалил Уэйд, пытаясь зажечь искру беседы. – Семейный рецепт?

– Нет. В Клир Харбор был ресторан, «Зиа Розас». Там подавали лучшую пасту «Альфредо», что я пробовала. Роза дала мне рецепт.

– Дала?

– Люди всегда делали подобные вещи для Стивена. Его все любили.

– Ты хочешь сказать, они любили обслуживать знаменитость. Вероятно, подписанные фотографии Стивена Ладлоу висят на стенах ресторанов по всему восточному побережью.

– И в Лос-Анджелесе, – сухо добавила Кристи-Линн. – Не забудь про Лос-Анджелес.

– Тебе это не мешало? В смысле его слава.

Кристи-Линн сделала вид, будто снова увлеклась пастой.

– Мне было все равно, пока это не касалось меня напрямую. Стивен любил внимание. Никогда не уставал от известности. Я же предпочитала прятаться за ноутбуком. Поэтому большую часть времени Стивен путешествовал один – ну, я так думала. Как выяснилось, я ошибалась.

Уэйд опустил вилку и вытер рот.

– Мне жаль. Знаю, звучит избито, но это правда.

– Всем жаль. – Кристи-Линн отвела взгляд, потянувшись за бокалом и сделала глоток воды. – И я их не виню. Тут и правда больше нечего сказать. Но я устала от жалости окружающих. И, честно говоря, устала от жалости к себе. Ты был прав. Пора двигаться дальше, принять перемены, а не страдать из-за случившегося.

Замечание удивило, но и обрадовало.

– Думаю, ты права. Даже уверен. Ты проделала потрясающую работу в магазине. Об этом говорит весь город. И я правда думаю...

Уэйд не договорил, отвлеченный бело-рыжим котом, который зашел на кухню и направился к его ногам.

– А это кто? – спросил Уэйд, наклоняясь, чтобы погладить животное.

– Его зовут Толстой, потому что однажды ночью, когда я читала, он свернулся на томе «Анны Карениной».

– Русский кот. И литературный. Мне нравится.

– Заявился как-то вечером, во время грозы. И с тех пор не уходит. Ты ему явно понравился.

– Да, такая у меня особенность. Меня любят животные. И дети. – Он криво ухмыльнулся. – Проблемы только со взрослыми, как ты, несомненно, заметила.

– Имеешь в виду тот ужин выпускников?

Уэйд закатил глаза.

– Ага, первое впечатление. Симона знала, что я не слишком рад видеть Стивена. И подумала, что немного виски поможет мне расслабиться. – Он провел рукой по волосам и покачал головой. – Боже, не тут-то было.

– Так ты расскажешь, что произошло между тобой и Стивеном?

– Неважно, правда. Это было давно. Кроме того, ты вроде хотела со мной посоветоваться.

Кристи-Линн резко встала, отнесла тарелку в раковину и занялась приготовлением кофе. Нажав кнопку запуска, Кристи-Линн наконец повернулась к Уэиду:

– Я подумываю открыть для Айрис траст.

Уэйд уставился на нее, осознавая услышанное. Она сообщила это так спокойно, безо всяких преамбул, словно отдавать горы денег

ребенку, рожденному любовницей мужа, – самый обычный в мире поступок.

– Какой именно траст?

– Чтобы на него автоматически поступали роялти Стивена. С него будут ежемесячно отчисляться деньги на жизнь, на школу, на все ее нужды. А позднее, если она захочет, на колледж.

Какое-то время Уэйд молчал, задумавшись о возможных подводных камнях. Список оказался довольно длинный. Наконец Уэйд встал и отнес тарелку к раковине. Кристи-Линн избегала его взгляда, занимаясь кружками, сливками и сахаром.

– Ты хорошо все продумала, Кристи-Линн? *Действительно* хорошо?

– Сегодня, когда ты зашел в магазин, я только закончила разговор с юристом Стивена.

– Значит, да.

– Так будет правильно, Уэйд. Мне не нужны деньги Стивена. Или любые напоминания о нем.

– А его дочь – не напоминание?

– Напоминание, – ответила она, разливая кофе. – Каждый раз, когда я на нее смотрю, я вижу Стивена. И Хани. И мне больно. Но кто-то должен взять ответственность за ребенка.

– И ты считаешь, что это *ты*?

– Уэйд, ты просто не видел, где она живет и как. Ей три года. Ей нужно много вещей. Кто их ей даст? Ретта? Ее ублюдок-дядя? Если я могу сделать так, что она вырастет с нормальной крышей над головой, с образованием и возможностями, *почему* бы этого не сделать?

– Похоже, ты приняла решение. Зачем спрашивать у меня?

– Даже не знаю. Наверное, потому что я рассказала тебе все остальное. И потому что я знала, что ты скажешь, но все равно хотела это услышать. Можешь не верить, но я ценю твои советы, хоть и не всегда принимаю. Я не хочу натворить глупостей, но хочу поступить правильно.

Она положила в одну из кружек ложку сахара и протянула ему, потом приготовила напиток себе и побрела в гостиную, предоставив Уэйду отправиться следом. Послышался новый раскат грома – долгий, низкий рокот завибрировал сквозь стены и пол, а затем в окнах

послышался стук капель дождя. Кристи-Линн отодвинула занавеску, быстро выглянула в окно и устроилась на диване.

– Ну, давай, – сказала Кристи-Линн. – Выскажи свое мнение.

Уэйд опустил рядом с ней и задумчиво сделал глоток кофе, пытаясь собраться с мыслями.

– Ты собираешься поступить очень благородно, – начал Уэйд, тщательно подбирая слова. – Но я бы убедился, что ты полностью понимаешь ситуацию. Сейчас ты можешь думать только о той маленькой девочке, и это вполне объяснимо, но что потом? Возможно, ты пожалеешь о своем поступке или даже рассердишься.

Она уставилась в кружку.

– Это просто деньги, – наконец сказала Кристи-Линн. – Деньги, которые мне даже не нужны.

Уэйд пристально посмотрел на нее, пытаясь понять, осознаёт ли она долгосрочные последствия своего предложения.

– Кристи-Линн, если ты откроешь траст, ты привяжешь себя к этой девочке – дочери Стивена от другой женщины – на ближайшие пятнадцать лет. Ты правда к этому готова?

Она резко подняла подбородок.

– Думаешь, я не задавалась этим вопросом? Я не знаю. Знаю только, что не готова стоять рядом и бездействовать.

– Что сказал юрист, когда ты рассказала ему о планах?

– А что может сказать юрист? Что я действую необдуманно. Иду на поводу у собственных эмоций. Он считает, мне стоит нанять детектива и проверить семью Хани – они могут оказаться мошенниками.

Уэйд задумчиво потер нижнюю губу.

– А что, не самая худшая идея. Ты говоришь про огромную сумму. Осторожность не повредит.

Кристи-Линн выдохнула.

– Что именно я должна расследовать? Ретта Роулингс – живущая в хибаре восьмидесятилетняя женщина, которая без остановки курит дешевые сигареты. Как думаешь, зачем ей деньги? На «Кадиллак»? На бассейн? И что тогда будет?

– А дядя?

Кристи-Линн даже не потрудилась скрыть отвращение.

– Преподобный Роулингс слишком благочестив, чтобы пачкать руки деньгами Стивена. Его гораздо больше волнует необходимость держаться на расстоянии от грехов сестры.

– Не будь так уверена, Кристи-Линн. Деньги многое меняют. Особенно людей. Слушай, я не пытаюсь рассказывать тебе, что делать. Это твое решение. Я лишь советую – не торопись, пока не улеглись эмоции. погоди немного, подумай, прежде чем спустить курок.

Кристи-Линн серьезно кивнула.

– Именно поэтому я тебя сегодня и пригласила. Но сейчас у меня уже голова идет кругом. Можно мы поговорим о чем-нибудь другом?

– Например?

– Не знаю. О твоей книге. Ты мне про нее толком не рассказывал.

– Что тебя интересует?

– Даже не знаю. Что угодно. Давно ты над ней работаешь?

– Около двадцати лет.

Кристи-Линн изумленно вытаращила глаза.

– Двадцать лет?

– Около того. Я начал ее еще в колледже, а потом... – он прервался и кашлянул, – скажем так, решил двинуться в другом направлении.

– Стивен сказал, ты заскучал и переключился на журналистику.

Уэйд почувствовал знакомую пульсацию на виске – в нем пробуждалась старая ярость.

– Серьезно?

– А это не правда?

– Нет.

– Тогда расскажи, что случилось на самом деле.

– Скажем так... Я избавился от иллюзий.

Кристи-Линн кивнула и взглянула в окно на дождь.

– Я слышу подобные слова от многих писателей, особенно после отказов. Поверь, тут нужна толстая кожа. Но ты снова в деле и, похоже, настроен решительно. Почему?

– Даже не знаю. Видимо, отошел с годами. Когда я начал чертову книгу, мне было девятнадцать. – Уэйд резко рассмеялся, напугав Толстого. – Тогда я был мечтателем. Собирался написать великий американский роман.

– И что же случилось?

– Как я сказал, смена направления. – Уэйд допил кофе и зажал кружку между колен. – В колледже слова текли рекой, но в журналистике используются совершенно иные навыки. Даже не ожидал, что вернуться к художественной литературе будет так тяжело.

– Но тебе удалось?

– Возможно. Но пока довольно слабо. Что-то не работает, и у меня не получается это преодолеть. Я застрял.

– Возможно, прозвучит немного снисходительно, но я с удовольствием взгляну на твою книгу и, возможно, смогу что-то предложить. Иногда достаточно свежего взгляда. Хотя, если учесть нашу историю, тебе это может показаться неуместным.

– Мне казалось, мы миновали тот этап, нет? Мы уже ели стряпню друг друга, а твой кот, похоже, на меня запал. – Уэйд с ухмылкой посмотрел вниз, где Толстой наворачивал круги вокруг его лодыжек. – Мы практически семья.

Кристи-Линн хмуро улыбнулась, собрала пустые кружки и отправилась на кухню.

– Иронично, не правда ли? Спустя столько лет я втянула в эту историю с Айрис именно тебя. Ты, наверное, считаешь, я сошла с ума. Возможно, так и есть. Ощущения именно такие.

– Ты не сошла с ума, – заверил Уэйд, собирая со стола оставшиеся приборы. – Ты человек. И куда более сильный, чем думаешь. Возможно, тебе стоит вспомнить об этом, когда в следующий раз будешь себя корить. А теперь, – он взял полотенце для посуды, – чья очередь вытирать?

Они трудились молча – Кристи-Линн протирала посуду губкой, а Уэйд полотенцем, – но ритм работы странным образом успокаивал, и своеобразный домашний танец доставлял удовольствие: случайное касание бедер, прикосновение влажных пальцев. Не чувственное взаимодействие, но в каком-то смысле интимное. Простые мгновения вместе, ободряющее присутствие другого человека. Уэйд понял, насколько уединенной была его жизнь в прошлом году. Безопасной, но пустой. А разве не за этим он вернулся в Свитвотер? Теперь он вдруг засомневался.

Когда они закончили, Кристи-Линн проводила его на крыльцо. Дождь стал сильнее – лило как из ведра. Добираться домой будет

непросто, но сначала нужно заставить себя спуститься с крыльца, ведь ноги Уэйда внезапно отказались двигаться.

– Ну... Спасибо за ужин, – смущенно сказал он.

– Спасибо, что пришел. И выслушал.

– Для этого и нужны друзья.

– Да, верно. – Она переступила с ноги на ногу, опустив взгляд на голые пальцы. – Дружба для меня пока в новинку.

Он всмотрелся в ее лицо, затерянное в сумрачном свете крыльца.

– Кажется, раньше я такого не слышал – что *дружба* в новинку.

– Наверное, для большинства это прозвучит странно, но я с раннего возраста научилась соблюдать дистанцию. Можно сказать, механизм выживания. Но я над собой работаю. Еще лет тридцать, и научусь.

Тут она улыбнулась искренней улыбкой, прогнавшей тени с лица, и Уэйду вдруг вспомнилось, как он ездил на хай-дайвинг в Мексику – головокружительный, захватывающий дух миг, когда он оттолкнулся от земли и упал в пустоту, не прекращая молиться.

– Я готов подождать, – тихо сказал Уэйд.

Ее улыбка замерцала и погасла.

– Не уверена, что стою ожидания. Если ты не заметил, я немного разбита. Слишком много багажа.

Он наклонился и поцеловал Кристи-Линн в лоб.

– Я рискну.

Тридцать четыре

Свитвотер, Вирджиния.

4 июля 2017 г.

Помимо Рождества, День независимости был любимым праздником Свитвотера, и в этом году Кристи-Линн оказалась в самой гуще событий. Сложно было не заразиться общим энтузиазмом, рассматривая толпу, собравшуюся на поле послушать ежегодное чтение Декларации независимости.

Кристи-Линн искала глазами Мисси и мальчиков, когда заметила неподалеку Уэйда с телефоном возле уха. Уэйд закончил разговор и с улыбкой подошел к ней.

– Рад встрече. – Он кивнул на майку цветов американского флага. – Вижу, ты оделась по случаю.

– Да. – Кристи-Линн улыбнулась, оглядев людей. – Мило, правда? Вспомнить основную суть, услышать чтение вслух. Кажется, даже детям нравится.

Уэйд кивнул, проследив за ее взглядом.

– Я и забыл, как здесь любят Четвертое июля. В детстве меня приводил сюда дедушка. Я делал вид, будто мне скучно и я слишком крутой для парадов, но мне нравилось. Думаю, он знал. Старик ничего не упускал.

Теперь они петляли по тротуару среди семей, подыскивающих тенистое местечко для наблюдения за парадом. Кристи-Линн улыбнулась, когда мимо прошли два близнеца в одинаковых желтых очках.

– У тебя большая семья?

– Нет. Только сестра, но мы были близки. Отец умер, когда мне было три. Я его толком не помню. У мамы повсюду его фотографии, поэтому я помню его лицо, ну или думаю, что помню.

– Прости.

Уэйд пожал плечами:

– Нельзя скучать по тому, чего у тебя никогда не было.

Кристи-Линн искоса глянула на него.

– Ты так не думаешь? – Он снова пожал плечами. – Возможно, дело в том, что у меня был дед. Когда мама вернулась на работу, он вроде как взял меня под опеку. А у тебя какая была семья?

– У меня ее не было, – резко ответила она. – Были только мама и я.

– Разве двое не могут быть семьей?

Она почувствовала его взгляд и поняла: Уэйд ждет объяснений. Но вместо этого показала на блестящую тележку уличного торговца лимонадом.

– Мне жарко. А тебе?

Не дожидаясь ответа, Кристи-Линн поспешила через улицу, пробираясь к тележке через толпу. Заказала две порции и протянула одну Уэйду.

– С Днем независимости.

Словно специально по улице двинулся школьный оркестр, открывая парад трелями мелодии «Звезды и полосы навсегда».

Стивен однажды водил Кристи-Линн на парад в честь Дня благодарения – вскоре после свадьбы. Тогда ее ослепила бесконечная череда зрелищ и звуков. Но теперь, наблюдая за доморощенной процессией Свитвотера с нелепыми платформами и украшенными блестками мажоретками, она испытала куда большее восхищение. И даже расстроилась, когда все закончилось, крича и хлопая в ладоши вместе с остальной толпой.

– Было так весело!

Уэйд взял у Кристи-Линн пустой стакан и выбросил в ближайшую урну.

– Чем планируешь заняться?

Кристи-Линн посмотрела на него, прикрыв глаза от солнца.

– Подумываю открыть в магазине книжный клуб. Хотела сделать листовку, чтобы подогреть интерес. А что?

– Думал предложить тебе взглянуть на мою рукопись, хочу принять твоё предложение. Можешь зайти попозже. Моя очередь готовить.

Приглашение застало Кристи-Линн врасплох. Предлагая посмотреть рукопись, она даже не подумала, что будет делать в случае положительного ответа. И не знала, каких ждать последствий, если книга окажется плохой. Кристи-Линн достаточно долго работала с

писателями, чтобы знать – даже если человек уверяет, будто хочет знать правду, это редко соответствует истине.

– Говорю сразу, я имею манеру рубить сплеча, – предупредила Кристи-Линн. – Уверен, что тебе это надо?

– Ели бы я нуждался в поглаживании по голове, то отправил бы рукопись маме. Мне нужно понять, не трачу ли я время зря. И обещаю: если окажется слишком ужасно, я не стану заставлять тебя читать. Ну а ты хотя бы поужинаешь.

– Хорошо. Приду часов в шесть. А пока поработаю над листовкой. Что-нибудь принести?

Он смущенно улыбнулся и спустился с тротуара, собираясь переходить улицу.

– Открытый разум.

Подъезжая к дому Уэйда, Кристи-Линн все еще волновалась. Стивен признавал, что Уэйд талантлив – вернее, был талантлив, когда они учились в колледже. Но с тех пор прошло уже двадцать лет. Уэйд сам признался, что ему непросто восстанавливать навыки. Вопрос, удалось ему это или нет, а если нет, хотела ли Кристи-Линн сообщать такие новости?

– Проходи. Я на веранде.

Слова Уэйда застали ее врасплох, просочившись сквозь дверь прежде, чем она успела поднять руку и постучать. Кристи-Линн оставила сумочку на кухонном столе и вышла на веранду, где Уэйд оттирал решетку для гриля, вооружившись металлической кистью и ведром мыльной воды. Он был босиком, в выцветшей футболке Виргинского университета и промокших до колен джинсах.

– Прости за бардак. Я решил хорошенько ее почистить, раз у меня гости.

– Помочь?

– Нет, если не хочешь испортить белые штаны. Но можешь принести нам что-нибудь попить. Мне пиво.

Через несколько минут Кристи-Линн вернулась с бутылкой воды и пивом. Уэйд бросил кисть в ведро и взял пиво мокрыми руками.

– Слушай, я тут размышлял по дороге домой и понял – наверное, тем вечером ты просто проявила вежливость. Не хочу быть писателем, навязывающим свою работу каждому встречному, так что если ты передумала – не проблема.

– Ты мне ничего не навязываешь. Я сама предложила.

– Я видел днем твое лицо. Ты словно оказалась на пути поезда.

– Просто удивилась, что тебе интересно мое мнение. Стивен давно перестал его спрашивать.

– Мне кажется, ему стоило ценить твое присутствие. Еще одна пара глаз, возможность обсудить идеи.

Кристи-Линн отвлеклась от срывания мокрой этикетки со своей бутылки.

– Стивена никогда особо не интересовала моя работа – или писатели, для которых я трудилась. Он считал, если ты неходишь в пятерку величайших, стоит заняться чем-нибудь другим. В его глазах я занималась пустяковой редактурой для пустяковых писателей.

Уэйд сделал глоток пива и посмотрел на Кристи-Линн с недоумением.

– Можешь кое-что объяснить? Я задаюсь этим вопросом последние четыре года. Как говнюк вроде Стивена умудрился заполучить такую, как ты?

Кристи-Линн удивил запал, с которым он произнес эту фразу, но еще сильнее удивили сами слова.

– Четыре года?

– Кажется, скоро уже пять. На том университетском ужине, когда ты встала на его защиту, я подумал лишь об одном: *он ее не заслуживает.*

Кристи-Линн почувствовала, как порозовели щеки, но ничего не сказала.

– Ты была счастлива? Я имею в виду – тогда.

Она на мгновение задумалась над вопросом – и над *необходимостью* об этом думать. *Разве ответ не должен быть очевиден?* Но, как и все остальное в ее жизни, правда скрывалась в полутени – возможно, по ее собственному выбору. Так было проще.

– Думаю, я была в оцепенении, – наконец сказала Кристи-Линн. – Не счастлива. Не несчастна. Конечно, по некоторым признакам можно было догадаться, что я не в Шангри-Ла. Все происходило постепенно,

понимаешь? Тайно. Только когда он погиб, я поняла, что жила в браке с едва знакомым человеком. Я держалась за него слишком крепко и не заметила, насколько мы оба изменились. Но недостаточно для расставания. Во всяком случае, я так думала.

Уэйд подошел и сел рядом с ней на стул.

– Ты его еще любила? Я уже спрашивал, но ты не ответила.

Кристи-Линн смотрела на озеро, наблюдая за игрой света на идеально ровной поверхности.

– Я сомневаюсь, что *вообще* любила его, – наконец сказала Кристи-Линн, возможно, впервые позволив себе это осознание. – Как тебе такое признание?

– Тогда зачем выходить замуж?

– Я им восхищалась, – пожав плечами, объяснила она, сомневаясь, что понимает *сама*. – И так делают все приличные девушки, разве нет? Вырастают и выходят замуж? Мне тогда важно было чужое мнение. И, возможно, поэтому я всегда отказывалась от своих желаний – чтобы соответствовать *его* желаниям. Но со временем блеск начал стираться. Я словно оказывалась за кулисами в конце представления и видела звезду без грима.

– Но ты осталась.

Кристи-Линн опустила взгляд на руки.

– Не из-за денег.

– Знаю, – тихо сказал Уэйд.

– И не из-за статуса.

– Тоже знаю.

– Просто... он был таким успешным, таким самоуверенным. А я во всем сомневалась. Это... привлекало. И делало его идеальным местом, чтобы спрятаться.

– От чего?

Она спокойно встретила его взгляд.

– От себя. И это сработало. В день, когда я вышла за Стивена, я перестала быть Кристи-Линн Паркер. И какое-то время меня все устраивало. Я пребывала в том самом блаженном неведении, даже не задаваясь вопросом, кем бы стала, если бы не вышла замуж.

– Ты сказала, что отказалась от своих желаний. Чего ты хотела?

Они немного помолчали, наблюдая за парой белых цапель у берега.

– Я думала написать книгу, – наконец нарушила тишину Кристи-Линн. – Не великий американский роман, но что-нибудь. Я делилась со Стивеном кое-какими идеями, но он все критиковал. Говорил, указывать другим на ошибки не значит уметь выполнять их работу.

Уэйд холодно посмотрел на нее.

– И все? Ты отказалась от мечты из-за его слов? Стивен получает желаемое, а твои мечты – к черту?

Кристи-Линн закрутила крышку и поставила бутылку воды на перила. Так и было. Ну почти. Кристи-Линн не знала, было ли писательство мечтой ее жизни или лишь мимолетной прихотью. Как говорил Стивен. Но еще больше ее заинтриговал гнев, вспыхнувший в глазах Уэйда.

– Что между вами произошло?

Он пожал плечами, катая в ладонях пустую бутылку из-под пива.

– Прошло уже много лет.

– Возможно, но тебя это все еще волнует. Каждый раз, когда речь заходит о Стивене, в тебе загорается скрытая ярость. Так в чем было дело?

– Мы были друзьями. Ну или я так думал. У Стивена тогда было немного друзей. Он имел свойство высасывать весь кислород в помещении. Но у него была и другая сторона, которая проявлялась, когда никого не было рядом, например, когда мы приехали сюда. Тогда он становился другим, сдержанным. Наверное, из-за отсутствия публики. Но потом мы вернулись в Шарлоттсвилль, и его словно подменили. Король кампуса внезапно вернулся.

Кристи-Линн кивнула. Она прекрасно понимала, о чем он говорил.

– Что еще?

– Он был ленивым.

– Серьезно? – Кристи-Линн никак не ожидала услышать критику работоспособности Стивена. – Ты считаешь, выпускать каждый год по книге – лентяйство?

– Я имел в виду, его писательство было ленивым. У Стивена был талант, но он никогда не развивался. Просто брался за банальные сюжеты, продающиеся за счет секса и насилия. В работах Стивена не было эмоций, не было его самого. Это самое сложное – излить свое

нутро на бумагу, погружаться в темы, которые тебя пугают, ломают, разбивают. Стивен не заморачивался.

Кристи-Линн задумалась над этими словами, уверенная, что Уэйд что-то недоговаривает, что-то более личное и болезненное.

– Хочешь сказать, ты двадцать лет злился на Стивена за нереализованный потенциал?

– Я закладываю фундамент, – пояснил Уэйд. – Не только я считал Стивена ленивым. Наши профессора тоже это видели. Они пытались повлиять на него, заставить работать. Отлынивать становилось все сложнее. В конце второго курса нам задали курсовую – рассказ, от которого во многом зависели годовые оценки. Стивен знал: его работа не слишком хороша. Он попросил помочь, и я подал несколько идей, но тогда ему пришлось бы переписывать историю. Поленившись, он предпочел залезть в мой стол и нашел рассказ, написанный годом ранее. Переписал его и выдал за собственный. Получил высший балл и прошел дальше. К сожалению, профессор предложил тот рассказ редактору «Меридиана», и его напечатали. Так я об этом и узнал – когда увидел свою историю под чужой фамилией.

Кристи-Линн замерла, переваривая услышанное.

– Он просто... украл?

– Он назвал это «*одолжил*». Сказал, ему лишь нужно было пройти, а я вроде как не собирался использовать тот рассказ, так в чем проблема?

– Я даже не могу... – Она осеклась, зарывшись пальцами в волосы. – Что случилось, когда ты рассказал об этом профессору?

– Ничего. Я не рассказал.

Кристи-Линн посмотрела на него с изумлением.

– Не понимаю. Он украл твой рассказ и получил публикацию, а ты позволил?

– Получилось бы мое слово против его слова, и я был уверен: он никогда не сознается в плагиате. Ублюдок даже не извинился. В общем, на этом дружба закончилась. Он не просто украл мою работу и выдал за свою. Он смог переступить через друга, хотя прекрасно знал: я готов помочь.

– Уэйд, прости меня.

– За что?

– За тот вечер выпускников. Я думала, дело в зависти, а у тебя была такая история.

– Ага, назвала меня злобным завистником.

– Прости.

Уэйд выдавил улыбку.

– Забудь. Ты не знала. Кроме того, ты была права. Ну, наполовину. Я был весьма зол. Но теперь вся история давно канула в Лету.

Кристи-Линн встала и перешла на противоположный конец веранды, изумленная сильнее, чем хотела признать. За кого она вышла замуж? За мужчину, который завел любовницу, который почти не виделся с дочерью и не собирался о ней заботиться, который украл историю у лучшего друга. Непостижимо. Хотя на самом деле – нет. И от этого только хуже.

Кристи-Линн не слышала, как Уэйд встал со стула, но внезапно он оказался рядом с ней и накрыл ее лежащую на перилах руку теплыми пальцами.

– Ты в порядке?

Кристи-Линн не сводила взгляда с ряби на серебряной поверхности озера.

– Честно говоря, не уверена. Я думала, будто знаю Стивена, но вскрываются все новые ужасные подробности. И возникает вопрос.

– Какой?

– Как можно прожить с человеком столько лет, но так и не узнать, кто он такой.

Тридцать пять

Кристи-Линн обрадовалась возможности сменить тему, когда Уэйд предложил приступить к ужину. Он пожарил лососевые стейки и свежие летние овощи на шампурах – Кристи-Линн помогала их готовить. Теперь, когда они сидели на веранде, ели клубничное мороженое и наблюдали, как солнце скрывается за деревьями, она наконец начала расслабляться.

– Добавки? – спросил Уэйд, подняв пустую миску.

– Господи, нет. В меня больше не влезет. Но, кажется, я могла бы просидеть у этого озера целую ночь. Здесь так спокойно, словно в храме без стен.

– Мой дедушка построил все это собственными руками. Ему здесь очень нравилось.

Кристи-Линн закрыла глаза и сделала глубокий вздох.

– Понимаю почему. Идеальное место, чтобы забыть обо всех невзгодах.

– Поэтому я и приехал.

Кристи-Линн открыла глаза.

– Сработало?

Уэйд пожал плечами:

– Пока неясно. Кстати. Чуть не забыл, зачем я тебя изначально позвал. Сейчас приду.

Вскоре он вернулся с толстой стопкой бумаги.

– Еще не закончено, – смущенно предупредил он. – У меня опустились руки примерно на триста двадцатой странице: понял, что-то не так. Я все распечатал, но, если нужно, могу прислать электронную копию. Кстати, я собираюсь тебе заплатить. Я не ищу халявы.

Кристи-Линн с некоторым ужасом глянула на распечатанный экземпляр. В глубине души она надеялась, что Уэйд забудет.

– Для первого прочтения я предпочитаю бумагу. И не глупи. Денег я не возьму. Как называется книга?

– «Конец привычных вещей».

Она мысленно повторила название – мрачное, но интригующее. Немного безысходное, но это не обязательно плохо.

– А завязка?

Уэйд снова уселся на стул, положил бумаги на колени и закинул ноги на перила.

– Главный герой – Роберт Ванс, успешный бизнесмен, у которого вроде бы все под контролем. Он следует своему плану с четырнадцати лет, и ничто ему не мешает. Но однажды его жизнь переворачивается с ног на голову. Он понимает: ради счастья придется рискнуть всем. Только я никак не могу его туда привести. И предвосхищая твой вопрос: нет, это не автобиография.

Кристи-Линн улыбнулась.

– Вообще?

– Когда я начал, мне было девятнадцать. Я думал, будто все знаю.

– А теперь?

– Теперь? – Уэйд отвел глаза и уставился на горизонт. – Кажется, теперь я не знаю вообще ничего. Почему все складывается определенным образом? Как работает мир? – Он пожал плечами и повернулся к ней с легкой улыбкой. – Классический случай: хороший парень приходит последним.

Пытаясь перевести разговор на менее болезненную тему, Кристи-Линн протянула руку:

– Давай рукопись. Я вникну, сделаю заметки, а потом поговорим.

Уэйд уже собирался передать ей стопку бумаг, но нахмурился и замер.

– Что это? – Он взял Кристи-Линн за запястье и показал на маленькое скопление полумесяцев. – Похоже на шрамы.

Кристи-Линн отдернула руку и спрятала ее между колен.

– Они и есть.

– Я их раньше не замечал. Откуда они?

Кристи-Линн пожала плечами:

– Не помню. Это было давно.

Уэйд промолчал, и она поднялась со стула. Нужно держаться подальше от этих пронизательных глаз журналиста. Но Уэйд последовал за ней к перилам – его силуэт появился в легких сумерках.

– Все в порядке? Ты вдруг вскочила, словно я тебя смутил. Кристи-Линн, я серьезно. Если не хочешь заниматься рукописью, я

пойму.

– Все в порядке. Я в порядке, – заверила она, но не смогла посмотреть на Уэйда. – И дело не в рукописи... Просто голова идет кругом.

– Ты решила, да? Открывать траст?

– Да. – Она ждала, когда он спросит. – Знаю, тебе идея не нравится. Но я чувствую: так правильно.

– Так дело движется?

– Я попросила юриста собрать документы. Когда он закончит, поеду разговаривать с Реттой.

Уэйд снова принял загадочный вид, но Кристи-Линн заметила, как за янтарными глазами вращаются шестеренки, оценивая все риски и вероятности.

– Ты уверена, что ей под силу распорядиться такими деньгами?

– Ей не придется ими распорядиться. Во всяком случае, не всеми сразу. Питер оформит меня в качестве доверительного собственника, а значит, счет останется под моим контролем, за исключением ежемесячных выплат для Ретты.

– Ты уверена?

– Нет. Но все равно сделаю. Я должна.

Он кивнул.

– Понимаю.

Но интонации Уэйда заставили Кристи-Линн усомниться в искренности его слов. Однажды он сказал ей, что предпочитает чистые разрывы – когда, уходя, сжигают все мосты. И она сожгла большинство. Уехала из Клир Харбор, продала дом, открыла магазин, пустила корни в Свитвотере. Но здесь все иначе. Как можно сжечь мост, на котором стоит ребенок?

Она все еще пыталась придумать ответ, когда Уэйд удивил ее, сменив тему.

– Хочешь посмотреть фейерверк? Если поспешим, успеем вовремя.

Кристи-Линн глянула на часы, но было уже слишком темно.

– Я думала, он в девять. Понадобится минимум двадцать минут, чтобы доехать до города и найти место для парковки.

– А зачем нам в город?

– Seriously? – Кристи-Линн запрокинула голову. – Его правда видно отсюда?

Уэйд снова удивил: взял ее за руку и повел по ступенькам вниз, с крыльца.

– Пошли.

– Куда мы идем?

– Туда. – Он показал на озеро.

– В темноте?

Уэйд забрался в каноэ и протянул Кристи-Линн руку.

– Так его видно лучше всего. Давай. Все получится.

Кристи-Линн сдержала вздох. Уэйд уже сидел, положив на колени весло.

– Хорошо, но, если я свалюсь в воду, твою рукопись ждет не самая добрая редакция.

Он тепло рассмеялся в темноте.

– Riskну. Просто наклонись, как я показывал, и держись руками за обе стороны.

Затаив дыхание, Кристи-Линн сделала шаг в лодку. Новичкам не слишком легко залезать в каноэ, а уж в темноте так вообще жутковато. Наконец Кристи-Линн опустилась на пустое сиденье и снова смогла выдохнуть.

– Надеюсь, оно того стоит.

– Я бы стал обманывать?

Кристи-Линн подумала над вопросом, хоть прекрасно понимала, что он риторический. Но странным образом она знала ответ.

– Нет, – тихо сказала она, пытаясь рассмотреть в темноте его лицо. – Не думаю.

Уэйд ничего не ответил – он оттолкнулся и начал грести легкими, плавными, почти беззвучными движениями. Кристи-Линн постепенно расслабилась. Она отпустила борта и подняла взгляд в темно-синее небо, пока они бесшумно скользили по поверхности.

– Ладно, – нехотя признала она, – тут неплохо.

– Мы с дедушкой каждый год смотрели здесь фейерверк и метеорный поток Персеиды. Здесь меньше внешнего света, и все кажется ярче.

– Похоже, у вас с дедушкой сохранилось много прекрасных воспоминаний.

Уэйд перестал грести, позволив каноэ дрейфовать.

– Да. Мы построили эту лодку вместе. У нас ушло три лета. Старик обращал внимание на каждую деталь, был настоящим перфекционистом. Зато тридцать лет спустя мы все еще смотрим с нее фейерверк.

И в ту же секунду над головой взорвались первые цветные сполохи, осветив ночное небо вспышкой красно-белого огня. В тишине раздался грохот, густой воздух завибрировал. У Кристи-Линн перехватило дыхание, а потом опять в темноте пронеслась ракета, рассыпавшись на розовые, белые и золотые искры, которые отражались в зеркальной поверхности озера, словно бриллианты.

Кристи-Линн хотела сказать Уэиду, что он прав и она никогда не видела такой красоты, но не успевала. Залпы продолжались один за другим, и каждый следующий оказывался ярче и больше предыдущего. Кристи-Линн едва заметила, когда его рука накрыла ее руку, она не сводила взгляда с неба, наслаждаясь гипнотическим пульсом цвета и звука, золотыми и серебряными искрами, что падали вокруг, словно звезды.

Наконец Кристи-Линн глянула на Уэйда, с удивлением обнаружив, что он смотрит не на небо, а на нее.

– Ты не смотришь фейерверк.

– Ничего. Я вижу его в твоих глазах.

Слова выбили ее из равновесия, теплые и терпкие – по представлениям Кристи-Линн, похожие на глоток виски. Их пальцы переплелись, пульс ускорился, а над головой продолжало взрываться небо. А потом Уэйд притянул Кристи-Линн к себе. Внутри все затрепетало. Он хотел поцеловать ее, и она решила позволить. Потому что внезапно безумно захотела этого сама.

Губы Уэйда мучительно медленно открылись навстречу губам Кристи-Линн – мягкое нападение на ее изголодавшиеся чувства. Она на мгновение замерла, когда он обхватил ее руками, пораженная резкой и неосознанной реакцией тела. Кристи-Линн почти позабыла эту часть – поспешное смешение вздохов, столкновение тел, слабость, жажда поддаться искушению. Как легко позволить этому – чем бы оно ни было – произойти, отбросить осторожность и покориться удивительной новой боли. Безрассудная мысль. И опасная.

Кристи-Линн резко подалась назад, покачнув каноэ.

– Мы не можем, – выпалила она. – Я не могу.

– Я думал...

Кристи-Линн вцепилась оцепеневшими пальцами в борта каноэ, благодарная за темноту.

– Я знаю, что ты думал. Я, видимо, тоже так думала. Но я не... не могу.

Да, она почувствовала. И в какой-то момент почти сдалась. Кристи-Линн посмотрела на опустевшее небо, где осталась лишь россыпь звезд. Фейерверк закончился, и тишина вызывала тревогу, словно внезапно стало негде спрятаться.

– Прости. Я... не подумала.

– Вообще-то, я тоже. Не хочу быть типом, который пользуется уязвимостью подруги.

Его слова задела Кристи-Линн.

– Ты считаешь, я уязвима?

Она почувствовала его изумление даже в темноте.

– А это не так?

Уязвимость. Кристи-Линн не нравилось это слово. Слабое слово. Беспомощное. А она не хотела ни в ком нуждаться. Но теперь появился Уэйд. Сильный, добрый, готовый подставить плечо в непростые времена. И как она не догадалась раньше? Поддалась внезапному порыву, имела глупость открыть дверь, в которую даже близко не готова войти. И к тому же чуть не разрушила дружбу.

– Честно говоря, я не знаю, – наконец ответила Кристи-Линн. – Я совершенно запуталась. Но ты не такой тип, Уэйд. Виновата я. Ты был другом. Хорошим другом, и на этом нам следует остановиться.

Уэйд ничего не ответил, взял весло и развернул лодку. Кристи-Линн тоже сидела тихо, разглядывая его треугольные плечи, пока он вел каноэ к берегу. Она его обидела. Или как минимум сбила с толку. Следовало вести себя осторожнее – ради них обоих. Но она предпочла игнорировать сигналы тревоги. Ведь Кристи-Линн обратилась за помощью именно к Уэйду, Уэйд утешал ее, когда она узнала про Айрис, и всегда ее поддерживал. Но дело в его связи со Стивеном, верно?

Когда они достигли берега, Уэйд поспешно вылез из каноэ и быстро подал руку. Он поднялся на крыльцо, перешагивая через две

ступеньки, и исчез за стеклянными дверями, не оборачиваясь. Кристи-Линн предпочла задержаться на улице, пытаясь прийти в себя.

Когда она наконец вернулась в домик, на кухне было пусто. Рукопись Уэйда лежала на столешнице рядом с мисками из-под мороженого. Кристи-Линн взяла ее и сумочку, безуспешно пытаясь подобрать слова.

Она обнаружила Уэйда в гостиной – он расставлял по местам диски. Когда Кристи-Линн вошла, он посмотрел на нее с мрачным, непроницаемым выражением.

– Почему?

– Что почему? – растерялась Кристи-Линн.

– Почему нам следует остановиться?

Она вздохнула, гадая, как ему объяснить.

– Мы должны. Я должна. Я только начинаю вставать на ноги, Уэйд. И не готова к сложностям. А они возникнут. Знаю, звучит жестоко, но за всю жизнь у меня были всего одни взрослые отношения, и кончились они плохо. Мне не нужна новая неудача.

– Я тоже не слишком твердо стою на ногах, Кристи-Линн, но между нами что-то есть, и сегодня мы оба это почувствовали. Возможно, дело просто в физическом притяжении, а может, нет. Но наши пути сходятся вновь и вновь. Может, не просто так?

Кристи-Линн прижала рукопись к груди, словно пытаясь отгородиться от его слов.

– Ты прав. Связь есть, и она реальна – Стивен. Весь нанесенный им вред: измены, предательство, ложь. Это нас объединяет. Мой покойный муж. Но получается сеанс психотерапии, а не романтика. Мне нельзя их путать.

Уэйд сложил руки на груди и нахмурился.

– И что теперь?

Она бы прикоснулась к нему, если бы доверяла себе. Но вместо этого лишь улыбнулась – во всяком случае, попыталась.

– Останемся друзьями, как и прежде.

– Это вообще возможно? Остаться друзьями?

– Уэйд, мы просто поцеловались. Не обязательно все усложнять.

– Верно, – неуверенно кивнул он. – Не будем усложнять.

– Именно. Слушай, мне пора. – Она подняла рукопись. – Надо читать.

Он проводил ее до двери, неловко спрятав руки в карманы.

– Хочу уточнить: приглашая тебя в гости, я не планировал устраивать сцену соблазнения.

– Знаю. Думаю, нам лучше сделать вид, будто ничего не произошло.

Уэйд открыл дверь и посмотрел Кристи-Линн в глаза.

– Не уверен, что смогу.

Она ничего не ответила и вышла на крыльцо – слишком свежи были воспоминания о губах Уэйда. Она тоже сомневалась, что сможет.

Тридцать шесть

Свитвотер, Вирджиния.

12 июля 2017 г.

Кристи-Линн перевернула и снова резко ударила подушку. Заснуть не получалось уже почти час, хотя на этот раз причиной бессонницы оказались не кошмары. Мысли постоянно крутились вокруг предстоящей поездки в Риддлсвилль и способов убедить Ретту принять помощь. Если ее напугал чек на 10 тысяч долларов, она точно нажмет на тормоза, когда узнает, о какой сумме пойдет речь теперь.

Отчаявшись, Кристи-Линн села и зажгла лампу. Раз заснуть не получается, можно поработать. Кристи-Линн еще не закончила листовку для книжного клуба и не провела учет доходов.

Потянувшись за ноутбуком, она заметила стопку бумаг, полученную от Уэйда больше недели назад. Кристи-Линн еще даже не начала. Не из-за отсутствия времени, а потому что они напоминали о внезапном поцелуе. Да, она сама предложила не усложнять отношения, и пока держать дистанцию казалось мудрым решением. Это относилось и к рукописи.

Впрочем, он тоже не появлялся и, казалось, соблюдал достаточную дистанцию для них обоих. Но, может, это и к лучшему. Может, он прав. И снова стать друзьями не получится. Может, когда черта пройдена, остается либо все, либо ничего. А в таком случае ей остается лишь ничего.

Нельзя отрицать силу искушения – впрочем, как и шанс катастрофы. Риск возгорания слишком велик, как от удара молнии в пересохшем лесу. Как показал брак со Стивеном, Кристи-Линн не создана для любви и семейной жизни. Да, она принадлежала Стивену, официально и долгое время эмоционально. Но принадлежать кому-то и отдавать себя – две большие разницы. Первое формируется из нужды как взаимовыгодное соглашение сторон, а второе требует обнажения души, что Кристи-Линн никогда толком не удавалось.

Кристи-Линн снова посмотрела на рукопись, почувствовав укол совести, и взялась за ноутбук. Она все сделает – со временем. Но

сейчас нужна осторожность. Сначала Кристи-Линн открыла электронную почту, с приятным удивлением обнаружив письмо от Кимберли Уорд, автора женских романов, которая предложила провести автограф-сессию для своего первого романа. Она добавила несколько ссылок, в том числе с адресом своего сайта.

С главной страницы улыбалась симпатичная женщина лет тридцати, с длинными рыжими волосами и веснушками на переносице. Биография была короткой, но располагающей: мама двоих мальчишек и трех шелти, прожила всю жизнь в Бофорте, Южная Каролина, большая поклонница южной литературы, в частности «Повелителя приливов» и «Убить пересмешника».

Она сразу понравилась Кристи-Линн. Но больше всего ее впечатлили фотографии в разделе «Обо мне»: древние дубы, покрытые серебристо-голубоватым мхом, улочки исторического центра с пальмами, сверкающее закатное солнце в золотой воде. Прекрасный, очаровательный старый Юг. Но совсем не похожий на Южную Каролину, где она выросла.

Внезапно в голове возникло лицо Шарлен Паркер. Не зашитое и искалеченное, как в их последнюю встречу в больнице, а лицо той женщины, которой была ее мать, пока не поддалась наркотикам и алкоголю. За последние двадцать лет она появилась лишь однажды, внезапно позвонила шесть или семь лет назад, а потом – ничего. Никто даже не знал, жива она или нет. Женщины вроде Шарлен Паркер, склонные, как говорят психологи, к деструктивному поведению, имеют манеру умирать молодыми.

Поддавшись внезапному порыву, Кристи-Линн открыла новое окно и ввела в поисковик «найти человека». Когда появился список сайтов, она выбрала первый и ввела имя матери, дату ее рождения и последний известный город и штат. На экране появился список имен и адресов. Она оказалась третьей: Шарлен Кендра Паркер, 1710 Проктор-авеню, квартира 13, Уолтерборо, Южная Каролина. Последний раз зарегистрировалась по этому адресу семь месяцев назад.

Значит, жива, после стольких лет.

Телефонный номер не указан, но это не удивительно. Когда становилось туго, а туго было всегда, от телефона они отказывались в первую очередь. Впрочем, Кристи-Линн и не стала бы его использовать. После стольких лет такого гнева и обиды что можно

сказать? Но ответ пришел почти мгновенно. Сказать можно многое. Много обвинений. Много претензий. И, возможно, некоторые претензии вернутся. Из-за того, какой плохой она оказалась дочерью. Бросила мать в беде и не возвращалась.

Пять часов. Максимум шесть. Можно вернуться за день. Но зачем? Не факт, что Шарлен еще там. И даже если там? Пробитые материнством Шарлен дыры уже никак не заделать. Но Кристи-Линн все равно открыла ящик тумбочки и достала знакомый конверт.

В голове возникли слова Дар. *«Позволить воспоминаниям догнать тебя»*. Только Кристи-Линн не хотела им этого позволять. Не сегодня. И, возможно, никогда. Она бросила конверт обратно в ящик. Прошлое прекрасно можно хранить под замком. Нет нужды воскрешать все заново. Одного раза вполне достаточно.

Тридцать семь

Клир Харбор, Мэн.

12 марта 2011 г.

Кристи-Линн заходит домой с продуктами, когда раздается телефонный звонок. Поставив сумки на столешницу, она идет к аппарату. Номер начинается с кода 843 – Южная Каролина. У Кристи-Линн внутри все сжимается.

– Алло?

Короткое молчание, а потом:

– Простите, я ошиблась номером.

Знакомый, пугающий после десяти с лишним лет молчания голос – голос призрака.

– Мама?

Она слышит лишь дыхание и звуки телешоу «Верная цена» на заднем плане. Ее мать всегда любила телешоу «Верная цена».

– Мама, это ты?

Щелчок зажигалки, вдох, выпущенный дым.

– У тебя изменился голос, – наконец говорит Шарлен Паркер.

У Кристи-Линн подкашиваются ноги, и она хватается за прохладную гранитную столешницу.

– Откуда у тебя этот номер?

Шарлен игнорирует вопрос.

– Я рада, что ты вышла замуж, да еще и за подающего такие надежды человека. Похоже, моя малышка шикарно устроилась. Но я в тебе и не сомневалась. Ты всегда была такой умной, такой... хорошей.

Кристи-Линн не спрашивает, откуда она узнала про Стивена. Фотографии разлетелись по всем СМИ. Некоторое время Кристи-Линн хранит молчание, раздумывая над словами матери. Она услышала грусть? Горечь? Упрек?

– Номер, мама. Откуда у тебя номер?

– Женщина по имени Сандра с твоей старой работы. Я сказала, у меня экстренная ситуация и мне нужно срочно с тобой связаться.

Кристи-Линн сдерживает стон.

– Зачем тебе понадобилось со мной связываться?

– Ой, небольшие проблемы. Знаешь...

Да. Она знала.

– Какие именно проблемы?

– Я немного на мели, детка. Должна выплатить аренду за несколько месяцев, Дейв говорит, нужен какой-то насос в машину, а я... Я потеряла работу в «Квик Стоп».

Кристи-Линн собирается спросить, кто такой Дейв и почему она потеряла работу, но решает, что лучше не знать.

– Сколько нужно?

– За насос просят четыреста долларов, но еще аренда. – Шарлен делает паузу, выпуская дым. – Детка, я знаю, это много, но деньги помогут мне снова встать на ноги. А потом, обещаю – больше я тебя не побеспокою.

Тысяча долларов.

Кристи-Линн закрывает глаза и заставляет себя медленно, ровно дышать. Небольшая цена за возможность положить трубку и вернуться к своей жизни.

– Куда отправить деньги?

Шарлен диктует адрес где-то в Уолтерборо. Кристи-Линн записывает его в блокнот, висящий на холодильнике.

– Спасибо. – Голос матери дрожит. После долгого молчания она спрашивает: – Детка... ты счастлива?

– Да, – отвечает Кристи-Линн резким, почти оборонительным тоном. – Да, счастлива.

Она рисует в блокноте грустную рожицу и понимает, что должна задать матери такой же вопрос. Но сомневается, что сможет вынести подробности.

– Я отправлю чек сегодня, – говорит вместо этого Кристи-Линн. – Придет через несколько дней.

– Спасибо, детка, – отвечает Шарлен полушепотом, дрожащим и отчаянным. – Огромное тебе спасибо.

А потом разговор вдруг обрывается.

Кристи-Линн смотрит на телефон, и на мгновение к ней возвращается старое чувство вины. Изменилась бы жизнь Шарлен Паркер, если бы дочь ее не бросила? Вряд ли. Страшные годы научили Кристи-Линн: время не меняет таких, как ее мать. Лишь торопит их

падение. Но вопрос оставался вопросом. Могла ли она что-то изменить?

Кристи-Линн ставит трубку на место, идет к сумочке и достает чековую книжку. Ее рука дрожит, пока она выводит цифры – три тысячи долларов. Больше, чем просила ее мать, но чувство вины пробуждает щедрость.

Она бросает чековую книжку обратно в сумочку. Разумеется, это ее личная книжка. Стивену знать про звонок необязательно. Он думает, ее мать мертва – и еще несколько минут назад она считала так же.

Тридцать восемь

Свитвотер, Вирджиния.
19 июля 2017 г.

Кристи-Линн положила ноги на запечатанную коробку с книгами, оглядывая стопку бумаг, требующих внимания. Там были чеки на оплату, расписание на следующую неделю и план распродажи к началу учебного года, но сейчас Кристи-Линн не могла ни на чем сосредоточиться.

Она велела Питеру Хагану начинать работу над документами для траста шесть дней назад. Он пообещал закончить все за неделю, максимум две. А теперь сказал, могут понадобиться и три – из-за каких-то мер предосторожности от злоупотребления. Кристи-Линн ценила его усердие, но ее жизнь зависла в неопределенности, а все мысли занимала организация процесса. Кристи-Линн никогда не думала, что добровольно *отдавать* деньги настолько тяжело.

И ей по-прежнему предстояло убедить Ретту. Несмотря на сложную и непостижимую связь, они были почти чужими людьми. И Кристи-Линн, состоятельная вдова, собиралась влезть в их жизнь со своей щедростью. Сочтет ли Ретта предложение дерзостью? Или посчитает вторжением в свою жизнь? Оба варианта весьма вероятны.

Кристи-Линн планировала обсуждать вопрос, вооружившись уже готовыми бумагами, в надежде, что, если она четко разложит все по полочкам, ей будет проще уговорить Ретту. Но теперь Кристи-Линн засомневалась, готова ли ждать три недели. Она не понаслышке знала, сколь упрямы бывают женщины. Возможно, правильнее сообщить сейчас, дать Ретте время свыкнуться с мыслью.

Кристи-Линн взяла телефон и набрала новый номер Ретты. Через три гудка послышался хриплый голос Ретты.

– Алло?

Слово прозвучало устало и почти удивленно, словно она вообще не ожидала звонка – видимо, телефон звонил редко.

– Ретта, это Кристи-Линн. Вы в порядке? У вас странный голос.

– Просто... выдохлась. Что-то случилось?

– Нет. Ничего. Хотела узнать, дома ли вы на этих выходных. Хочу кое-что обсудить.

На заднем плане работал телевизор, какое-то ток-шоу с криками и аплодисментами.

– Вы уверены, что все в порядке?

– Да, уверена. У меня появилась идея, как нам обеим помочь Айрис, и я хочу ее обсудить, но желательно лично. Могу приехать в субботу.

– Ну, мне ехать некуда, я готова, но переживаю за вас – такой долгий путь...

– Пустяки. Вопрос довольно непростой, лучше обсудить его лично. Вы не против?

– Нет. Думаю, нет, – ответила Ретта со смущением, даже с подозрением.

– Ретта, все будет хорошо. Честное слово. Увидимся в субботу.

Кристи-Линн уже убирала телефон в сумочку, довольная сделанным шагом, когда до нее дошло: раз она уезжает из города, кто-то должен присмотреть за магазином. Придется просить Тамару.

Когда Кристи-Линн вышла из кабинета, Тамара готовила за стойкой эспрессо. Она подняла взгляд и лучезарно улыбнулась.

– Как дела, босс?

– У меня просьба.

– Мой потрясающий тройной латте?

– Нет. Не кофе. У меня накладка. Нужно уехать из города в субботу, и я хочу попросить тебя подежурить с Эйлин. Прости, что говорю в последний момент, но это важно.

Тамара отнесла клиенту эспрессо и быстро вернулась.

– Не проблема. Поезжай. Погоди. Не уходи. Ты пропустила обед. Давай хоть сделаю тебе латте.

– Спасибо. Ты меня спасаешь. Только не тройной, а обычный латте.

Кристи-Линн раскладывала салфетки и палочки для кофе, когда заметила в очереди Уэйда. Впервые с тех пор, как они смотрели в лодке фейерверк. Ситуация не очень. Возможно, стоит переждать в кабинете.

– Кристи-Линн.

Поздно.

– Ой, привет! – Кристи-Линн натянуто улыбнулась. – Я тебя не заметила. Извини. День выдался сумасшедший – как и последняя пара недель. – Она рассмеялась. Вышло наигранно и слегка безумно. – Я все пытаюсь организовать книжный клуб и распланировать события на осень. Работа занимает все время. Просто с ума сойти.

Уэйд понимающе кивнул.

– Понимаю. Я и сам был безумно занят. Заскочил за кофе, а потом поеду в «Хармонс» за бревнами. Переделываю причал, меняю подгнившую древесину. Потом надо будет все покрасить. Надеюсь, погода позволит.

Уэйд договорил, но Кристи-Линн все еще кивала. Повисла зияющая тишина, неловкая пауза из-за иссякшей беседы.

– Держи, босс, – игриво сказала Тамара, поставив на стойку огромную кружку. – Горячий... Как ты любишь.

Кристи-Линн послала Тамаре свой самый строгий взгляд, но та не унималась. Мило улыбаясь, она принесла еще одну кружку.

– Твой кофе, Уэйд. Уже с сахаром.

– Тамара, Уэйд вроде просил кофе навынос, – сухо напомнила Кристи-Линн, хотя не сомневалась, что Тамара прекрасно об этом знает.

Уэйд подошел и схватил кружку прежде, чем Тамара успела ее унести.

– Все в порядке. Могу ненадолго остаться, если ты сядешь со мной.

Выбора у Кристи-Линн не осталось: она последовала за Уэйдом к его обычному столику. Извиниться и уйти было бы не просто грубо, но и демонстративно. Оставалось надеяться, он не спросит про рукопись. Кристи-Линн не хотела признаваться, что еще даже не начинала, или врать о причинах.

– Значит, ты уезжаешь, – сказал он, когда они сели. – Я невольно подслушал ваш разговор с Тамарой. Что-нибудь интересное?

Кристи-Линн прищурилась – несомненно, он прекрасно знал, куда она едет и зачем.

– Я договорилась встретиться с Реттой. Бумаги еще не готовы, но я решила заехать в субботу, узнать ее мнение.

Уэйд поставил кружку, подняв брови.

– Раз юрист уже готовит бумаги, настроена ты оптимистично. Как думаешь, семья не будет противиться?

– Мне волнует Ретта, а не семья. И с чего бы им противиться? Я даю, а не выпрашиваю деньги.

– Когда дело касается денег, люди ведут себя странно. Не все готовы принимать подачки.

– Но это не подачка. Деньги уже принадлежат Айрис. Я просто оформляю все официально.

– Меня можешь не убеждать. Я просто задал вопрос. Мне интересно, как отнесется к ситуации внук.

При упоминании Рэя Роулингса Кристи-Линн бросило в жар.

– Мне плевать, как он отнесется. Меня волнует только Айрис – и Ретта. Как только документы будут готовы, юрист отправит им копию. Когда Ретта во всем разберется, мы подпишем бумаги. И деньги перечислят на счет. Знаю, она пока не дала согласия, но даст. Я объясню ей: так будет лучше для всех.

– Включая тебя?

Странный вопрос. Не только слова, но и интонация, словно Уэйд знал то, чего не знает она.

– Я тут ни при чем.

– Мы оба знаем – это неправда. Девочка не дает тебе покоя с первой встречи. Словно ты думаешь, будто, исправив эту ситуацию, исправишь все остальное.

Кристи-Линн начала злиться.

– Что – остальное?

– Измену Стивена. Обман Стивена. Безумную мысль о своей вине. А может, тут нечто иное. Но я уверен, происходит нечто особенное. И, возможно, даже *ты* не знаешь, что именно.

Она помолчала, сделав глоток латте. Разумеется. Происходило нечто особенное. Каждый раз, глядя на Айрис, она видела себя – ребенка, от которого убегала много лет, отраженного в острых, душераздирающих деталях. Эгоистичная, скупая на эмоции мать, жуткое чувство неопределенности, детство на грани катастрофы.

– А может, я просто хочу поступить правильно? – наконец спросила Кристи-Линн. – Помочь, потому что могу?

– Да, может. Но я сомневаюсь. Как и ты сама. Я не говорю, что следует отказаться от этой затеи. Просто не нужно делать вид, будто

она не имеет особого значения. Возможно, ты самый добрый и щедрый человек из всех, кого я встречал, но это не просто доброта.

– А что же?

– Не знаю, – задумчиво и мягко ответил Уэйд. – Что-то другое. Может, раскаяние. Или искупление?

– Искупление?

Он вздохнул.

– Ну, может, я неправильно подобрал слово. Но я вижу, как ты закрываешься, держишь всех на расстоянии вытянутой руки. Кроме этой маленькой девочки.

Кристи-Линн глянула через плечо, убедившись, что Тамара их не слышит.

– Так речь о той ночи? О случившемся в лодке?

– Нет, – оборонительно возразил он. – То есть... может, но в другом смысле. Я знаю, каково это, когда человек отталкивает целый мир, и как много можно в такой момент потерять. Возможно, звучит нравоучительно, но речь не обо мне, не о моих желаниях. А о тебе. Ты вообще знаешь, чего хочешь?

Вопрос заставил Кристи-Линн поежиться. Да, она знала, чего хотела. Хотела вернуться, навести порядок, переписать свою историю без темных частей, забыть то, что знала, развидеть то, что видела, и жить без воспоминаний, сожалений и стыда. И это могло бы стать искуплением. Но подобные вещи невозможны.

– Кристи-Линн?

Она резко подняла голову. Уэйд смотрел выжидательно.

– М-м-м?

– Я спросил, знаешь ли ты, чего хочешь?

Кристи-Линн потянулась к латге и медленно сделала глоток, размышляя над ответом. И решила: безопаснее всего будет сменить тему.

– Мне нужен кто-то, кто посидит с котом, когда я уеду. Интересноуешься?

Уэйд удивленно поднял брови.

– Ты сказала «посидеть с котом»?

– Меня не будет всего два дня, но я впервые оставляю его одного. Не хочу, чтобы он чувствовал себя брошенным. А вы с ним вроделадили.

Уэйд задержал дыхание, словно пытаясь найти способ вернуть беседу в более серьезное русло. Наконец он обреченно выдохнул.

– Конечно. Я посижу с твоим котом.

Его ответ застал Кристи-Линн врасплох.

– Seriously?

– А почему нет? Ни подгузников. Ни готовки. Что сложного?

– Только на субботу и воскресенье, и я оставлю еду и все остальное. Его достаточно кормить и иногда гладить для моральной поддержки.

Уэйд допил кофе и с ухмылкой поставил кружку на стол.

– Я же говорил, животные меня любят. Это взрослых людей мне завоевать не под силу.

Что-то встало у нее в горле – то ли протест, то ли признание.

– Уэйд...

– Отправляйся в Западную Вирджинию, – мягко перебил он.

– Спасибо. Я оставлю Тамаре запасной ключ.

– Сделаешь одолжение?

Она улыбнулась, внезапно смутившись. Уэйд флиртовал? А она?

– Ну, ты сидишь с моим котом, значит, я твоя должница.

Господи, она действительно флиртовала.

– Вернешься живой и здоровой?

И теперь он флиртовал в ответ, с проказливой улыбкой и пугающим обаянием, словно персонаж романтического кино. Нужно это прекратить. И немедленно. Но она продолжала улыбаться, когда поднялась из-за стола.

– Хорошо. Так и сделаю.

Тридцать девять

Риддлсвилль, Западная Вирджиния.

23 июля 2017 г.

Ретта приложила руку к губам, плотно сжав сухие веки. Напротив нее сидела и ждала Кристи-Линн, делая вид, будто не замечает Айрис, стоящую в дверях и крепко сжимающую в руках потрепанного мишку.

Ретте понадобилось время, чтобы взять себя в руки.

– Не знаю, что и сказать. Вы уверены? Это... так много.

Кристи-Линн улыбнулась. Понадобилось больше двух часов, чтобы объяснить все тонкости затеи, но, похоже, Ретта начала ее принимать.

– Да, уверена. Стивен должен был позаботиться об этом сразу после рождения Айрис.

– Но теперь деньги принадлежат вам. По закону.

– Ретта, посмотрите на меня. – Кристи-Линн дождалась, пока Ретта поднимет голубые глаза. – Я этого хочу. Даже нуждаюсь.

– Почему?

Кристи-Линн вспомнила разговор с Уэйдом, его теории о раскаянии и искуплении – о том, что она пытается исправить прошлое. Но чье прошлое? Свое? Стивена? Или дело в Шарлен Паркер, которая, как и Хани, повернулась к дочери спиной? Возможно, Уэйд подобрался к истине ближе, чем Кристи-Линн хотела признавать.

– Мои мотивы не важны, Ретта. Важна Айрис. Вы же согласны?

Ретта молча кивнула.

– Так вы говорите «да»? Позвольте мне это сделать?

Ретта снова кивнула, сглотнула и закрыла лицо руками.

К ней сразу подбежала Айрис и обняла маленькой ручкой за шею.

– Нанни, не плачь.

Ретта громко шмыгнула носом и выдавила улыбку.

– Нанни в порядке, детка. Иногда взрослые плачут от счастья. Я плачу, потому что счастлива.

Айрис посмотрела на Кристи-Линн, а потом снова на прабабушку, явно сбитая с толку. Ретта взяла ее за плечи и повернула к Кристи-

Линн.

– Ты помнишь миссис Кристи-Линн, верно? Она тебе очень понравилась, и ты подарила ей рыбку, а она прикрепила рисунок на холодильник.

Айрис кивнула, почти мечтательно.

– А теперь она вернулась, чтобы сделать для тебя кое-что очень хорошее, словно ангел из рая. Можешь ее поблагодарить?

Кристи-Линн смущенно опустила взгляд. Она не была ангелом, а скорее пыталась исправить ошибки. Но Айрис явно отнеслась к словам прабабушки всерьез. Она неуверенно оторвалась от Ретты и подошла к Кристи-Линн. А потом смущенно улыбнулась и положила ей на колени мишку.

И тут же исчезла, убежав с кухни. Кристи-Линн посмотрела Ретте в глаза. В них снова стояли слезы.

– Вы ей нравитесь, – мягко и взволнованно сказала Ретта.

Кристи-Линн опустила голову.

– Мне она тоже нравится. И она заслуживает хорошую жизнь. Надеюсь, траст сможет ее обеспечить.

Ретта покачала головой и смахнула слезу.

– Не знаю, как отблагодарить вас за щедрость. После поступка Хани я представить не могу, почему вы захотели помочь ее дочери, но мне не хватает сил отказаться. Нам было так тяжело, а теперь...

– Теперь станет легче.

Ретта опустила глаза и принялась разглядывать свои пожелтевшие от никотина ногти.

– Да, – ответила она, словно пытаясь убедить саму себя. – Станет легче.

– Вы сможете купить новый дом. Более просторный, с двором, где Айрис будет играть. Неплохо было бы перебраться поближе к городу, как считаете? А когда придет время, я смогу помочь в выборе школы.

– Школы, – повторила Ретта, словно подумала об этом впервые. – Я хочу, чтобы она пошла в хорошую школу, смогла преуспеть в жизни.

Кристи-Линн сомневалась, стоит ли поднимать следующий вопрос, но в определенный момент здоровье Ретты – или его нехватка – могло стать важным фактором.

– Если позволите, я хочу помочь и в другом. Хочу попробовать найти вам другого врача, пульмонолога – возможно, с его помощью вы

станете легче дышать и лучше себя чувствовать.

Ретта оторвалась от рук и посмотрела на Кристи-Линн.

– Нет нужды. Мой врач не специалист, но знает, что к чему. Пятьдесят лет курения ничем не исправить, как и прочие ошибки. Но вы можете сделать для меня кое-что еще. Для нас.

– Что?

– Отвезите нас на кладбище.

Кристи-Линн удивленно моргнула.

– На кладбище?

– Айрис не ходила на похороны мамы. Я была одна. Рэй отказался хоронить сестру возле своей церкви. Он заплатил за доставку тела домой, за гроб и за надгробие, но церемонии не было. Я просто похоронила ее на кладбище на окраине города, как он велел. Туда почти никто не ходит.

– И вы хотите, чтобы я вас сейчас туда отвезла – вместе с Айрис?

– Дело в снах, – дрогнувшим голосом объяснила Ретта. – Они ей так тяжело даются. Начались сразу после аварии – Хани зовет ее по имени.

У Кристи-Линн пробежали по спине мурашки.

– Она... ее слышит?

Ретта мрачно кивнула.

– Говорит, да. Бедняжка просыпается в панике, а потом ищет по всему дому маму. Я пыталась объяснить, что ее мама с ангелами, но она не понимает – не понимает, что Хани никогда не вернется. Я подумала, если показать ей могилу...

Отвращение Кристи-Линн к Рэю Роулингсу достигло новых высот, когда она заехала в ворота и увидела вывеску «Грин Мидоус» – «Зеленые Луга». Но перед ними простиралось нечто удивительно противоречащее названию. Возможно, когда-то тут росла трава и зеленели луга, но сейчас осталась лишь голая коричневая земля с надгробиями, сухими листьями и мусором. Кто захочет хоронить здесь собаку, не говоря о сестре?

Ретта показала на северо-восточный угол кладбища.

– Она сзади, в стороне от дороги.

Кристи-Линн ехала по неровному асфальту, пока он не кончился, а потом припарковалась и помогла Ретте отстегнуться и вылезти из машины. Ступив на землю, Ретта начала хрипло дышать, а ее губы посинели.

– Возможно, это была не лучшая идея, – заметила Кристи-Линн, нерешительно разглядывая Ретту.

– Возможно, но это нужно сделать.

На заднем сиденье сидела Айрис, сжимая мишку и недоуменно насупив бровки. Ретта открыла дверь и протянула руку.

– Выходи, детка. Нанни должна тебе кое-что показать.

Айрис вылезла и взяла Ретту за руку. Кристи-Линн внезапно почувствовала неловкость и отошла, предпочитая наблюдать с расстояния. Но у Айрис были другие планы: она протянула ей маленькую ручку.

– Пойдем.

Кристи-Линн проглотила протест. Когда трехлетний ребенок протягивает руку, ее нельзя не взять.

Они прошли метров двадцать, хрустя сухой листвой и выгоревшей травой, к маленькой табличке в углу возле забора. Надгробие было простым – гранитная плита, блестящая и новая по сравнению с тусклыми соседями. А на нем – лаконичная надпись безо всяких нежных слов.

Хани Роза Роулингс

19/11/91 – 19/11/16

Кристи-Линн удивленно посмотрела на даты.

– Она умерла в свой день рождения!

Ретта серьезно кивнула.

– Двадцать пять.

Потом она протянула руку и схватилась за камень, но Кристи-Линн не поняла – от горя или чтобы устоять на ногах.

– Я видела ее за несколько дней до этого. Она сказала, Стивен отвезет ее в особое место. Глупая девчонка.

В словах Ретты слышалась глубокая боль, но глаза оставались сухими. Она повернулась к Айрис:

– Иди сюда, детка. Хочу поговорить о твоей маме.

Когда Айрис подошла к Ретте, Кристи-Линн сделала несколько шагов назад. Она чувствовала себя неуместнее некуда. Она никогда не думала, где может быть похоронена любовница Стивена, какие у нее могли быть похороны и что по ней мог кто-то горевать.

Хотя никто и не горевал.

Кристи-Линн вспомнились похороны Стивена, как ей позвонили и сообщили, что почти никто не пришел, включая ее саму. Как выяснилось, и Хани, и Стивен покинули мир без проводов и скорби.

Внезапно она заметила краем глаза какое-то движение. Подняла взгляд и увидела Ретту с бледными, промокшими от слез щеками.

– Думаю, теперь она понимает, – хрипло сказала Ретта. – Знает, что мама не вернется.

Кристи-Линн кивнула, не зная, как отвечать. Она повернулась к Айрис, которая все еще стояла перед могилой Хани, опустив светловолосую головку. От этого зрелища у Кристи-Линн сжалось горло.

– Она в порядке?

Ретта прерывисто вздохнула.

– Надеюсь. Я сказала, она может поговорить с Хани в любой момент, достаточно обратиться к ангелам, и они помогут. И сейчас она говорит с ангелами. Останетесь с ней? Я разрешила ей оставаться, сколько захочет, но, боюсь, поездка слишком меня утомила.

– Вы сможете самостоятельно вернуться к машине?

– Я справлюсь. Просто... останьтесь с ней.

Кристи-Линн наблюдала, как Ретта бредет по сорнякам к «Роверу», уже нащупывая в кармане платья сигареты. Кристи-Линн не сразу заметила, что к ней подошла Айрис.

– Мама с ангелами, – мягко пролепетала она. – Она не вернется.

– Нет, – с трудом выдавила Кристи-Линн. – Не вернется.

Айрис помолчала, задумчиво сощутив глаз. А потом, прежде чем Кристи-Линн успела осознать происходящее, в ее руке оказалась маленькая ручка Айрис, и легкие пальчики переплелись с ее пальцами.

– Нанни сказала, ты – мой ангел. Тебя послала мама.

Кристи-Линн смотрела на дочь Стивена, такую красивую и грустную, и не знала, что сказать. Она еще ни разу не слышала от девочки таких длинных фраз, и каждое слово ранило, будто нож. Кристи-Линн не была ангелом. Ни для Айрис, ни для кого-то еще. Но объяснить это ребенку? Ребенку, которому только что сказали совсем иное?

Кристи-Линн быстро отвела взгляд и откашлялась.

– Мне нужно отвезти тебя домой. А потом я поеду домой сама.

У Айрис задрожал подбородок.

– А ты вернешься?

– Да, через несколько недель.

– Обещаешь?

Кристи-Линн сглотнула вставший в горле ком, глядя на их переплетенные пальцы, и вспомнила слова Ретты. *«Она уже не понимает, кто вернется, а кто нет».*

– Да, дорогая. Я обещаю.

Сорок

Как только Кристи-Линн зашла домой, к ней с отчаянным криком подбежал Толстой – очевидно, распекая хозяйку за двухдневное отсутствие. Она поставила сумки и наклонилась, чтобы поднять кота и прижать к щеке. Приятно, когда тебя кто-то ждет дома, даже если у него четыре лапы и хвост.

Когда Кристи-Линн поставила кота на пол, он запротестовал и дважды чуть не уронил ее по дороге на кухню. Зайдя за угол, Кристи-Линн наступила на что-то упругое и мягкое. Опасливо глянув вниз, она увидела серую войлочную мышку с пером вместо хвоста – очевидно, подарок от Уэйда. Другая лежала под кухонным столом, а третью загнали под дверцу холодильника. Кристи-Линн собрала их и сложила у ног Толстого.

– Похоже, у кого-то объявился поклонник.

Она понаблюдала, как кот играет с игрушками, и повернулась к холодильнику за бутылкой воды. Рядом с рыбкой Айрис висела написанная мелким почерком записка.

«Посмотри в микроволновке. Решил дать тебе еще один шанс, раз прошлый ты упустила. Добро пожаловать домой».

Кристи-Линн с любопытством открыла микроволновку и обнаружила пластиковый контейнер. Улыбнувшись, она сняла крышку, выпустив восхитительный аромат томатного соуса и итальянских трав. Спагетти. Этот мужчина полон сюрпризов.

Уже в гостиной Кристи-Линн достала из сумочки телефон и набрала номер Уэйда.

– Ты дома, – сказал он, пренебрегая приветствиями, словно просто продолжил их предыдущий разговор. И это почему-то было приятно.

– Да, дома. Жива и здорова, как обещала.

– Как все прошло?

Кристи-Линн резко втянула воздух и медленно выдохнула.

– Эмоционально.

– Но ты уговорила Ретту?

– Через два часа увещеваний – да. Но, кажется, она пока не до конца поняла, насколько изменится их жизнь.

– Сомнений не возникло?

– Насчет траста? Нет. Насчет остального... – Она не закончила фразу, сомневаясь, что хочет обсуждать это с Уэйдом. В конце концов, он ее предупредил.

– Чего остального?

– Ничего особенного. Просто начинаю понимать, что придется принимать гораздо больше участия, чем я рассчитывала. Во всяком случае, сначала. У них обеих столько нужд – сомневаюсь, что Ретта справится со всеми деталями. У них даже транспорта нет. Она попросила отвезти их с Айрис на кладбище, на могилу Хани.

– И ты отвезла?

Кристи-Линн задержала дыхание. Она не планировала рассказывать ему про кладбище, но уже поздно.

– А что мне оставалось?

Уэйд помолчал, словно тщательно подбирая слова. Кристи-Линн приготовилась к фразе «я же говорил». Но он удивил ее, внезапно сменив тему.

– У тебя усталый голос.

– Выдались долгие два дня. Сейчас съем твои спагетти, приму горячую ванну и пойду в постель. Кстати, спасибо. Очень... заботливо.

– Отдыхай. Завтра завезу ключ.

После ужина, который оказался очень вкусным, Кристи-Линн наполнила ванну и как следует прогрелась, а потом залезла под одеяло, собравшись читать последний роман Барбары Клейпоул Уайт. Сейчас ей хотелось затеряться в чьей-нибудь истории и не думать о клубке эмоций, привезенном из Западной Вирджинии.

Кристи-Линн потянулась за новой книгой, когда увидела рукопись Уэйда, еще нетронутую, по-прежнему пылящуюся на тумбочке. Взяла ее, положила на колени и начала читать. Не из-за чувства вины, а из-за чувства любопытства к мужчине, который купил ее коту игрушечных мышей и оставил в микроволновке собственноручно приготовленные спагетти.

Кристи-Линн заставила себя оторваться от рукописи только в два часа ночи, когда глаза уже слишком устали и стало невозможно

сосредоточиться на предложениях. Оставалась еще половина, но у Кристи-Линн уже накопилось несколько страниц заметок. «Конец привычных вещей» имел потенциал стать красивой историей роста и искупления. Завязка оказалась весьма складной, а язык был просто великолепен – выразительный и лаконичный одновременно. Проблема заключалась в главном герое, Вансе. Посреди второго акта персонаж внезапно стал плоским, словно Уэйд забыл, про кого писал. Или не знал изначально.

Этот изъян не был фатальным или даже серьезным, поскольку Уэйд собирался над ним работать, но, выключив свет и накрывшись одеялом, Кристи-Линн задалась вопросом, что спровоцировало столь внезапное изменение в тексте. Возможно, Уэйд просто утратил контакт с историей, начатой двадцать лет назад? За двадцать лет может многое произойти, и, судя по его рассказу, произошло – конец карьеры, утраченная любовь. Возможно, закрыв дверь в эту часть жизни, он закрыл дверь в творчество? Вряд ли. Кристи-Линн отказывалась видеть многое из собственного прошлого.

Потому что тогда оно становилось реальным.

Кристи-Линн возвращалась с обеда с Мисси и Дар, когда увидела у магазина джип Уэйда. Она нашла его в кафе – он сидел за привычным столиком и что-то печатал в ноутбуке.

– Творческий всплеск?

Уэйд напечатал еще несколько слов, поднял взгляд и улыбнулся.

– О, привет. Я привез ключи.

Его белозубая улыбка каждый раз заставляла Кристи-Линн врасплох. Уэйд был единственным знакомым ей мужчиной, который мог уйти из дома, не причесываясь и не бреясь, и все равно выглядеть как на фотосессии для модного мужского журнала.

– Прости. Я ходила обедать с Мисси.

Уэйд достал ключ из кармана рубашки и протянул ей.

– Не переживай. Я пока работаю.

Кристи-Линн чувствовала, как из-за кофемашины на них пристально смотрит Тамара и явно делает какие-то умозаключения по

поводу передачи ключа. Надо будет все прояснить, как только Уэйд уйдет.

– Толстой просил передать спасибо за мышек. Он от них без ума. Гонял их по дому полночи.

– Дело в кошачьей мяте. Это как марихуана для кошек. Они становятся игривыми, а потом размякают.

– Многое объясняет.

– Ты все еще выглядишь жутко усталой. Удалось отдохнуть?

– Немного. Я не спала до двух ночи, читала твою рукопись.

Уэйд явно напрягся.

– И?

– Сделала кучу заметок. Если хочешь, можем их просмотреть. Или подождать, пока я не доделаю остальное.

Уэйд со страдальческим видом почесал щетинистый подбородок.

– Думаю, не стоит упускать момент. Ты свободна вечером?

– М-м-м, ужин с дилером моего кота? Не уверена, стоит ли.

– Да ладно. Пустись во все тяжкие.

И снова эта улыбка. Из-за нее было тяжело сказать «нет», и он прекрасно это знал.

– Дай угадаю – тебе нужно избавиться от остатков спагетти.

– Вообще-то я думал предложить «Корк энд Кливер», часов в семь?

Кристи-Линн занервничала. Ужин. В ресторане. Возможно, не лучшая затея. Но это же по делу, верно? Деловой ужин. С клиентом. В общественном месте. Насколько может быть опасно?

– Ну хорошо. После закрытия я забегу за заметками, и встретимся там.

Кристи-Линн зашла в «Корк энд Кливер» и помахала рукой. Уэйд сидел на длинной дубовой скамейке. Он прекрасно смотрелся в темных брюках и светло-голубой клетчатой рубашке. Увидев Кристи-Линн, он встал, закончив разговор с Куинни Питерсон, владелицей ресторана, которая еще и обслуживала гостей в качестве официантки.

Куинни обрадовалась, заметив Кристи-Линн.

– Ой, привет, Уэйд не сказал, кого ждет. Как мило.

– Просто деловая встреча, – заверила Кристи-Линн, заметив в глазах Куинни заинтересованный блеск. – Уэйд попросил меня посмотреть его рукопись.

Куинни наклонилась к ней и понизила голос:

– Уверена? Он ужасно романтичный.

– Он просто клиент, Куинни. Мы обсудим книгу, и все.

– Хорошо, – вздохнула Куинни, доставая два меню. – Но я считаю, ты сошла с ума.

Куинни повела их к столику в слабо освещенном углу. Уэйд выдвинул стул для Кристи-Линн и сел напротив.

– Я клиент? – подняв брови, уточнил он.

– Я хотела сразу все прояснить. Она порой теряет самообладание в присутствии симпатичных парней.

– Считаешь, я симпатичный?

Из-за открытого меню были видны только его глаза, но, судя по крошечным морщинкам в уголках, он улыбался. Пытаясь скрыть собственную улыбку, Кристи-Линн расправила на коленях салфетку.

– Не напрашивайся на комплименты. Это не привлекательно. А теперь давай выберем еду и приступим к делу.

Уэйд застонал:

– Одна работа, никакого веселья...

– Поможет Уэйду лучше писать, – закончила за него Кристи-Линн. – Давай возьмем краба. Он очень вкусный.

К тому моменту, как принесли десерт, она вычеркнула почти все пункты из составленного в блокноте списка. Уэйд сидел напротив нее с каменным лицом, гоня по тарелке чизкейк. Кристи-Линн ничего не могла определить по его непроницаемому виду.

– Слушай, я знаю, никто не любит критику, но это часть процесса. И я не говорю, что роман плох. На самом деле даже наоборот. У тебя прекрасный язык, чистый и свежий, сдержанный, но выразительный. И в начале истории – сильная механика. Проблема в главном герое. Я еще не дочитала до конца, но как читатель, возможно, я бы отложила книгу на половине. Мне бы просто... стало все равно.

– Ого. – Уэйд опустил вилку и посмотрел на нее. – Я действительно твой клиент.

Кристи-Линн стало его жаль. Она не привыкла общаться с писателями лицом к лицу. Ее клиенты жили от Новой Шотландии до

Шотландии, и обычно Кристи-Линн давала обратную связь по электронной почте или телефону. Но совсем другое дело – смотреть человеку в глаза и топтать произведение, в которое он вложил всю душу.

– Да ладно, – сказала она, пытаясь разрядить обстановку. – Ты ведь попросил меня прочитать ее не ради комплиментов. Ты хотел узнать, что не так, и я сказала – во всяком случае, по моему мнению. И ничего смертельного там нет. Нужно просто лучше узнать своих героев. Немного психоанализа.

Уэйд мрачно глянул поверх бокала.

– Для героев или для самого себя?

– Иногда это одно и то же.

– Думаешь, я – Ванс?

– Я понятия не имею, с *кого* списан Ванс и списан ли он с кого-то вообще. Знаю только, что он злой парень со сложным прошлым, и о таком может написать кто угодно. Расскажи мне, в чем его уязвимость. Покажи, где болевые точки. Потому что, если их нет, всем плевать, получит ли он девушку.

Уэйд тихо подписал чек, и Кристи-Линн оставалось только гадать, о чем он думает. Нянчит уязвленное эго? Переваривает услышанное? Прикидывает, как применить ее советы? Судя по его мрачному виду на пути к выходу, любой из этих вариантов мог оказаться правдой – или никакой.

После тесноты ресторана было приятно выйти на ночную прохладу. Они молча брели по парковке, шурша гравием и периодически сталкиваясь плечами.

– Ты вдруг затих, – отметила Кристи-Линн, когда они дошли до «Ровера». – Не знаю почему, но надеюсь, ты не обиделся на мои замечания.

– Нет, – ответил Уэйд, засунув руки в карманы. – Я не обиделся. Просто пытаюсь прикинуть, стоит ли оно того. Может, Симона была права? Это лишь пустая мечта.

– Это не пустая мечта, Уэйд. У книги большой потенциал. Надо чуть-чуть подправить, и все получится.

– Не пойму: ты сейчас говоришь как друг или как редактор?

Она улыбнулась.

– Одно не обязательно исключает другое. И я серьезно. Просто покажи читателям, что Ванс больше, чем гнев. Введи несколько слоев. Покажи прорехи в его броне. В начале книги он может быть безумно зол, но в определенный момент мы должны увидеть: из тьмы есть выход.

– А если нет?

Кристи-Линн залезла в сумочку в поисках ключей от машины. Внезапная серьезность в его тоне заставила ее поднять взгляд.

– Выход есть всегда.

– Будто ты сама в это веришь.

– Приходится. Иначе не будет книги – или жизни.

– У тебя или у меня?

Кристи-Линн пожала плечами:

– Думаю, у каждого из нас. Недавно Мисси сказала одну вещь, которая заставила меня задуматься. Она сказала, слово «*никогда*» символизирует двери, которые мы держим закрытыми, и когда мы говорим *никогда*, то лишаем себя надежды на перемены.

Уэйд склонил голову набок, рассматривая Кристи-Линн так, что ей захотелось отвести взгляд, но сделать этого она не могла. Она словно приросла к месту, парализованная неведомым чувством, которое не могла назвать. Наконец Уэйд протянул руку, убрал с ее глаз прядь волос и заправил за ухо.

– А ты хочешь что-нибудь изменить, Кристи-Линн Паркер?

Его прикосновение было теплым и волнующе знакомым, и на мгновение Кристи-Линн почувствовала, как одна из закрытых дверей Мисси приоткрывается. Но эта дверь почти наверняка приведет к разбитому сердцу – и его, и ее. Кристи-Линн сделала шаг назад, и сделала бы еще, если бы не прижалась к двери машины.

– Прошу... Не надо. Не пытайся залезть ко мне в голову и разобраться. Оно того не стоит, честное слово.

– Я просто задал вопрос. – Он стоял так близко, что его голос словно вибрировал у нее в груди. – Ты знаешь ответ?

Она вздохнула, опустив голову.

– Иногда ничего не поделаешь, Уэйд. Что-то мы можем изменить, а что-то нет. Главное – чувствовать разницу.

– Погоди. Разве не ты только что рассказывала мне про слово «*никогда*»? Может, прислушаешься к собственному совету?

– Вообще-то, это совет Мисси. Я просто размышляла вслух. – Кристи-Линн беспомощно огляделась, продумывая достойные пути к отступлению. Чем дальше они стояли лицом к лицу на пустой парковке, тем ярче становилось воспоминание об их поцелуе, вызывая импульсы, поддаться которым она не решалась. Она кашлянула и потрясла ключами. – Слушай, мне пора домой. Уже поздно, а мне нужно ответить на кучу писем.

Уэйд быстро шагнул назад.

– Я опять, да?

– Что?

– Давил на тебя. Напугал. Я не хотел.

Кристи-Линн покачала головой, с грустной улыбкой открыла дверь и села за руль. Объяснить ему свои чувства никак не получится. Кристи-Линн словно стояла на краю скалы и страстно желала прыгнуть вниз, хотя знала, что не переживет падения. Ей никогда не стать ничьей второй половинкой, неважно, насколько хочется – а ей *очень* хотелось.

– Меня напугал не ты, – пробормотала она. – Я сама себя напугала.

– Подожди. – Уэйд схватился за дверь, прежде чем Кристи-Линн успела ее захлопнуть. – Я не понимаю, что это значит.

– Тебе и не нужно понимать, – улыбнулась она. – Главное, понимаю я.

Сорок один

*Свитвотер, Вирджиния.
9 августа 2017 г.*

Кристи-Линн покрутила в руках только что полученный конверт. Вчера позвонил Питер – сообщил, что закончит ночью бумаги по трасту, и уточнил, не передумала ли она. Пока документы не подписаны, все можно отменить. Но спустя несколько недель размышлений Кристи-Линн не видела причин отказываться.

Особого взаимодействия не потребуется. Питер настоял, чтобы его указали в качестве посредника, усомнившись в объективности ее поведения в случае «внештатной» ситуации. Кристи-Линн согласилась – не из-за сомнений в собственной объективности, а чтобы соблюсти некоторую дистанцию. Когда она поможет Ретте с жильем и школой, ее обязанности ограничатся проверкой ежемесячных расходов.

Кристи-Линн достала бумаги и прочитала надпись на титульном листе: «Прижизненный траст с правом отзыва». Пролистала остальное, заметив маленькие зеленые и желтые наклейки рядом со строчками, где должна оставить подпись каждая из сторон, и решила позвонить Ретте – предупредить ее, что их экземпляр придет в ближайшие дни.

Ретта взяла трубку через три гудка. Как обычно, ее голос звучал замученно и устало.

– Ретта, это Кристи-Линн. Как вы?

– Нормально. На крыльце, с Айрис. Что-то случилось?

Снова этот вопрос – словно она всегда ждала беды.

– Все в порядке. Просто звоню сообщить: мой юрист отправил вам документы для траста, они придут через пару дней. Я попросила отправить их по почте, чтобы у вас было время посмотреть и все обдумать.

– Это лишнее. Скорее всего, я ничего не пойму.

– Попросите Рэя. Или, если хотите, вам позвонит мой юрист и все расскажет. Я хочу, чтобы вы поняли принцип работы траста и систему получения средств.

– Нет. Рэя не надо, – резко ответила Ретта. – И у меня нет причин вам не верить. Человеку, который совершил для Айрис такой поступок, проверки не требуются. Кроме того, вы уже все объяснили. Мне же не придется ехать в Вирджинию для подписи документов? Боюсь, мне такое не под силу.

– Нет. Я сама к вам приеду. Я объяснила ситуацию юристу. Нам достаточно прийти к нотариусу, подписать бумаги и отправить обратно. Он все проверит и вышлет нам окончательные экземпляры. Суббота подойдет или вам нужно больше времени? Не хочу на вас давить.

– Я не чувствую давления, и времени у меня осталось не так много. Суббота подойдет.

Кристи-Линн допила кофе и застегнула дорожную сумку. Толстой наблюдал за ней с неодобрением. Он уже трижды пытался сбежать и явно ждал новой возможности. Кристи-Линн была рада, что история с трастом близится к финалу и скоро получится сохранять безопасное расстояние. Ее тяготили не столько поездки, сколько эмоциональное похмелье после них – иногда оно длилось несколько дней.

Она уже собиралась закинуть сумку на плечо, когда услышала снаружи шум колес. Нахмурившись, Кристи-Линн выглянула в окно и с удивлением увидела, как из джипа вылезает Уэйд с красной дорожной кружкой в руке.

– Доброе утро, – радостно поздоровался он, когда Кристи-Линн открыла дверь.

– Что ты здесь делаешь? Сейчас семь... – Она осеклась, заметив на дороге темно-зеленый рюкзак. – Это чемодан?

– Вообще-то, вещмешок. На прошлой неделе ты обмолвилась, что уезжаешь сегодня утром, и я решил побыть сопровождающим.

– Без приглашения?

– Ага.

– Почему?

Он быстро сделал глоток из кружки.

– Можешь считать меня телохранителем.

Кристи-Линн искоса посмотрела на него.

– Считаешь, мне понадобится телохранитель на встрече с восьмидесятилетней женщиной?

– Ну ладно, я твой компаньон. Свита. Спутник.

– Только все это ни к чему.

– Мне не нравится, что тебе придется одной вести машину.

– Уже в четвертый раз.

– И каждый раз после возвращения ты выглядишь как зомби. Я смогу подменить тебя, ты поспишь. Или прочитаешь оставшуюся часть моей рукописи.

Кристи-Линн собралась протестовать, но Уэйд оказался на шаг впереди.

– Обещаю полную безопасность. Отдельные номера. Отдельные чеки. Отдельное *все*.

Она посмотрела на него с опаской, испытывая легкий стыд за свои столь очевидные для него мысли.

– Дело в другом. Правда. Это просто лишнее. Нам всего лишь нужно поставить пару подписей. Когда закончу, отправлюсь в отель, а в воскресенье поеду назад. Мне не нужен... сопровождающий.

– Кристи-Линн, я понимаю, это станет для тебя жутким шоком, но ты не суперженщина. Возможно, ты не замечаешь, как тяжело тебе даются эти поездки, зато замечаю я. Ты изматываешься, становишься рассеянной, а в таком состоянии не стоит вести машину. Я хочу помочь, просто позволь.

– Я справлюсь. Правда.

– Ты мне не доверяешь?

Кристи-Линн почувствовала, что краснеет, вспомнив их напряженное расставание после недавнего похода в ресторан. Она вела себя как смущенная школьница.

– Не глупи. Конечно, я тебе доверяю.

– Тогда соглашайся. Будет как в «Тельме и Луизе», только без скалы.

Кристи-Линн не сдержалась и захихикала. Следовало признать – компания на долгой дороге в Риддлсвилль пришлась бы весьма кстати.

– Хорошо. Но музыку выбираю я, и чур не жаловаться.

Они въехали в Риддлсвилль примерно в два часа дня. Когда Кристи-Линн ехала по центру, Уэйд молчал, мрачно разглядывая пустые витрины и заколоченные окна. Когда она свернула на западные окраины города, вид не сильно улучшился – щербатый асфальт, типовые дома и заросшие сорняками дворы. Уэйд заговорил, лишь когда она повернула к дому Ретты.

– Господи, – едва слышно прошептал он. Естественная реакция на зрелище, о котором Кристи-Линн говорила столько недель.

– Знаю, – мягко откликнулась она.

– Похоже на эпицентр взрыва.

«Теперь видишь?» – хотела сказать она, но промолчала. Да и вообще, разговаривать времени не было. С одного из стульев на крыльце вдруг встала Ретта с наполовину выкуренной сигаретой в руке. Кристи-Линн вылезла из машины и помахала рукой:

– Привет, Ретта.

– Мне показалось, я услышала шум машины. Я не знала, когда именно вы приедете, и решила немного посидеть тут. – Тут с пассажирского сиденья вышел Уэйд, и Ретта поняла, что Кристи-Линн не одна. – А вы кто?

– Ретта, это Уэйд Пирс. Он помогает мне вести машину. Он был другом Стивена.

Ретта оглядела его – туманный взгляд внезапно стал пристальным. Закончив курить, она выбросила сигарету в пластиковую пепельницу, стоящую на перилах, и внимательно посмотрела на Кристи-Линн.

– Вы случайно не болеете? Выглядите немного измученной.

Кристи-Линн скорее почувствовала, чем увидела выразительный взгляд Уэйда. И предпочла его не замечать.

– Я в порядке, Ретта. Просто немного устала.

– Ну, заходите. У меня в холодильнике свежий кувшин чая. Есть хотите? Могу что-нибудь приготовить.

– Нет, спасибо. Мы заезжали пообедать. Но чаю с удовольствием поьем.

Они поднялись на крыльцо и вошли вслед за Реттой в дом. Там было жарко, душно и еще пахло завтраком. Работал телевизор – «Остров Гиллигана» без звука. Ретта его отключила.

– Я только уложила Айрис. – Она ходила по гостиной и убиралась, собирая носки, заколки, резинки и засовывая их в карманы желтого

домашнего платья. – Бедняжка опять плохо спала ночью. Ой, осторожнее, – предупредила она Уэйда, показывая на засыпанный мелкими пол. – Можно споткнуться и сломать шею. Мне дорого обошелся этот урок.

Ретта осматривала комнату, пока Уэйд пробирался по минному полю мелков. Она явно не рассчитывала на его присутствие, и Кристи-Линн чувствовала ее настороженность.

– Не знаю, сколько она будет спать – в последнее время у нее проблемы со сном, поэтому, скорее всего, недолго. Мы можем поехать к нотариусу, как только она проснется. А пока я налью чай.

Кристи-Линн взяла с дивана потрепанный экземпляр «Ридерс дайджест», переложила на стол и села. Уэйд опустился рядом с ней и провалился в подушки, чуть не ударившись подбородком об колени. Когда Ретта вышла, он посмотрел Кристи-Линн в глаза, но ничего не сказал.

Через несколько минут Ретта вернулась с двумя стаканами и передала один Кристи-Линн.

– Надеюсь, вы пьете крепкий и сладкий. Я готовлю только так. И простите... – Она сделала паузу, передавая Уэйду второй стакан. – Я уже забыла ваше имя.

– Уэйд, и я вырос на сладком чае. Спасибо.

– Уэйд, – повторила она, словно пытаясь запомнить. – Вы были другом Стивена?

– Давно. Мы были соседями в колледже, но, гм... потеряли связь.

Ретта рассеянно кивнула, словно это никак ее не касалось, и снова исчезла на кухне. Вскоре она вернулась со своим стаканом и села в потрепанное зеленое кресло рядом с диваном. Она казалась слегка задумчивой, сжимая тонкими пальцами стакан и украдкой поглядывая на Уэйда.

Когда молчание стало неловким, Кристи-Линн достала конверт с документами, но не сразу вынула его содержимое.

– Вам удалось посмотреть бумаги, присланные моим юристом?

Ретта кивнула.

– Более-менее. Каждый месяц для Айрис будут зачисляться деньги. Правильно?

– И для вас, Ретта. Помните, мы обсуждали – вам нужны помощь и жилье в более подходящем месте, поближе к врачу и хорошим

школам. Я со всем помогу. Вы ежемесячно будете получать сумму на любые нужды – как пособие. На этом все.

Ретта кивнула и достала из кармана платя платок. Вытерла глаза и высморкалась.

– Не обращайтесь внимания. Я просто глупая старуха.

Кристи-Линн вдруг поняла, насколько происходящее может напугать женщину, которая, возможно, не подписала в жизни ни одного документа.

– Понимаю, вам нужно многое осознать. У вас точно нет вопросов?

– Нужно будет сохранять какие-нибудь чеки?

– Нет. За траты отчитываться не придется. Но на экстренный случай я оставлю визитку моего юриста. Его зовут Питер Хаган. Звоните ему.

Ретта медленно опустила очки.

– Не вам?

Кристи-Линн быстро обменялась взглядами с Уэйдом. По дороге они обсуждали этот вопрос. Уэйд одобрил идею, довольный, что ей удастся соблюсти дистанцию, но Кристи-Линн уже засомневалась. Да, Питер Хаган – высококвалифицированный юрист, но ему явно не хватает такта. Он может вести себя грубо и неприветливо, и, хотя он никогда не говорил ничего подобного напрямую, у него сложилось определенное мнение о семействе Роулингс.

– Ретта, разумеется, я буду рядом и вам помогу, но мистер Хаган лучше разбирается в юридических тонкостях. Вы...

Кристи-Линн осеклась – по рукам поползли мурашки от душераздирающего вопля из коридора. Звук был ей слишком знаком – слепая паника ребенка, застрявшего между явью и сном. Ретта мгновенно вскочила на ноги и поспешила прочь – быстро, насколько могла. Когда она закрыла за собой дверь спальни, приглушив крики ужаса, Кристи-Линн почувствовала облегчение.

Уэйд явно испугался – он замер на краю дивана, готовый при необходимости действовать.

– Что происходит? Мы должны что-то сделать?

– Кошмары, – мрачно объяснила Кристи-Линн. – И сделать ничего нельзя, только ждать, когда закончится. Ретта говорит, они бывают очень часто. Но, к счастью, в таком возрасте их обычно не запоминают.

– Похоже, ты эксперт.

– Я видела их до семнадцати лет.

Уэйд сделал большие глаза, глядя на Кристи-Линн, будто видит ее впервые.

– А сейчас уже нет?

– Уже нет. – Она не обманула. Сны, появившиеся после гибели Стивена, не имели ничего общего с кошмарами, которые обычно проходили с наступлением пубертата. – Я была нетипичным случаем. У большинства детей они проходят в семь или восемь лет. – Кристи-Линн умолкла, склонив голову набок. – Слушай – похоже, заканчивается.

Вскоре дверь спальни открылась, и Ретта вывела растерянную Айрис.

– Слава богу, в этот раз недолго. – Ретта села на стул и взяла Айрис на колени. – Иногда бывает по полчаса. Поздороваешься с Кристи-Линн, Айрис?

Айрис словно не слышала. Ее мокрое от пота и слез лицо покрылось ярко-красными пятнами. Но внимание Кристи-Линн привлекли глаза, стеклянные и пустые – похожие на глаза ее матери той ночью в морге.

– Ей нужно время, чтобы прийти в себя, – объяснила Ретта, ритмично поглаживая девочку по спине. – А иногда она вообще не просыпается. Спит дальше, будто ничего не было. Заранее и не скажешь.

Уэйд не мог отвести взгляда от Айрис.

– Часто они бывают?

– Иногда каждую ночь. Иногда отсутствуют по несколько недель.

– Она была у врача? Может, они могут помочь?

Ретта покачала головой:

– Я отвела ее, когда все только началось. Они распечатали несколько страниц из компьютера и велели прочесть. По сути, там написано, что они ничего не могут сделать и она постепенно это перерастет.

Кристи-Линн задалась вопросом, представляет ли Ретта, сколько на это может понадобиться времени, но решила не углубляться в тему.

– Слушайте, не обязательно ехать к нотариусу сегодня. Мы можем вернуться завтра, когда Айрис станет лучше. Мы все равно остаемся

на ночь.

Ретта собиралась ответить, когда на крыльце послышались тяжелые шаги. Без стука и безо всякого приветствия в дверь вошел Рэй Роулингс. Руки Ретты едва заметно сжались вокруг Айрис, ее лицо внезапно побледнело как мел.

– Рэй, что ты здесь делаешь? У меня гости.

Рэй едва глянул на бабушку, вместо этого встретившись взглядом с Кристи-Линн. На Рэе был блестящий серый костюм, слишком тесный в области талии, и выдавший виды красный галстук.

– Миссис Ладлоу, рад снова с вами встретиться.

Кристи-Линн с трудом подавила дрожь. Его улыбка напоминала грызуна, голодного и остроносого.

– Ваше преподобие.

– Ретта сказала, вы заедете. Спасибо, что проделали такой путь ради нашей Айрис.

Кристи-Линн изумленно вытаращила глаза. *«Нашей Айрис?»*

Уэйд внезапно вскочил на ноги и с явной враждебностью расправил плечи.

– Кажется, мы незнакомы, ваше преподобие.

Рэй пристально посмотрел на Уэйда, но все же протянул руку.

– Я – дядя Айрис. А вы?

– Друг миссис Паркер.

Кристи-Линн искоса глянула на Уэйда. Он сжал руки в кулаки, а на виске угрожающе пульсировала вена. Очевидно, его интуитивная реакция на преподобного Роулингса абсолютно совпадала с ее собственной.

Рэй не обратил на ледяной взгляд Уэйда особого внимания и повернулся к Айрис. Присев на одно колено, он протянул руки с сальной улыбкой:

– Иди к дядюшке Рэю.

Айрис даже не собиралась его слушать. Она прижалась к Ретте, уткнувшись подбородком ей в грудь, словно черепаха, которая пытается спрятаться в панцирь. Он попытался снова. На этот раз Айрис отвернулась, спрятав лицо у прабабушки на плече.

Ретта умоляюще глянула на внука.

– Рэй, ей только что приснился кошмар. Ты знаешь, как она себя чувствует после этого. Она не...

Рэй заставил ее умолкнуть одним взглядом, явно не собираясь уступить.

– Айрис, – рявкнул он. – Я с тобой разговариваю.

Теперь с дивана вскочила Кристи-Линн. Пусть Рэй Роулингс и дядя Айрис, она не собиралась сидеть, пока он запугивает маленькую девочку. Прежде чем она успела открыть рот, Айрис соскочила с колен Ретты и спряталась за ногами Кристи-Линн.

Рэй изображал веселье, но его терпение явно подходило к концу. Он прочистил горло, и масляная улыбка начала меркнуть.

– Ну, милая, не стесняйся. Неужели ты не рада дядюшке Рэю?

Кристи-Линн сжала зубы. Кого он обманывает? Уж явно не Ретту, которая словно приросла к креслу. И не Айрис, все сильнее сжимающую ноги Кристи-Линн от каждого брошенного дядей слова.

Во взгляде Рэя появилась угроза.

– Когда вам велят подойти, юная леди, следует подойти.

Кристи-Линн наклонилась и взяла Айрис на руки. Это стало последней каплей. И для Уэйда, судя по всему, тоже. Он резко шагнул вперед.

– Ваше преподобие, достаточно.

Рэй выдохнул и густо покраснел.

– Кто вы, черт подери, такой, чтобы командовать в моем доме?

Уэйд даже глазом не моргнул.

– Тот, кто прекрасно видит, когда запугивают ребенка. И, кажется, это дом Ретты, а не ваш.

Ретта умоляюще посмотрела на внука.

– Прошу, Рэй. Ты ее пугаешь.

Возмущение Рэя вдруг улеглось, словно он внезапно вспомнил о своей роли.

– Простите, – мягко извинился он, сложив перед собой руки. – Позади трудное время. Но я пришел к Ретте с новостями, и, думаю, вам тоже следует их услышать. После долгих молитв и духовных поисков нам с женой открылась Божья воля – мы должны принять это дитя под свое крыло, любить и воспитывать, словно родное.

Кристи-Линн испытала ужас и шок одновременно.

– Вам открылась... Божья воля?

Рэй лишь благочестиво склонил голову.

У Кристи-Линн вырвался резкий смешок.

– Должна сказать, мне столь внезапная смена настроения кажется удивительной, особенно если учесть, что две недели назад вы бросались словами вроде «мерзость».

– Неисповедимы пути Господни, миссис Ладлоу. Как верующий человек, я обязан исполнить христианский долг и сделаю это с радостью.

– Эта радость никак не связана с тем фактом, что ваша племянница вот-вот получит наследство, верно?

Рэй сделал резкий шаг вперед и сделал бы еще один, если бы его не остановил Уэйд.

– В чем конкретно вы меня обвиняете, миссис Ладлоу?

– Именно в том, о чем вы подумали, *ваше преподобие*. И мне очень любопытно: сохранилась бы ваша решимость в исполнении христианского долга, если бы я передумала и порвала документы на траст? Я подозреваю, что нет.

Фасад верующего человека резко обрушился.

– В таком случае, думаю, нам стоит выслушать мнение суда. Я говорил с юристом, и, по его словам, девочка может претендовать на долю, а значит, вы не имеете права распоряжаться деньгами мужа, как вам заблагорассудится. Судьи не слишком жалуют чужаков, сующих нос в чужие дела. Семья должна заботиться о семье.

– Но вы-то *отказались* о ней заботиться! – воскликнула Кристи-Линн. – А теперь вдруг покорно готовы искупить грехи сестры. Мне это внезапное сочувствие кажется подозрительным.

Уголки его губ медленно поползли вверх.

– Господь указал мне на мои ошибки, миссис Ладлоу. Как Савлу на пути в Дамаск.

– Ваше преподобие, избавьте нас от уроков воскресной школы. И имейте в виду, я серьезно. Об Айрис позаботятся, даже если мне придется самой оплачивать каждую заколку и каждое мороженое, но мой юрист сделает все, чтобы вам никогда не досталось ни цента из ее денег. Однако, если вы хотите обратиться в суд и предать дело публичной огласке, вперед!

Ретта посмотрела на нее с ужасом, явно напуганная перспективой судебного разбирательства. Но Рэй всерьез задумался над услышанным. После недолгого молчания он откашлялся и заговорил с холодной практичностью:

– Возможно, получится прийти к соглашению? К своего рода... компромиссу?

– К компромиссу? – осторожно повторила Кристи-Линн, жалея, что не прислушалась к предостережению Уэйда о бессовестных родственниках. Она неверно оценила преподобного – или его мотивы. Он оказался не просто ханжой, а самым настоящим ублюдком.

Глупо было этого не замечать или думать, будто стопка бумаг сможет исправить все горести в жизни Айрис Роулингс. Бедность давалась непросто, но ее нельзя сравнить с болью ненавидимого, нежеланного, нелюбимого ребенка. А для Рэя Роулингса Айрис была именно такой.

Кристи-Линн подавила дрожь негодования. Теперь он наблюдал за ней, прищурился, пытаясь прочесть мысли и планируя следующий шаг.

– Возможно... – Он осекся, прочистил горло и широко улыбнулся. – Так вот, возможно, мы с женой согласимся на некую компенсацию.

– Вы имеете в виду деньги? – уточнила Кристи-Линн.

– Я имею в виду жест доброй воли. В конце концов, Айрис – единственный ребенок моей дорогой покойной сестры. Несомненно, это стоит небольшой компенсации, скромной суммы – разумеется, выплаченной тайно – за потерю нашей дорогой племянницы?

Кристи-Линн стояла, онемев, по-прежнему сжимая напуганную и смущенную Айрис. Ретта тоже словно утратила дар речи, хоть и не слишком удивилась предложению внука.

– Почему мне кажется, что вы изначально к этому вели? Вы знали, я никогда не отдам траст под ваш контроль, и надеялись выпросить деньги за невмешательство. Я права?

Рэй наклонил голову – не признание, но близко к этому.

– Миссис Ладлоу, наша задача – прийти к соглашению. Так все будут счастливы. Ретта получит девочку и деньги, а я обрету несколько долларов за свою жертву.

Кристи-Линн с отвращением осознала, что всерьез обдумывает его предложение.

– Откуда мне знать, что все закончится... Что вы уйдете?

Рэй улыбнулся, продемонстрировав маленькие острые зубы.

– Я верующий человек, миссис Ладлоу.

И тут вмешался Уэйд. Он прошел мимо Кристи-Линн и схватил Рэя за руку.

– Ваше преподобие, давайте закончим на улице?

– Уберите руки!

Кристи-Линн сделала шаг вперед.

– Уэйд, не надо!

Но Уэйд уже тащил преподобного к двери, едва сдерживая ярость. Кристи-Линн поняла: если она не вмешается, Рэй с большой вероятностью окажется в больнице, а Уэйд – на заднем сиденье полицейской машины. Она отдала Айрис Ретте и побежала следом – Уэйд уже стаскивал Рэя по ступенькам во двор.

Лицо священника стало ярко-багровым, он, как безумный, размахивал руками, но ни разу не попал в цель.

– Вы отправитесь в тюрьму!

К удивлению Кристи-Линн, из семейного фургона вдруг появилась глубоко беременная миссис Роулингс и поспешила на выручку к мужу, насколько позволял живот.

– Отпустите его! – завопила она. – Вы напали на служителя церкви!

Но никто не слушал. Рэй извергал потоки не самых благочестивых слов и брызгал слюной, словно бешеная собака, пытаясь освободиться из хватки Уэйда. Уэйд же, судя по всему, хотел скорее удержать его, чем ударить. Кристи-Линн почти почувствовала разочарование.

Наконец Уэйд в последний раз дернул Рэя за руку и так резко отпустил, что тот едва не свалился.

– Вы серьезный человек, – процедил он сквозь зубы, пока Рэй стоял и стирал с подбородка слюну. – Всерьез угрожаете. Всерьез запугиваете. Я согласен, пойдете в суд. Но я сомневаюсь, что вам действительно хочется там оказаться. Скорее, даже наоборот. Понимаете ли, ваше преподобие, я немного подготовился к встрече. Ходит слух – хотя я уверен, что это не просто слух, – об одной девушке из группы поддержки средней школы Риддлсвиля. Ее зовут Тина Гибсон, и она, насколько я знаю, ваша прихожанка. Поет в юношеском хоре. Ни о чем не напоминает?

Рэй опустил руки и замер.

Эллен сделала шаг вперед, положив руку на живот.

– Рэй?

Но Рэй не смотрел на жену.

– Вы не знаете, о чем говорите.

– Давайте посмотрим, – холодно ответил Уэйд. – Если верить моему источнику, прошлым летом Тине пришлось уехать на несколько месяцев: она чуть не погибла после визита к определенной медсестре в Уилере – вы не только ее туда отвезли, но и оплатили прием. Последнее я доказать не смогу, но это кажется вполне логичным.

Кристи-Линн стояла с открытым ртом, глядя на разворачивающуюся перед ней драму. Откуда Уэйд мог такое узнать? Тем не менее это явно было правдой: Рэй вдруг ужасно посерел, словно лишившись крови. Он стоял в наполовину расстегнутой рубашке и мрачно смотрел на Уэйда.

– Ложь!

– Нет, если верить парню Тины. Кажется, его зовут Даг Симпсон. Капитан команды по борьбе, и он очень на вас зол. Ему не терпелось поделиться подробностями. И я уверен, он готов поделиться ими с каждым – в том числе с судьей, если вы настаиваете. Впрочем, я бы не советовал. Я не эксперт, но сомневаюсь, что трехлетнюю девочку согласятся отдать такому мерзавцу. Хотя я могу ошибаться. Можете проверить.

Эллен Роулингс слушала разговор совершенно неподвижно, но теперь на ее щеках проступили красные пятна. Она подлетела к мужу, кипя от ярости.

– Ты говорил, это ложь. Ты клялся!

Рэй повернулся к жене, сжав кулаки:

– Замолчи, Эллен!

Уэйд улыбнулся, но в суровом взгляде не было ни капли веселья.

– Короче говоря, Рэй. Если ты продолжишь упорствовать, если попытаешься забрать ребенка ради денег или вздумаешь запугивать бабушку, о твоих делишках узнает весь город. О девушке из группы поддержки. О поддельных чеках. О схеме с недвижимостью. Обо всем. И твоё благочестивое служение на этом закончится.

Рэй молча открывал и закрывал рот, сжимая в руке галстук. Вскоре он повернулся к фургону и ушел прочь, оставив позади беременную жену.

Кристи-Линн смотрела им вслед, задержав дыхание, а когда машина скрылась за поворотом, повернулась к Уэйд:

– Что сейчас произошло?

– Думаю, я избавился от его преподобия.

Кристи-Линн с облегчением и удивлением кивнула.

– Да, это я поняла. Но откуда ты узнал про девушку из группы поддержки?

– Как я и сказал Рэю, я подготовился к встрече.

– Сделал еще один звонок?

– У меня было предчувствие, и оно оказалось верным. У парня бурное прошлое, нужно просто найти подходящих людей. Даже пара арестов, о которых вряд ли знает его паства. Ты была права. В суд он не собирался – не с таким прошлым, – но рассчитывал на твое незнание.

– Вот зачем ты решил поехать, – внезапно догадалась Кристи-Линн. – Хотел присутствовать на случай, если он появится и попытается вмешаться. Но откуда ты знал?

Уэйд пожал плечами:

– Я не знал. Но подобные люди не меняются. Я не хотел, чтобы тебя облапошили.

На мгновение Кристи-Линн утратила дар речи, в горле встал ком. Уэйд сделал это ради нее. Не ради Айрис, которую встретил сегодня впервые, а ради нее, потому что понял, как это важно.

– У меня нет слов, честно. Разумеется, кроме «спасибо». Не представляю, как бы все обернулось, если бы ты не поехал. Возможно, я бы правда ему заплатила. Отдать Айрис этому... – Она осеклась, не желая продолжать мысль. – Думаю, нам лучше вернуться в дом и сообщить Ретте, что все целы.

Сорок два

Когда они зашли обратно в дом, Ретта тихо плакала и качала Айрис, мурлыкающую себе под нос какую-то невнятную мелодию. Ретта подняла взгляд и заморгала, пытаясь сфокусироваться.

– Где Рэй?

– Сомневаюсь, что он появится в ближайшее время, – мягко сказал Уэйд. – У нас состоялся разговор. Кажется, он понял, что Айрис лучше с вами.

Ретта кивнула, хотя явно ничего не могла понять. Она прикрыла глаза и прерывисто выдохнула.

– Мне нужно покурить. Присмотрите за ней, пока я побуду снаружи?

Кристи-Линн повернулась к Уэйду:

– Справишься? Я хочу поговорить с Реттой.

Ретта поцеловала девочку в бледный лоб.

– Нанни нужно ненадолго выйти на крылечко. Останешься с хорошим дядей, займешься раскрасками?

Айрис повернулась к Уэйду.

Его лицо мгновенно смягчилось, он наклонился к малышке и заглянул в огромные глаза.

– Кристи-Линн показывала мне рыбку, которую ты для нее раскрасила. Она прикрепила ее на холодильник, чтобы видели все друзья. Как думаешь, сможешь раскрасить и для меня? Например, голубую?

Айрис посмотрела с опаской, но взяла протянутую руку. Кристи-Линн наблюдала, как он повел ее к разбросанным в углу раскраскам и опустился рядом на коврик, словно раскрашивание с трехлеткой было для него обычным делом.

Ретта с трудом поднялась с кресла, уже нащупывая в карманах сигареты. Двигаясь медленно, почти судорожно, она вышла на крыльцо и направилась к стулу. Когда она вытаскивала из мятой пачки сигарету, у нее дрожали руки. Закурить удалось лишь с третьего раза.

Сначала Ретта сидела молча, вдыхая и выдыхая дым. Потом наконец повернулась к Кристи-Линн.

– Простите моего внука. Он... дурной человек.

– Вы знали, да? И поэтому не хотели показывать ему бумаги? Боялись, он попытается сделать нечто подобное?

Ретта устало кивнула и выпустила изо рта дым.

– Я знала: он попытается добраться до денег, если узнает, поэтому молчала. Но как-то раз он пришел, а бумаги лежали на кухонном столе. Ему плевать на девочку. Как и Эллен. Они видят только доллары.

– Почему вы мне не сказали?

– Он велел не говорить. – Она закрыла глаза. – У него ужасный характер.

– Ретта, вы его боитесь? – спросила Кристи-Линн, заранее зная ответ.

– Дело не только в этом. Они с Эллен – моя единственная семья. Они покупают мне продукты и лекарства, возят к врачу. Не представляю, что буду без них делать. Но это еще не самое худшее. – Ретта помолчала, выбросила в пепельницу сигарету и зажгла новую. – Однажды меня не станет. И что тогда? Они были моей единственной надеждой для Айрис, поэтому я так металась. Отчасти надеялась, что деньги их привлекут. Но сегодня я услышала слова Рэя, увидела личико Айрис и поняла – я его к ней не подпущу. Скорее отдам ее в приемную семью. Там у нее хотя бы будет шанс.

Кристи-Линн сделалось дурно от ее слов. Так говорила и Мисси. Но они ошибались. Уж она-то знала.

– Нет. Должна же быть какая-нибудь местная семья, готовая ее принять, – приличная семья. Мой юрист мог бы помочь оформить документы на удочерение.

– Для кого? – возразила Ретта, уже практически плача. – Никого нет. Разве только...

Кристи-Линн выжидательно подняла взгляд.

– Ее могли бы забрать вы, – мягко, но быстро предложила Ретта, словно захлопнув капкан. – Увезти отсюда, дать лучшую жизнь – настоящую жизнь.

У Кристи-Линн вдруг зашумело в голове и потяжелело в груди.

– Ретта, я не могу.

– Вы нужны ей, Кристи-Линн. Я давно заметила, но окончательно убедилась, когда наблюдала за вами возле могилы Хани. А вам нужна она.

Кристи-Линн встала и отошла к перилам, как можно дальше от Ретты.

– Ретта, это невозможно. Я не могу объяснить, почему, просто... невозможно.

– Из-за Хани?

– Из-за меня. Я не могу выполнить вашу просьбу по миллиону причин, но ни одна из них не связана с Айрис – или с Хани. Айрис нужна мать, а из меня мать не выйдет. Поэтому у меня нет своих детей.

– Люди меняются, – тихо заметила Ретта. – Растут. Иногда все меняется за один день.

Кристи-Линн покачала головой, не в силах вынести откровенную мольбу в глазах Ретты.

– Кристи-Линн, девочке нужна мама. А вам нужно что-то делать со своим большим сердцем. Вы нужны друг другу. А разговоры о вашей непригодности к материнству – ерунда.

Кристи-Линн наконец повернулась – она скрестила руки, словно пытаясь отгородиться от ужасной просьбы. Но ведь это было неизбежно, разве нет? Ретта не могла не попытаться? Ведь она не знала – *не могла знать*, – что, отдав девочку Кристи-Линн, она лишь обречет ребенка на новые беды. А новые беды сейчас нужны Айрис меньше всего на свете.

– Ретта, я понимаю, вы в отчаянии. И я помогу всем, чем получится, но вашу просьбу выполнить не смогу. – Голос Кристи-Линн задрожал. – Мне ужасно жаль.

Открылась дверь. На крыльцо вышел Уэйд.

– Заснула, – мягко сообщил он, а потом заметил потрясенное лицо Кристи-Линн. – Что случилось?

– Ничего. – Кристи-Линн вытерла слезы. – Просто... нам надо ехать. Принесешь мою сумку? – Она уже спускалась вниз, к «Роверу». – Простите, Ретта. Я позвоню. Просто... мне пора.

Уэйд молча протянул руку за ключами от машины. Он не представлял, что стряслось, но, судя по виду Кристи-Линн, ей за рулем делать было нечего.

Она залезла на пассажирское сиденье, глядя в одну точку, двигаясь тяжело и неловко, словно пыталась не развалиться на куски. Она молчала, когда они выехали со двора, молчала, когда проезжали разрушенный центр Риддлсвиля, молчала, когда вернулись на трассу. Наконец Уэйд задал вопрос.

– Расскажешь, что там произошло?

– Я не хочу это обсуждать. – Кристи-Линн отвернулась к окну, закончив разговор.

Уэйд поборол желание на нее надавить. Он еще многого не понимал в поведении Кристи-Линн, но уже твердо уяснил – давление ничего не даст.

Она немного поспала. Во всяком случае, он так думал. И лишь когда они пересекли границу Вирджинии, он понял: она не спит, а тихо плачет. Он свернул на ближайшую парковку для отдыха, подъехал к зоне для пикника и выключил двигатель.

Кристи-Линн резко села, вытирая глаза кулаками.

– Что такое?

– Я подумал, ты захочешь умыться. Принесу тебе попить из автомата.

– Спасибо, но я в порядке.

Уже второй раз за поездку Уэйд проглотил первую реакцию – замечание, что она далеко не в порядке. Вместо этого он взял Кристи-Линн за руку.

– Чем я могу помочь?

Она отвела взгляд.

– Ничем. Ты ничего не можешь сделать.

– Я хочу помочь.

На мгновение напряжение в ее теле спало, и рука расслабилась. Но потом Кристи-Линн вдруг отстегнула ремень безопасности и выскочила из машины. Уэйд поспешил следом, но ненадолго запутался в ремне, дав ей фору. Кристи-Линн бежала в панике, как безумная, спотыкаясь на заросшей тропе и скрываясь среди деревьев.

Уэйд не стал ее звать; она бы все равно не остановилась. Вместо этого он изо всех сил старался сократить дистанцию и неся по тропе, пока не смог схватить Кристи-Линн за руку.

– Куда ты?

Кристи-Линн повернулась. Ее лицо покрылось пятнами и промокло от слез.

– Оставь меня!

– Не могу. Ты расстроена и сама не знаешь, куда бежишь. – Он сделал шаг назад, отпустив ее руку, но оставался начеку, готовый снова броситься в погоню. – Пожалуйста, поговори со мной. Позволь помочь.

Он ожидал новой колкости, но Кристи-Линн внезапно сдалась.словно сдувающийся шарик, она обмякла и с горьким всхлипом привалилась к нему. Он повел ее обратно по тропе к парковке и посадил на бетонную скамейку. Какое-то время они молчали.

– Прости, – через несколько минут сказала Кристи-Линн. Она перестала плакать, но говорила сдавленным, хриплым голосом. Потом провела рукавом по лицу, вытирая глаза. – Я не хотела так проиграть.

– Не извиняйся. Просто расскажи, что случилось.

Она опустила взгляд, колупая ботинком грязь.

– Ретта попросила меня забрать Айрис – навсегда.

Уэйд вытаращил глаза.

– В смысле? Удочерить?

– Да.

Ее ответ прозвучал едва слышным шепотом, а разглядывая ее лицо, Уэйд вспомнил пострадавших в катастрофах людей, у которых долгие годы брал интервью, – ошеломленное молчание, словно она пережила страшную трагедию и только осознавала масштабы бедствия.

Он постарался сохранить непроницаемый вид.

– Какая самонадеянность – просить о подобном едва знакомого человека.

Кристи-Линн снова вытерла глаза и покачала головой:

– Не самонадеянность. Отчаяние. Она боится, что после ее смерти Айрис попадет в приемную семью – или к Рэю.

– Ты уже сделала больше, чем могла, Кристи-Линн.

– Знаю.

– Тогда почему ты плачешь?

– Неважно. Ерунда.

– Нет, важно, Кристи-Линн. Я только что бегал за тобой по лесу.

Кристи-Линн помолчала, задумчиво глядя вдаль.

– Я знаю, каково это, – наконец призналась она. – Быть одной в целом мире. Знаю, каково это.

Уэйд потянулся к ее руке, но потом передумал, испугавшись, что опять ее напугает.

– Сколько тебе было лет, когда ты потеряла мать?

Кристи-Линн моргнула. По щекам снова поползли слезы.

– Я ее не теряла.

– Но я думал...

– Что она умерла, да? Я хотела, чтобы ты так думал.

Уэйд ожидал чего угодно, но только не этого.

– Почему?

– Потому что *хотела* ее смерти, – всхлипнула Кристи-Линн. – И была практически уверена, что она мертва. Последний раз я видела ее в шестнадцать лет. Она лежала в больнице, под арестом, потому что ударила своего парня по лицу, после чего он распорол ей щеку ножом, и потому что была воровкой и наркоманкой. Она отправилась в тюрьму, а я – в приемную семью.

Услышанное словно ударило Уэйда в солнечное сплетение, и детали тотчас сложились в единое целое. Один ключевой элемент истории, и все вдруг стало ясно: одержимость Айрис, желание исправить безответственность ее родителей, стремление обеспечить девочке спокойное будущее. Все наконец сошлось. И картина вышла душераздирающая.

– У меня нет слов. Кажется, я понимаю, почему ты так переживаешь из-за этой истории. Сколько времени ты провела у чужих людей?

– Недолго. Я убежала. И почти два года жила на улице.

Уэйд молчал, осознавая ее слова. Два года на улице, еще почти ребенок. Он с трудом поборол желание ее обнять.

– В приемной семье было так плохо? – спросил он.

– Мне – да. И когда я представляю, что Айрис придется пройти через нечто подобное, я просто... – Она замолчала и покачала головой: – Это невыносимо.

Теперь Кристи-Линн покачивалась вперед-назад, погрузившись в себя, вновь и вновь поглаживая большим пальцем запястье. Уэйд присмотрелся к жесту и нахмурился, смутно что-то припоминая. А потом вспомнил – тот вечер на веранде, когда он спросил ее про

шрамы. Тогда три маленьких шрама, о происхождении которых Кристи-Линн якобы не помнила, показались несущественными. Но теперь Уэйд сомневался.

Он взял ее за руку и удивился отсутствию сопротивления.

– Я тебя про них уже спрашивал, – сказал он, проведя пальцем по трем полумесяцам. – Ты сказала, что не помнишь, откуда они, но мне кажется – помнишь.

Кристи-Линн кивнула, и по ее щекам снова потекли слезы. Уэйд не знал, что сказать, не представлял, как облегчить ее боль, и просто молча держал за руку. Кристи-Линн имела право на горе, имела право запереть свой личный ад на замок и держать его закрытым.

А потом безо всякого давления с его стороны все вылилось наружу.

Сорок три

*Гус-Крик, Южная Каролина.
18 июля 1998 г.*

Кристи-Линн приоткрывает дверь ванной, убеждается, что путь свободен, и выходит в коридор, обернутая в полотенце. Она живет у Хоули уже два месяца, но по-прежнему чувствует себя чуждой – новым ребенком, за которым все украдкой наблюдают. Снизу доносятся звуки ночных новостей и равномерный храп спящего возле телевизора Денниса Хоули. Он всегда отключается к этому времени, убаюканный ежевечерней банкой пива, пока его жена отработывает ночную смену в «Чарльстон Мемориал».

Кристи-Линн берется за ручку двери в свою спальню, пытаясь вспомнить, когда успела ее закрыть. Вспомнить не получается, но это неудивительно. В последнее время она живет словно в тумане. В комнате темно. Кристи-Линн не помнит, как выключала лампу возле кровати. У нее по шее впервые пробегают тревожные мурашки.

Пахнет затхлым дымом, кислым потом и перегаром. Едва она понимает, что не одна, как чья-то рука хватается за мокрые волосы и тянет назад. Пока она набирает воздух для крика, вторая рука зажимает ей рот и нос. Кристи-Линн брыкается и выворачивается, но тщетно. Ее тащат по комнате, и полотенце теряется где-то в темноте.

Ее швыряют на кровать, ударяя головой об изголовье, и перед глазами вспыхивают искры. А потом появляются другие руки – сжимают рот, удерживают запястья, разводят ноги. Их двое, с отворачиванием понимает она, ее трогают две пары рук. То, что вот-вот произойдет – уже происходит, – тяжело даже осознать. Она не может двигаться, не может дышать, не может кричать.

Кто-то залезает на нее сверху, безликая тень во тьме выдавливает воздух из ее легких, запускает потную руку между их телами. А потом что-то пронзает ее между бедер, раздирает ее сердцевину, разрывает ее пополам. В какой-то момент она пугается, что сейчас захлебнется собственной рвотой из-за зажато рта.

Короткая серия толчков, отвратительное пыхтение и, наконец, судороги лежащей на ней тяжелой, липкой плоти.

Она не представляет, сколько еще проходит времени, пока она лежит, пригвожденная к матрасу, пытаясь дышать сквозь прижатые к лицу чужие пальцы, но в какой-то момент тяжесть пропадает. Она слышит щелчок, на мгновение загорается пламя дешевой зажигалки, и она впервые видит над собой мокрое от пота лицо Терри Блевинса.

– Братец, хочешь тоже? – спрашивает тот, затягиваясь сигаретой и не слезая с Кристи-Линн. – Я подержу.

– Давай убираться отсюда, пока не проснулся старик, – отвечает Тодд, младший брат, который зажимал ей рот и держал руки. Похоже, он напуган, словно только осознал содеянное.

– Да ладно, приятель. Она готова. Или ты боишься?

– Не боюсь, – угрюмо буркает Тодд. – Просто не хочу.

На долю секунды давление на ее лицо ослабевает. Она выворачивает голову и начинает кричать. Но звук прерывается из-за удара ладони по щеке. Во рту появляется привкус крови.

– Держи ее крепче, придурок, – рычит Терри на брата. Снова затягивается и выпускает дым Кристи-Линн в лицо. – А ты, заносчивая сучка, лежи и слушай. Поняла?

Запястья сжимают еще сильнее – так, что начинают неметь пальцы. Она лежит, неподвижная и ошеломленная, а в уголках глаз блестят слезы.

– Ты никому не расскажешь, – со злоеющей мягкостью говорит Терри, и она чувствует запах пива в его дыхании. – Сделаешь вид, будто ничего не случилось. А если вздумаешь устраивать нам проблемы, мы вернемся.

Он наклоняется ближе и делает еще одну затяжку. Оранжевый кончик сигареты светится в темноте угрожающе близко – она уже чувствует щекой его жар. Кристи-Линн закрывает глаза и пытается вырваться. Но внезапно запястье пронзает ослепительная боль. Кристи-Линн мечется и бьется, но освободиться не получается – следует новый удар, а потом к ее коже снова прижимают сигарету. Где-то над головой ахает Тодд.

– Господи, Терри... Оставь ее в покое. Ты получил, что хотел.

– Заткни пасть, мелкий, – огрызается Терри. – Я не закончил.

Он наклоняется и вжимает сигарету в запястье Кристи-Линн, пока она не чувствует запах горелой плоти.

– Теперь ты запомнишь наш разговор, – угрожающе шепчет он ей на ухо. – Ни слова. Иначе я вернусь и буду совсем не таким ласковым.

Когда Кристи-Линн наконец поднимается с кровати, она не знает, сколько прошло времени – час или четыре. Она насухо вытерлась и точно знает, что делать. У нее осталось семнадцать долларов, остатки чаевых из закуской. Слишком мало. Но оставаться нельзя.

Она одевается в темноте, не обращая внимания на запястье и тупую боль между ног. Освобождает рюкзак – учебники больше не понадобятся – и складывает туда джинсы, футболку и джинсовую куртку. Больше ничего не помещается, но спортивная сумка была бы слишком тяжелой. И подозрительной.

Уже возле двери Кристи-Линн вспоминает про конверт в тумбочке возле кровати. Сейчас глупо думать о подобных вещах – бессмысленной безделушке, – но Кристи-Линн почему-то не может оставить ее здесь. Забрав конверт, она прячет его в задний карман, вешает рюкзак на плечо и выходит в коридор.

Задержав дыхание, спускается вниз по ступеням. В гостиной Деннис Хоули продолжает храпеть на диване из искусственной кожи, на его лице отражаются синие всполохи телевизора. Кристи-Линн смотрит на входную дверь и принимает решение не рисковать. Поворачивает в коридор и крадется в спальню Хоули.

На тумбочке лежат бумажник, горстка мелочи и ключи от машины. Кристи-Линн на мгновение задумывается о «Патфайндере» в гараже, но быстро отказывается от этой идеи. Она забирает бумажник, надеясь, что внутри есть деньги, и подходит к окну. Открывает створку и спрыгивает с подоконника в гортензию.

На востоке розовеет небо, и уже гаснут звезды. Скоро взойдет солнце, и к тому моменту она уже окажется далеко от братьев Блевинс.

Сорок четыре

Кристи-Линн опустила взгляд на сжатые, побелевшие руки.

– Я никому не рассказывала о той ночи. Даже Стивену. Я думала, что оставила ее позади. Но потом встретила Айрис. Когда Ретта сказала, что Айрис может попасть в приемную семью, кто-то словно распахнул дверь в моей памяти. И все хлынуло обратно, только на этот раз ее история смешалась с моей, и я уже не могу их разделить. Мое прошлое словно ее будущее.

– И ты хотела его исправить, – мягко сказал Уэйд.

– Да. Я надеялась, траста будет достаточно, и деньги Стивена защитят Айрис. Но сегодня, когда появился Рэй, я поняла – деньги ничего не изменят. У нее будут хорошие вещи, возможно, приличная школа и, при желании, даже престижный университет, но того, что ей нужно на самом деле, не купишь на все деньги мира.

– Чего?

– Мать. – В горле встал ком от чувства вины вперемешку с безграничной печалью. – Я была на месте Айрис. Знаю, каково быть маленькой девочкой с такой пустотой. Поэтому не выдержала, когда Ретта попросила ее забрать. Я не способна этого дать. Не могу.

Теплые, крепкие руки Уэйда накрыли ее ладони.

– Не представляю, кто бы смог. Не в таких обстоятельствах.

Кристи-Линн резко подняла голову.

– Нет, дело не в Хани и не в Стивене.

– Тогда в чем?

– В обещании, которое я дала себе много лет назад. Я всегда знала: хорошей мамой мне не стать. Матери вроде меня становятся дрянными ролевыми моделями, плюс сомнительная генетика. В общем, решила не рисковать.

– На мой взгляд, ты зря беспокоишься, если это тебя утешит.

– Возможно, но статистика не на моей стороне. И я не способна чувствовать, как другие женщины. Словно я бракованная, мне не хватает деталей.

Уэйд изумленно уставился на Кристи-Линн.

– Ты же не серьезно?

– Почему?

– За всю свою жизнь я не встречал человека, способного чувствовать глубже, чем ты, и я в шоке, что ты этого не осознаешь. Я готов поверить, что ты *боишься* глубоких чувств, но не можешь с ними справиться. Ты необыкновенно заботливый человек. Возможно, даже слишком, если такое бывает.

– Сейчас – может быть, – сказала Кристи-Линн и отвела взгляд, – Но не всегда. Не с матерью. Я делала что могла. Старалась обеспечить нас едой и чистой одеждой. Но потом ее начали отовсюду увольнять. Она крада с работы деньги, приводила домой мужчин. Когда ее арестовали, во мне что-то выключилось. Я просто... устала. Но она моя мать. Я должна была выдержать или хотя бы вернуться.

Уэйд снова посмотрел на нее с изумлением.

– Как ты можешь так говорить? Бога ради, ты же была ребенком. Жила в настоящем аду, даже представить сложно.

– Я должна была удержать ее от саморазрушения, и какое-то время мне это удавалось. Может, если бы я осталась... – Она умолкла, ненадолго прикрыв глаза. – Судья сказал, если она приведет себя в порядок, я смогу вернуться. Но я предпочла скрываться. Потому что возвращение казалось хуже жизни на улицах. И я исчезла. Не звонила, не писала, ничего. Несколько недель назад я решила ее поискать. А прежде даже не знала, жива она или нет.

Уэйд тяжело выдохнул.

– Начинаю понимать, почему ты считаешь своим долгом все исправлять. Ты с детства чувствуешь ответственность за весь мир.

Кристи-Линн пожала плечами. Она не знала, прав Уэйд или нет, но, если *прав*, она явно потерпела сокрушительную неудачу. Несмотря на все юридические и финансовые ухищрения, будущее Айрис осталось практически неизменным. Кроме того, Кристи-Линн в панике сбежала от Ретты.

Кристи-Линн подняла взгляд на Уэйда, внезапно почувствовав жуткую усталость.

– Что сказать? Я абсолютная, неисправимая неудачница.

– Никакая ты не неудачница. Просто запуталась, и неудивительно. День выдался долгий. Можем поехать в ближайший отель и лечь спать, или я отвезу тебя домой. Выбирай.

– Домой, – без колебаний попросила Кристи-Линн. – Я хочу домой.

Когда Уэйд припарковался возле дома, была уже почти полночь. Кристи-Линн настолько устала, что у нее едва хватило сил выбраться из машины и зайти в дом. Она пыталась спать по дороге, но каждый раз, когда закрывала глаза, возникало лицо Ретты.

«Вы нужны друг другу».

Это неправда. Айрис нуждалась в матери, в ком-то, кто сумеет починить разрушенное детство. Кристи-Линн явно не подходила на эту роль. Судя по всему, ей еще предстояло починить себя саму.

Уэйд взял с заднего сиденья ее сумку, обошел машину и открыл дверь. Вылезая, Кристи-Линн почувствовала себя странным образом отделенной от тела, словно ее часть осталась в Риддлсвиле.

– Можешь не провожать, – запротестовала Кристи-Линн, когда Уэйд взял ее под руку и повел к крыльцу. – Я в порядке.

– Тс-с. – Он открыл дверь и поставил на пол сумку с ее вещами. – Давай ты примешь душ, а я пока приготовлю ужин?

Кристи-Линн глянула на часы.

– Уже почти полночь, и ты вел всю обратную дорогу. Ты, наверное, валишься с ног.

– Возможно, но, как я помню, в последний раз мы с тобой ели двенадцать часов назад. Я не сяду в машину, пока тебя не накормлю. Иди, включай воду, не мешай мне делать мою работу.

– Работу? Какую работу?

Он улыбнулся.

– Заботиться о тебе.

И правда. Он заботился о ней весь день. И, если честно, задолго до этого.

– Но почему ты заботишься обо мне?

– Потому что этого не делаешь ты. А кто-то должен.

Мягкость в голосе Уэйда застала Кристи-Линн врасплох, его доброта грозила растопить ее в лужицу. Так легко было бы на него положиться, впустить в свою жизнь. Но что потом? Как быстро ему

надоест эмоциональная благотворительность и все разрушится? Ведь это случится. Несомненно, случится.

– Слушай, я понимаю, ты пытаешься помочь, но я в порядке. Правда. Не нужно за мной присматривать.

– Зато за мной нужно, – ухмыльнулся он. – Я умираю с голоду, так что пойду обыщу твою кухню.

Полчаса спустя Кристи-Линн вернулась уже в халате и мягких носках. Уэйд поставил в гостиной пару подносов и нес с кухни тарелки с яичницей-болтуней и тостами. Он даже сделал две чашки чая. От этого всего у Кристи-Линн странным образом сжалось горло. Она не помнила, когда для нее в последний раз готовили яичницу. Или хоть что-нибудь.

– Это было вовсе не обязательно, – смущенно сказала Кристи-Линн. – Знаю, ты считаешь меня беспомощной, но я уже давно научилась за собой ухаживать.

– Да. Я бы сказал, слишком давно. – Уэйд сел на диван и взял вилку. – И я не считаю тебя беспомощной. Но иногда принимать помощь – это нормально. А теперь ешь. Я пытался найти какой-нибудь женский фильм, но в такое время показывают только ночные телешоу или рекламные передачи.

– Спасибо. Я с удовольствием поем в тишине.

Пока они ужинали, между ними мурлыкал Толстой, уютно устроившись на диване. После суматошного дня казалось немного странным просто есть яичницу в гостиной. Кристи-Линн украдкой глянула на жующего хлеб Уэйда, вспоминая, как он пригрозил выдать Рэя, если тот посмеет хотя бы взглянуть в сторону Айрис. Кристи-Линн никогда не верила в доблестных рыцарей, но сейчас Уэйд вел себя именно так. Завтра надо будет позвонить Ретте и объяснить, почему она не может выполнить просьбу об удочерении, но сейчас можно просто есть яичницу и не думать о завтра.

Доев свою порцию, Кристи-Линн отнесла посуду на кухню и вернулась за подносами. Уэйд лежал, прислонившись к подлокотнику дивана и откинув голову на подушки. Кристи-Линн стояла и смотрела на него, разглядывая каждую деталь – плавные движения груди, темную щетину на челюсти, мелкие морщинки вокруг глаз, которые разглаживались, когда он расслаблял лицо.

Словно почувствовав ее присутствие, Уэйд медленно открыл глаза. Он смотрел на нее и молчал. Кристи-Линн тоже молчала, окаменев от его взгляда и безумного водоворота собственных эмоций: тепла, благодарности – и доверия. Последнее было для нее в новинку, но, несомненно, было. Каким-то незаметным образом Уэйд стал частью ее жизни, ее тихой гаванью.

– Спасибо, – прошептала Кристи-Линн, опускаясь с ним рядом. – Не представляю, как бы я сегодня без тебя справилась. Да и не только сегодня. Я всегда с трудом впускала людей, но ты оказался здесь, и я рада.

– Я тоже рад.

На этот раз она не стала сопротивляться, когда Уэйд взял ее руку и повернул ладонью вверх. Кристи-Линн наблюдала, как он провел пальцами по трем маленьким шрамам, а потом мягко прикоснулся к ним губами.

– Мне жаль, что тебе пришлось столько пережить, но я рад, что ты смогла поделиться со мной. На случай, если тебе никто не говорил, ты весьма выдающийся человек.

Его слова подействовали на Кристи-Линн странным образом: будто где-то внезапно раскрылся невидимый замок, и ей удалось избавиться от страхов, которые ее сдерживали. Но в глубине души она всегда осознавала неизбежность этого момента: что однажды их отношения изменятся навсегда.

Кристи-Линн попыталась подобрать слова, как-то заполнить тишину, остановить безрассудные мысли. Но ничего не смогла придумать, и тогда просто поцеловала Уэйда – сперва осторожно, потом все глубже, выпуская все накопленные за день эмоции. Он был теплым и крепким, безопасным. Пьянящая смесь – и пугающая. Но Кристи-Линн все равно поддалась чувствам, которые сдерживала так долго.

Их прервал Уэйд, резко отпрянув, из-за чего Кристи-Линн вдруг почувствовала себя потерянной. Она смущенно глянула на него.

– Что...

– Это плохая идея, Кристи-Линн, – спокойно сказал он, удерживая ее на расстоянии вытянутой руки.

– Почему?

– Потому что ты устала и действуешь на эмоциях. И, я боюсь, путаешь благодарность с чем-то другим.

– Нет.

– А я думаю, да. Возможно, ты забыла, но, когда мы двинулись по этому пути в прошлый раз, ты четко дала понять, что не готова. А я дал понять, что не хочу пользоваться слабостью друга. И думаю, что с тех пор ничего не изменилось.

– Не знаю, – мягко сказала Кристи-Линн. – Увы. Но знаю, что хочу провести сегодняшнюю ночь с тобой.

– Кристи-Линн...

– Останься.

– Я не должен.

Она наклонилась, преодолев неуверенную оборону вытянутой руки, и мягко коснулась его губ.

– Прошу.

Это простое слово сокрушило все укрепления Уэйда. Он обхватил Кристи-Линн, крепко прижал к себе и прильнул к ее губам влажным, голодным ртом. Но уже через мгновение отстранился и в последний раз пристально посмотрел ей в глаза.

– Ты уверена?

– Не уверена ни в чем, кроме этого... Я хочу тебя... Сейчас.

Оба молчали, пока Кристи-Линн вела Уэйда в спальню. Она развязала дрожащими руками халат и позволила ему соскользнуть на пол. Медленно тянулись секунды, а она стояла голая, дрожа в свете луны из открытого окна, и наслаждалась блуждающим по ней взглядом Уэйда.

Но вместе с тем Кристи-Линн терзала нерешительность – тихий голосок, напоминающий, что еще можно остановиться. Сейчас, пока еще не слишком поздно. Она проверяла себя? Или Уэйда? Или просто хотела забыться, найти укрытие на ночь, как когда-то спряталась в Стивене? Кристи-Линн не знала ответов, но ей вдруг стало все равно. Она тянулась к Уэйду, а он – к ней. Времени для колебаний не осталось.

Первое прикосновение стало шоком – его теплая кожа и твердые изгибы и ее нагота. Она услышала резкий вдох Уэйда и поняла: он чувствует то же самое. А потом они пересекли черту, то крошечное мгновение, когда еще можно остановиться. Теперь Кристи-Линн

прижималась к нему, задержав дыхание и откинув голову, поддаваясь головокружительной атаке его губ, прильнувших к ее ключицам. Дразняще медленно, он двинулся вверх, к ее устам.

Кристи-Линн поднялась на цыпочки навстречу поцелую, по всему телу разлилась сладкая боль. Она выдохнула его имя и услышала в ответ свое. Мольба. Обещание. А потом они вдруг упали на залитую лунным светом постель, дав волю мучительной жажде.

Уже после они тихо лежали рядом, запутавшись во влажных простынях. Кристи-Линн закрыла глаза и слушала шум крови в ушах. Рядом глубоко и ровно дышал Уэйд, постепенно проваливаясь в сон, и его кожа все еще излучала тепло после занятия любовью. Он прикасался к Кристи-Линн, как прежде не прикасался никто, словно получил ключ ко всем секретным местам, что она так тщательно оберегала, полностью раскрыл ее и обнажил. И теперь, заново переживая каждый упоительный миг, Кристи-Линн понимала – она совершила ужасную ошибку.

Рано или поздно Уэйд тоже это поймет. Она отчаянно хотела поверить, что все изменилось, *она* изменилась, но ошибалась. События дня всколыхнули ее прошлое, словно тину со дна застойного пруда, красноречиво напомнив: доверять людям опасно. Ее мать. Хоули. Стивен. Череды предательств и нарушенных обещаний. А теперь Уэйд. Только в случае с Уэйдом опасность представляла она, обремененная эмоциональным багажом и склонностью к побегу.

Внезапно перед глазами возникло лицо Шарлен Паркер, словно привидение на киноэкране. В голове прозвучали слова Дар: *«Позволь воспоминаниям тебя догнать...»*

Пожалуй, самое время последовать этому совету.

Кристи-Линн дождалась, пока Уэйд заснет, вылезла из-под одеяла и открыла нижний ящик тумбочки. Белый конверт зловеще сиял под светом луны. Кристи-Линн достала его, на мгновение замешкалась, но потом собрала одежду и выскользнула из комнаты.

Уже на кухне Кристи-Линн поспешно нацарапала записку и оставила ее на столе. Разумных объяснений у ночного побега нет, но нужно было сказать хоть что-то.

*Уэйд,
ты был прав. Я не готова. Я ужасно сожалею – обо
всем. Я должна кое-что сделать. Пожалуйста, прости
меня.*

КЛ

Когда Кристи-Линн перечитала записку, написанное показалось ей холодным, натянутым и пренебрежительным, но она слишком мало доверяла себе, чтобы дожидаться утра и объяснять, куда едет. Уэйд может попытаться отговорить ее и, вероятно, будет прав, но она должна это сделать, даже если все окажется тщетно. Довольно прятаться, пора взглянуть прошлому в лицо, попытаться вскрыть старые раны и избавиться от накопленного за тридцать лет яда.

Она взяла сумку с вещами, брошенную в гостиной, и выскользнула в ночь, стараясь не думать о моменте, когда проснется Уэйд.

Около девяти утра Кристи-Линн остановилась в Роли выпить кофе, а потом достала телефон и открыла сайт, где находила последний адрес Шарлен Паркер. Ввела информацию в навигатор и застонала. Еще три часа. Внезапно Кристи-Линн засомневалась в разумности своих действий. Она не разговаривала с матерью шесть лет, не виделась больше двадцати. На что она надеется, зачем бережит прошлое? Самое разумное сейчас – вернуться в Свитвотер и исправить наделанные глупости.

Словно в подтверждение, зазвонил телефон. На экране высветился номер Уэйда. Кристи-Линн скривилась, охваченная искушением сбросить звонок. Но это было бы трусостью.

- Привет, Уэйд.
- Кристи-Линн, что происходит? Где ты?
- В Роли, еду в Южную Каролину.
- Ты бросила меня в постели посреди ночи и уехала в Южную Каролину?
- Прости.

– Это ты уже написала.

Кристи-Линн сморгнула внезапное жжение в глазах.

– Я хотела подобрать другие слова, найти другой способ это сделать.

– Сделать что? О чем ты?

– Уэйд, мы совершили ошибку. Я совершила ошибку. Ты был прав. Я не готова. И никогда не буду готова.

– Мне кажется, уже поздно для таких откровений.

– Я поняла это не только что. Я знаю давно. И пыталась предупредить тебя, когда ты впервые меня поцеловал.

– Да, – сухо ответил Уэйд. – Мне нужно стать внимательнее. Но должен заметить, вчера первый шаг сделала ты, не я.

Кристи-Линн подавила стон, остро осознавая иронию.

– Ты был прекрасным другом, Уэйд. Настоящим другом. И этого никогда не должно было случиться. Не знаю, что еще сказать.

– Другом, – холодно повторил Уэйд. – Верно.

Его ледяной, резкий тон ранил сильнее, чем Кристи-Линн ожидала – впрочем, она заслужила.

– Я не хотела... Я просто... Я не хотела причинить тебе боль, Уэйд.

– Что в Южной Каролине?

Резкая смена темы должна была принести облегчение, но не принесла.

– Возможно, ответы. Или ничего. Пока не знаю.

– Хочешь найти мать, верно?

– Да.

– Спустя двадцать лет, и совершенно одна. – Очередная долгая пауза, словно Уэйд подбирал слова. – Знаешь, я бы поехал с тобой. Достаточно было попросить.

– Одиночество мне привычно, Уэйд. Это моя стихия. Говори о Стивене что угодно, но даже он это понимал. И я не пытаюсь ничего исправить. Слишком поздно. Я хочу посмотреть ей в глаза – в глаза своему прошлому – и наконец прекратить убегать и винить себя. Понимаю, тебе это кажется бредом. Ты не оглядываешься. И я много лет жила по такому же принципу. Но не сработало. Значит, пора попробовать что-то другое. А иначе для меня никогда ничего не изменится.

– Ты уверена, что хочешь изменений?

– Конечно. Думаешь, мне нравится моя нынешняя жизнь, нынешняя... я? Которая боится совершить очередную ошибку? Или снова сделать кому-то больно? Сделать больно тебе?

– Давай исключим меня из уравнения – впрочем, ты это уже сделала. Я просто прошу тебя подумать, что ты делаешь и почему. Твоя поездка кажется весьма спонтанным решением. Ты думала, что будешь делать, когда приедешь? Что ей скажешь, если найдешь?

– Не представляю.

– Возможно, ты переоцениваешь свою готовность. – Его голос смягчился, утратив колкость.

– Если я не сделаю этого сейчас, то не сделаю никогда.

– Слушай, Кристи-Линн, я понимаю, ты хочешь разобраться во всем сама, и, возможно, ты права, но я уже говорил тебе: я готов подождать. Это не изменилось.

Кристи-Линн закрыла глаза. Она ненавидела собственные слова:

– А я говорила, что не стою ожидания. Это тоже не изменилось.

– Кристи-Линн...

– У меня слишком много «никогда», Уэйд. Слишком много дверей, которые поздно открывать.

– И я за одной из них?

– Да, – мягко сказала она. – Прости.

– Мы увидимся, когда ты вернешься?

Кристи-Линн сглотнула огромный ком, вставший в горле. Она пыталась действовать правильно, но Уэйд усложнял задачу. Нужно донести до него: их отношения – плохая идея. *Она* – плохая идея.

– Свитвотер – маленький город, – наконец сказала Кристи-Линн. – Мы обречены на встречу.

– Верно.

– Уэйд...

– Не волнуйся. Я понял. Удачи с мамой.

Закончив разговор, Кристи-Линн почувствовала странную пустоту, будто сожгла мост, по которому надеялась пройти в будущем. Она попыталась прогнать это ощущение, завела машину и вернулась на трассу, уверяя себя, что так будет лучше. В ее сердце просто не осталось места для новой боли.

Сорок пять

*Уолтерборо, Южная Каролина.
27 августа 2017 г.*

Жилой комплекс «Дикси Корт» оказался не настолько ужасен, как представляла Кристи-Линн, но близко к тому. Голая земля без деревьев создавала атмосферу запустения, словно много лет назад сюда упала бомба и место так до конца и не восстановили, а квадратные и приземистые кирпичные дома напоминали тюрьму. Из-за воскресного дня парковка была почти забита – преимущественно старыми ржавеющими машинами. В дальнем конце виднелся переполненный мусорный контейнер, над которым вился рой мух, жадно жужжащих на августовской жаре.

Замедлив скорость, Кристи-Линн поехала вдоль грязных входных дверей, пока не нашла номер тринадцать. Откуда-то сверху звучала песня кантри-певца Блейка Шелтона. Кристи-Линн пришлось сделать над собой огромное усилие, чтобы не завести машину и не уехать.

Маленькая босая девочка в грязном платье молча наблюдала за Кристи-Линн, когда она подошла к двери и постучала. Окна были открыты, занавески завязаны в узлы, открывая путь для вязкого летнего воздуха. Кристи-Линн попыталась заглянуть внутрь, но ничего не увидела. На полную громкость работал телевизор – старые выпуски «Мэтлока». Она постучала снова, на этот раз громче.

Через несколько секунд дверь приоткрылась. На Кристи-Линн пристально посмотрели внимательные глаза.

– Да?

На мгновение она растерялась от роя разрозненных воспоминаний, возрожденных звуками хриплого, прокуренного голоса и встревоженным взглядом. Ее мать открывала так дверь, когда наступало время платить за жилье или отдавать долги кому-то из дилеров.

– Мама?

Дверь приоткрылась еще на несколько сантиметров.

– Кристи-Линн?

Сперва Кристи-Линн заметила шрам – сморщенную розовую полосу от правого глаза до уголка рта, из-за которой верхняя губа растягивалась в постоянной полуулыбке. Кристи-Линн понадобилась вся сила воли, чтобы не сделать шаг назад.

– Да, мама, это я.

Дверь окончательно открылась, и Кристи-Линн окутала вонь застоявшегося табачного дыма.

– Господи, что...

– Я приехала тебя проведать.

– Зачем?

Кристи-Линн посмотрела на мать, обескураженная вопросом, но ответа у нее не было.

– Честно говоря, не знаю.

– Ты приехала из Мэна без причины?

– Я теперь живу в Вирджинии. Ты меняпустишь?

Похоже, Шарлен всерьез задумалась, но в конце концов открыла дверь и отошла в сторону. Глаза Кристи-Линн не сразу привыкли к полумраку, но постепенно она рассмотрела маленькую гостиную, еще более крошечную кухню и обеденный уголок. Старая разношерстная мебель, диван, накрытый выцветшим оранжевым покрывалом. Возле окна висел вентилятор, гоняя по тесному помещению липкий воздух.

В переполненной стеклянной пепельнице дымилась сигарета. Шарлен прошла мимо Кристи-Линн, потушила окуроч, смахнула со стола пивную банку и выключила телевизор. Взгляд матери тревожно метался, словно она рассматривала обстановку глазами своей дочери, и на одно ужасное мгновение Кристи-Линн вспомнила день, когда она привела домой бедную Линду Нили.

– Я как раз сделала чай, – неловко пробормотала Шарлен. – Сейчас налью.

Кристи-Линн последовала за ней на кухню, где пахло пивом и испорченной едой. Кристи-Линн старалась не считать пустые банки из-под пива, лежащие в раковине вперемешку со вчерашней посудой. Девять банок.

– Тут не только мои, – сказала Шарлен, проследив за взглядом дочери. – Некоторые – Роджера. Я бы убралась, если бы знала, что ты приедешь.

– Прости, – извинилась Кристи-Линн, оторвав глаза от раковины, а потом от переполненного мусорного ведра в углу. – Я не нашла твоего номера.

– Ты же знаешь, я не переношу телефоны.

«Ага. Особенно когда звонят коллекторы».

– Кто такой Роджер?

– Мой... Мы вместе живем. Уже два года. Работает на деревообрабатывающем заводе в Равенеле. – Она протянула Кристи-Линн стакан чая. – Он... надежный.

Кристи-Линн подняла брови. Два года. И с работой. На ее памяти такое было впервые, так что, возможно, по стандартам ее матери он действительно надежный. Но Кристи-Линн предпочла не озвучивать свои мысли.

Шарлен серьезно посмотрела на нее.

– Зачем ты приехала, Кристи-Линн? Спусти столько лет?

– Ты моя мать, – холодно ответила Кристи-Линн.

Шарлен фыркнула и пошла в гостиную, к недокуренной сигарете в пепельнице. Нашла в кармане зажигалку и прикурила сморщенный окурочок.

– Я всегда была твоей матерью, – сказала Шарлен, выдыхая дым в потолок. – Но ты никогда не приезжала.

В ее словах не было осуждения, лишь тревожное любопытство. Кристи-Линн наконец позволила себе внимательнее рассмотреть мать. На ней были шлепанцы и мягкое хлопковое платье, из-за отсутствия верхней пуговицы была видна тонкая, как лезвие, ключица. Некогда темные волосы выцвели и начали сесть, а кожа покрылась глубокими морщинами. Но по-настоящему историю Шарлен Паркер выдавали глаза. В них словно погас свет – удивительный ярко-зеленый цвет потускнел и превратился в серый. Кристи-Линн подсчитала: сейчас матери около пятидесяти двух. Выглядит она гораздо старше своего возраста. А ведь когда-то была сногшибательной красоткой. Миллион лет назад.

– Я знаю, мама, прошло много времени.

– Двадцать лет.

Кристи-Линн опустила взгляд.

– Да.

– Так почему сейчас?

– Я пыталась тебя забыть.

Слова вырвались непроизвольно, и Кристи-Линн тотчас пожалела о сказанном. Она увидела, как они попали в цель, увидела короткую вспышку боли в тусклых серых глазах, брошенный в сторону взгляд, когда ее мать садилась в линялое бархатное кресло.

– Ну, я сама задала вопрос.

Кристи-Линн опустилась на край дивана с чаем в руке.

– Я неправильно выразилась. У меня погиб муж, и мне сейчас нелегко. Возвращается много воспоминаний.

Шарлен потянулась к ее руке, но потом отдернула ладонь, словно передумав.

– Я видела новости про твоего мужа по телевизору. И в газетах. – Шарлен покачала головой, уставившись на грязный ковер. – Мерзкая история с той женщиной и всем остальным. У вас были... У вас есть дети?

Кристи-Линн неловко поерзала.

– Нет. Детей нет.

– Это ваше решение?

– Да.

– Из-за меня? – тихо спросила Шарлен. – Из-за того... какой я была?

– Из-за того, что я не знала, кем стану я. Боялась, я...

– Превратишься в пьяницу?

– Да, – ответила Кристи-Линн, глядя матери в глаза. – Или хуже. Я поклялась, что никогда не обреку на подобное своего ребенка.

Шарлен отвела взгляд первой, со вздохом переключив внимание на догорающую сигарету.

– Ты никогда не была похожа на меня. Всегда была хорошей... Ответственной. Я бы все отдала, чтобы быть тебе лучшей матерью.

– Нет, мама. Не все.

– Да, – кивнув, признала Шарлен. – Не все.

Кристи-Линн поставила чай и достала из сумки конверт, что взяла из тумбочки. Вывалила содержимое себе на колени, взяла фотографию и протянула Шарлен.

– Помнишь тот день? Ты возила меня на ярмарку.

– Помню.

– А это? – Кристи-Линн подняла поблекший кулон. – Помнишь это? На фотографии у тебя точно такой же.

– Вторая половина моего, – почти прошептала Шарлен. – Ты хранила его столько лет?

Кристи-Линн проигнорировала вопрос.

– Помнишь, что ты сказала, когда надела мне его? Мол, мы никогда их не снимем. Но свой ты сняла.

– Я не понимала, насколько это важно для тебя. Это просто дешевая побрякушка.

– Дело не в кулоне, мама. А в твоём обещании, которое ты нарушила, отдав кулон в залог. – Она собрала содержимое обратно в конверт и спрятала в сумку. – Тогда я поняла: наркотики для тебя важнее меня. И как легко давать обещания, которые не собираешься выполнять.

Шарлен мрачно кивнула.

– Понятно. Судный день. Ну, продолжай. Я готова.

– Я не сужу тебя. Просто хочу покончить с прошлым. Со своим прошлым. Много лет я держала плохое под замком, делала вид, будто все случилось с другой девочкой, которой больше не существует. Но после недавних событий я поняла – дальше так продолжаться не может. Словно дверь открылась и все – твоё поведение, наш образ жизни – вывалилось наружу. Наркотики, выселения, мужчины. И встреча с тобой в больнице, твоё зашитое лицо. Тебя отправляют в тюрьму, а меня увозят органы опеки.

Кристи-Линн прервалась и потянулась за чаем. Пить не хотелось, но нужна была передышка.

– Приемная семья, – медленно проговорила Шарлен. – Там было... Ужасно?

Кристи-Линн сделала еще глоток, глядя на запястье, на шрамы от ожогов. Она приехала, чтобы изгнать демонов, обсудить с матерью свое прошлое и заставить признать вину. Но внезапно слова покинули Кристи-Линн. Какой смысл вспоминать сейчас Терри Блевинса? Так она разве что передаст своих демонов матери. А у Шарлен Паркер явно хватает собственных демонов.

– Я сбежала, – наконец сказала Кристи-Линн, проигнорировав вопрос. – И жила на улице два года, пока мне не исполнилось восемнадцать.

Глаза Шарлен наполнились слезами, изуродованный уголок рта сморщился в кривую гримасу.

– Мне сказали. Когда тебя не смогли найти, пришли ко мне. Думали, может, ты поддерживала связь со мной. Они не знали, что ко мне ты обратилась бы в последнюю очередь.

Кристи-Линн не понимала, почему именно плачет ее мать. Из-за угрызений совести или от жалости к себе? У нее всегда была размыта граница между этими двумя понятиями, и с годами ничего не изменилось.

– Я приехала не для того, чтобы заставлять тебя плакать. Или просить прощения. И вообще, речь не о тебе. Я просто хочу посмотреть в глаза тебе и своему прошлому, вспомнить, через что мне пришлось пройти и какой я была сильной, раз выжила. Я не просто хочу поставить точку, мне это *нужно*. Чтобы наконец перестать себя винить.

Шарлен собиралась зажечь еще одну сигарету, но подняла голову, выронив зажигалку из рук.

– Бога ради, в чем ты себя винишь?

– Я тебя бросила, – глухо сказала Кристи-Линн. – Убежала и оставила тебя одну. Я даже не знала... – Она отвела взгляд, смаргивая слезы.

Шарлен повернулась к Кристи-Линн, забыв про сигарету.

– Детка, а теперь послушай. Ты правильно сделала, что сбежала. И что не вернулась. Посмотри, как многого ты добилась, кем стала. Сильная, уважаемая, красивая. Если бы ты осталась за мной приглядывать, думаешь, так бы получилось?

Кристи-Линн судорожно вздохнула.

– Мы уже не узнаем.

Серые глаза Шарлен вспыхнули.

– Нет, мы обе знаем ответ. Думаешь, я не представляю, каково тебе приходилось, когда ты заботилась обо мне, хотя все должно было быть наоборот? Да я каждый день вспоминаю, как возвращалась домой пьяная, в совершенно бессознательном состоянии, и вырубалась, а то и хуже. Я помню. Помню все. Удивительно, сколько всего всплывает в памяти, когда бросаешь дурь. Хотя мне очень хотелось бы *забыть* эти вещи. Черт, да лучше жить одной, чем с матерью вроде меня –

пьяницей и наркоманкой. Непросто признавать такое, особенно перед родной дочерью, но это правда.

Кристи-Линн наблюдала, как быстро тает в стакане лед, и ждала, пока утихнут эмоции.

– А ты...

– Бросила наркотики. Все.

– Но все еще пьешь.

Шарлен мрачно улыбнулась.

– Старые привычки побороть нелегко. Нужно было выбрать что-то одно, и я решила, что у меня меньше шансов умереть от бутылки, чем от иглы.

Странная тема для разговора. Раньше они никогда не обсуждали выпивку и наркотики. Эти вещи просто неизбежно присутствовали в их жизни.

– После тюрьмы? Тогда ты бросила?

– Нет. Не тогда. И даже не ради твоего возвращения. Я хотела. Правда. Но просто... Не могла. Я в завязке всего четыре года. Как видишь, сидеть со мной и дожидаться, когда я стану матерью года, было бы бесполезной тратой времени. Я много лет задавалась вопросом, как сложилась твоя судьба, в порядке ли ты. А потом однажды наткнулась на твою фотографию в журнале про знаменитостей – оказалось, ты замужем за каким-то известным писателем, – и поняла: у тебя все хорошо. Разумеется, моей заслуги тут нет, но я была за тебя очень горда и счастлива. И мне было ужасно стыдно звонить и выпрашивать деньги. Кстати, насчет платы за аренду я солгала.

– Ты купила на них наркотики?

– Нет, – покачала головой Шарлен, поднимая упавшую на колени зажигалку. – Я отдала долг за своего парня, впрочем, это почти то же самое. Но это был последний раз. Именно тогда я решила завязать. Я не боялась умереть в каком-нибудь грязном переулке. Но мне было невыносимо даже думать, что когда-нибудь придется снова набирать твой номер.

В ее глазах стояли слезы. Шарлен моргнула, и они полились по щекам, оставляя на помятом лице сияющие следы. Кристи-Линн молчала. Несмотря на всю безответственность, пренебрежение и стыд, ей было тяжело видеть мать в таком состоянии.

– Тебе нужны деньги? – тихо спросила Кристи-Линн. – Или... что-нибудь?

Шарлен выдавила подобие улыбки.

– Нет, детка, впрочем, я бы все равно ничего от тебя не приняла. Дела идут неважно, и здесь не дворец, но мы справляемся. А ты... – Шарлен потянулась к сигаретам, но нашла лишь пустую пачку. – Знаю, после аварии прошло немного времени, но ты... счастлива?

– У меня теперь книжный магазин. Есть чем заняться. И еще я редактирую книги.

Шарлен нахмурилась.

– Работа и счастье – разные вещи. Я имею в виду, есть ли у тебя в жизни кто-нибудь, кто *делает* тебя счастливой?

Кристи-Линн неловко заерзала. Ее смутил внезапный вопрос матери о счастье.

– Ты читала газеты, – угрюмо ответила Кристи-Линн. – Я не создана для счастья. Так что работы вполне достаточно. И я предпочитаю одиночество. Меньше... сложностей.

Здоровый уголок рта Шарлен опустился.

– Ты никогда не умела лгать.

– Я не лгу. И я приехала сюда не ради лекции о счастье.

– Да, – спокойно отозвалась Шарлен. – Я понимаю. Ты сказала все, что хотела, или есть что-то еще?

Кристи-Линн опять невольно опустила взгляд на запястье. Да, есть еще. Много чего еще. Но нет ни малейшего смысла беречь прошлое. Она уже сделала и увидела все, что нужно.

– Я все сказала.

Шарлен резко встала и направилась к двери.

– Тогда тебе пора.

Кристи-Линн уставилась на мать, изумленная столь резким прощанием.

– Так будет лучше для нас обеих, – с мимолетной улыбкой объяснила Шарлен. – Скоро вернется Роджер. По воскресеньям он работает до обеда, и я не хочу объяснять твое появление. Он знает все остальное, но я не смогла признаться, какой ужасной была матерью. В своей жизни я совершила много постыдного, но ничто не сравнится с тем, как я напортила с тобой.

Кристи-Линн медленно встала и полезла в карман сумки за ручкой и визиткой.

– Я оставлю тебе свой номер. На всякий случай.

Она записала цифры и протянула визитку Шарлен, но та покачала головой:

– Спасибо, но не надо. Мы с тобой закончили, и уже давно. Ты же сказала: ты приехала меня забыть, и теперь ты можешь это сделать. Во всяком случае, я надеюсь. Считай это подарком. Ведь я почти никогда тебе ничего не дарила. Разве только невыполненное обещание. Так что давай – забудь.

По дороге к выходу Кристи-Линн почувствовала неожиданную тяжесть в груди.

– Но я не могу просто...

– Иди, – поторопила Шарлен и открыла дверь, впусив поток каролинской жары. – Пожалуйста. У тебя есть жизнь, Кристи-Линн. Возможно, не идеальная, но ты можешь ею гордиться, в отличие от меня. Я прожила свою так, что чудом осталась жива, и не заслужила возвращения своей маленькой девочки.

– Может, ты хотя бы позволишь тебе помочь?

– Ты всегда была умной. Будь умной и теперь. Возвращайся в Вирджинию и не оглядывайся назад. Этим ты мне поможешь.

Кристи-Линн замешкалась, но не смогла подобрать слова. Наконец она положила визитку на журнальный столик и выскользнула в открытую дверь. Она приехала поставить точку, но когда Кристи-Линн завела машину и тронулась прочь, то почувствовала лишь оцепенение и непонятную тупую боль в горле, наблюдая, как в зеркале заднего вида удаляется комплекс «Дикси Корт».

Сорок шесть

Кристи-Линн наблюдала, как Мисси пробирается сквозь толпу, а потом останавливается, чтобы помахать и подмигнуть Марко. Сегодня был «тако-вторник», и ресторан заполнила вечерняя толпа, наслаждаясь дешевыми тако и «маргаритами». Жаль, Кристи-Линн не вспомнила об этом, когда планировала встречу. Настроение было вовсе не праздничным.

– Господи, – ахнула Мисси, усевшись на стул. – Выглядишь ужасно.

– Ну спасибо.

– Ты знаешь, о чем я. Судя по твоему виду, сейчас ты должна лежать в постели у себя дома.

Кристи-Линн подцепила кусочек тортильи и отправила в рот.

– Следующий пункт моего плана. Честно. Спасибо, что согласилась встретиться. Мне просто не хотелось оставаться одной.

– Ты же знаешь, я никогда не откажусь от «маргариты». Есть хочешь? Можем заказать на двоих порцию начос.

Кристи-Линн кивнула.

Мисси жестом позвала Марко, сделала заказ и снова повернулась к Кристи-Линн:

– Ну как? В смысле, твоя мама – ты сказала, что нашла ее.

– Ужасно.

– Ох, милая. Очень сочувствую.

– По ее словам, она бросила наркотики, и я ей верю. Но раковина вся завалена пивными банками. Когда-то мама была необыкновенно красивой, на нее засматривались мужчины на улице, но теперь выглядит измученной, словно жизнь сломила ее.

– После твоих рассказов – ничего удивительного. Но она хотя бы бросила наркотики. Уже неплохо.

– Да уж. У нее есть мужчина – Роджер. Они вместе два года. Больше я ничего не знаю. А, он работает в деревообрабатывающей компании.

– Так вы поговорили... обо всем?

– Говорила в основном я. Все прошло очень пристойно. Без истерик и лишних слез.

– Как вы расстались?

– Она попросила меня уйти и не возвращаться.

Мисси заморгала:

– Не понимаю.

– Думаю, ей было стыдно. Она словно торопилась поскорее от меня избавиться.

– Вполне вероятно. Видимо, непросто было увидеть тебя столько лет спустя и вспомнить о своем тогдашнем поведении. Честно говоря, я думала, она станет выпрашивать деньги.

– Я предлагала. Она не взяла. Сказала, тот звонок, когда она просила у меня денег, – один из самых страшных моментов в ее жизни. И после него она решила бросить наркотики.

– Выполнишь ее просьбу, прервешь общение?

Кристи-Линн выдавила в чай лимон.

– Не знаю. Она говорила искренне. Она правда не хочет больше выходить на связь. Я оставила номер, хотя она противилась.

– Возможно, стоит отнестись к этому с уважением.

– Возможно.

Марко принес Мисси «маргариту» и пообещал вернуться с чипсами. Мисси выбросила трубочку и сделала большой глоток, а потом облизала с губ соль.

– Похоже, она хотя бы пытается нести ответственность за свой выбор. И это хорошо, верно?

– Думаю, да.

– Так ты рада, что поехала?

Кристи-Линн взяла еще кусочек лепешки, но потом положила на место.

– Я не понимаю собственных чувств. И был ли вообще смысл в этой поездке? Я словно поговорила с незнакомым человеком. Женщина, которую я помню, слабо справлялась с ролью матери. Ей всегда было не до меня – из-за алкоголя, наркотиков, проблем. И вдруг она становится такой благородной, такой самоотверженной и спрашивает, счастлива ли я.

– И что ты ответила?

– Что у меня много дел из-за книжного магазина.

– А это то же самое?

Кристи-Линн закатила глаза.

– Ты прямо как она.

– Милая, это разумный вопрос. Знаю, в твоей жизни сейчас происходит куча всего, но когда-нибудь тебе действительно стоит попробовать стать счастливой.

Кристи-Линн собиралась ответить, но принесли чипсы. Она дождалась ухода Марко и расправила на коленях салфетку.

– Кстати, о куче всего, есть новости. Даже несколько.

Мисси взволнованно опустила «маргариту» на стол.

– Я почти боюсь спрашивать.

– Ретта попросила меня удочерить Айрис.

– Удочерить... Господи, серьезно? Почему вдруг?

– Долгая история, но если вкратце, то брат Хани внезапно решил сыграть роль заботливого дядюшки, поскольку к его племяннице теперь прилагается трастовый фонд. Примчался, устроил сцену, грозил судом. Ретта была в ужасе. И предложила мне – потому что боится и потому что больше никого нет.

– Что ты ответила?

– А ты как думаешь? Я отказалась. Я даже к коту еще не привыкла. Можешь представить меня с маленькой девочкой? *С той маленькой девочкой?*

– Вообще-то, да. И Ретта, видимо, тоже.

– Мисси, я не могу. И ты знаешь *почему*. Дело совсем не в Стивене. Встретившись с матерью, я вспомнила, насколько все может пойти не так... Я просто не могу.

– Честно говоря, я думаю, ты ошибаешься. Ребенок привязался к тебе с первой же встречи. Но я понимаю, чего ты боишься. Какие еще новости?

– Я переспала с Уэйдом.

Мисси чуть не поперхнулась «маргаритой».

– Погоди, что? Когда?

– Два дня назад, когда мы вернулись от Ретты.

– Он ездил с тобой в Западную Вирджинию?

– Да. Еще одна долгая история, но в итоге он остался на ночь – я попросила.

Мисси наклонилась вперед, ухмыляясь, как школьница.

– Я знала! Знала, ты что-то скрываешь. Ну, выкладывай. Было здорово?

Кристи-Линн старалась сохранять невозмутимый вид, напоминая себе о верности принятого решения.

– Да, потрясающе, но выкладывать нечего. Я сказала ему, что совершила ошибку и не готова выходить за рамки дружбы.

– Боже, Кристи-Линн, ты шутишь?

– Мне пришлось. Он хочет большего. И, возможно, я тоже, но не умею.

– Не умеешь чего?

– Быть парой. Чьей-то половинкой.

Мисси вздохнула.

– Ты была замужем восемь лет.

– Это другое. Мы со Стивеном не нуждались в постоянном контакте. Мне кажется, иногда он вообще забывал о моем существовании. И меня все устраивало. Какое-то время это работало. А потом, очевидно, перестало. Сомневаюсь, что смогу вынести подобное снова. Только не с Уэйдом.

– То есть ты *хочешь* постоянного контакта с Уэйдом?

– Нет. Возможно. Не знаю.

– Кристи-Линн, поговори со мной. Что творится у тебя в голове?

– Не знаю. Он хороший человек, хороший друг, хороший слушатель. Покупает Толстому игрушки и оставляет у меня в микроволновке спагетти, потому что обо мне нужно заботиться.

Мисси застонала и залпом допила коктейль.

– И что тут плохого, скажи, пожалуйста?

– Я начинаю зависеть от него сильнее, чем хочу.

– Ты боишься.

– Да. И трезво смотрю на вещи.

– Двери, – сказала Мисси, мрачно глядя на пустой бокал. – Ты ведь это понимаешь? Что ты захлопываешь двери, ведущие к возможному счастью?

Кристи-Линн серьезно кивнула.

– Да, понимаю, но я вижу в них риски. И запереть их – единственный известный мне способ защитить дорогих людей.

Как только Кристи-Линн зашла домой, ей навстречу выбежал Толстой и с требовательным мяуканьем повел ее на кухню – там она наполнила его миску и достала из-под холодильника одну из мышек. Забирая со столешницы сумку, Кристи-Линн заметила на кухонном столе смятую записку, оставленную Уэйду перед отъездом. Кристи-Линн выбросила ее в мусорное ведро, не перечитывая.

«Захлопываешь двери».

Возможно, Мисси права, но это к лучшему. Однажды Уэйда уже ранила женщина, не умевшая любить. Еще одна ему не нужна.

А еще Ретта. Завтра Кристи-Линн позвонит Ретте и объяснит, почему не может удочерить Айрис. Она с радостью подыщет для девочки хорошую семью и обеспечит их обеих всеми необходимыми средствами, но на этом все. Ради нее и ради Айрис.

Кристи-Линн быстро приняла душ и заварила полученный от Дар чай из валерианы. Ей крайне необходим сон, и желательно без сновидений. Но когда Кристи-Линн зашла в спальню, то увидела на тумбочке рукопись Уэйда – еще одно неоконченное дело. Кристи-Линн пообещала закончить работу. Другой вопрос, станет ли Уэйд читать заметки, но хотя бы ее совесть будет чиста.

В комнате еще горел свет, а страницы рукописи рассыпались по всему одеялу, когда через несколько часов Кристи-Линн разбудил телефонный звонок. Глянув на часы, она нащупала телефон. Было уже за полночь.

– Алло?

– Кристи-Линн?

На мгновение ей показалось, что она спит.

– Мама?

– Прости, что так поздно.

– Что-то случилось?

– Нет. Слушай, знаю, я сказала, что не стану звонить, и правда не собиралась. Но потом нашла на журнальном столике твою визитку. – Повисла пауза, Шарлен затянулась и выпустила дым. – Когда ты уехала, я задумалась о... Ну, обо всем, и поняла, что никогда не

просила у тебя прощения. Возможно, я произносила эти слова, уже не помню, но в тот момент я жалела себя. Хотя следовало подумать о тебе – и о причиненной тебе боли. Поэтому я звоню.

Кристи-Линн откинулась на подушки, недоумеая, откуда возникла эта новая волна раскаяния – и куда вела. Несколько часов назад мать выгнала ее за порог. А теперь это. Все-таки передумала насчет денег?

– Теперь это уже неважно, мама.

– Нет, важно. Я всегда клялась: если у меня появится шанс, я непременно скажу тебе, насколько обо всем сожалею. Но, когда ты сидела передо мной с тем кулоном в руках, я хотела лишь поскорее избавиться от тебя. Поэтому и попросила уйти – мне было стыдно. Я видела, как сказалось на тебе мое поведение.

Кристи-Линн молчала.

– Кристи-Линн?

– Я здесь.

– Я должна была сказать – и говорю сейчас: я надеюсь, ты найдешь свой путь к счастью. Прости, что не обеспечила тебе достойной жизни, прости, что нарушила обещание, прости за все. Но прошу, детка, не позволяй прошлому мешать тебе жить.

– Мама...

– Мне пора. Я у телефонного автомата на углу. Не хочу, чтобы Роджер проснулся и обнаружил мое отсутствие. – Шарлен ненадолго умолкла и судорожно вздохнула. – Я пообещала себе, что больше никогда ничего у тебя не попрошу, в том числе и прощения, но сейчас я нарушу обещание. Прощу, Кристи-Линн, позволь себе быть счастливой.

И она повесила трубку.

Кристи-Линн пялилась на пустой экран телефона, представляя, как Шарлен Паркер стоит в халате у телефонного автомата на углу, чтобы попросить не денег, как она сперва заподозрила, а прощения. И пожелать дочери счастья.

«Я видела, как сказалось на тебе мое поведение».

Отзвук этих слов эхом прозвучал в голове – и в сердце. Получается, Кристи-Линн как открытая книга? Все настолько прозрачно, что даже ее мать, которая не видела ее двадцать лет, разглядела внутреннюю пустоту сквозь многочисленные внешние

слои? Пугающая мысль, особенно если учесть, что остальные дают ей похожие советы.

Пора позволить себе быть счастливой, перестать закрывать двери, жить своей жизнью.

Наверное, со стороны это кажется легко.

С изножья кровати на хозяйку загадочно смотрел Толстой, растянувшись среди разбросанных страниц рукописи, словно паша. Прежде чем вырубиться, Кристи-Линн добралась-таки до последней страницы. И теперь, собирая их в стопку, Кристи-Линн поняла: возможно, она так никогда и не узнает финала истории, если только однажды «Конец привычных вещей» не окажется на полке ее магазина. Кристи-Линн надеялась, что окажется. История определенно достаточно хороша – или, во всяком случае, имеет потенциал.

В доме стояло безмолвие, когда Кристи-Линн пошла с пустой кружкой на кухню, тишина следовала за ней, словно тень. Возвращаясь в постель, Кристи-Линн остановилась перед закрытой дверью в пустую комнату, опустив ладонь на ручку.

«То, чем мы не позволяем себе обладать».

Дверь будто открылась сама по себе. Впрочем, разумеется, нет. Двери не открываются сами по себе. Ты должен *принять решение* об их открытии, осознанно сделать шаг за порог. Кристи-Линн включила свет и со вздохом оглядела наполовину распакованные коробки и ненужную мебель, которую следовало отдать на благотворительность еще несколько месяцев назад. Впрочем, Кристи-Линн все равно не знала, как использовать эту комнату. И, возможно, медлила именно поэтому – не хотела, чтобы помещение пустовало, словно огромная зияющая дыра в ее жизни.

Поддавшись импульсу, Кристи-Линн опустилась на колени и начала просматривать содержимое ближайшей коробки. В основном вещи Кэрл, брошенные после спешного переезда во Флориду: лампы, скатерти, тарелки. Кристи-Линн не выбрасывала их на тот случай, если Кэрл передумает и попросит их прислать. Но та не просила. Возможно, потому что уже забрала все важное.

Среди упакованного в коробки хлама явно отсутствовали памятные вещи – альбомы с вырезками, фотографии, семейные реликвии. Никаких намеков на *реальную* жизнь Кэрл Бойер. Их она забрать не забыла.

Вспомнив ночь своего отъезда из Клир Харбор, Кристи-Линн вдруг поняла, что забрала с собой лишь старую фотографию и блеклый кулон. Она пожелала сохранить лишь эти напоминания о потере и боли, потому что счастливых воспоминаний попросту не было. Кристи-Линн их не создала. Вместо этого она построила осторожную жизнь с пустым прошлым и еще более пустым будущим.

Потекли слезы, словно после шторма прорвало плотину, а в голове звучали слова Уэйда, Мисси и даже ее матери. Наступил момент ужасающей ясности – обычно такое происходит в начале третьего акта, пока у героини еще есть время спастись. Но поезд, к сожалению, уже ушел. В жизни уже образовалась огромная дыра.

Хотя если быть честной – и уже давно пора, – то следует признать: всю пустоту в своей жизни Кристи-Линн сотворила сама. Не ее мать. Не Стивен. Она сама. Кристи-Линн жила словно в пузыре, пытаясь обезопаситься от внешнего мира, но в определенный момент схема перестала работать. Кристи-Линн захотелось большего. Не поздно ли еще измениться, спасти хоть что-нибудь спустя столько потерянных лет? Кристи-Линн не знала. Знала только, что хочет попытаться, и точно знала, какую дверь откроет первой.

Сорок семь

*Свитвотер, Вирджиния.
10 сентября 2017 г.*

Кристи-Линн сидела на веранде с телефоном и кружкой кофе, проверяя сообщения. За последние пару недель случилось столько всего, ей хотелось рассказать Уэйдю множество новостей, хотя на фронте их отношений дела шли неважно. Они не разговаривали несколько недель. С того самого утра, когда она уехала в Уолтерборо, он вообще перестал заходить в магазин.

После ее поступка винить Уэйда не в чем. Она была весьма убедительна, когда заявила о совершенной ими ошибке. И даже почти убедила себя саму. Но на самом деле ужасно по нему скучала: по его улыбке, по порой грубоватым, но всегда искренним советам, по его присутствию на ее кухне – и в ее жизни.

Кристи-Линн несколько раз пыталась ему дозвониться, но каждый раз попадала на автоответчик. То ли Уэйд выключил телефон, то ли добавил ее в черный список. Наконец она отправила ему сообщение: «Дочитала рукопись. Хотела узнать, как передать замечания».

Уэйд ответил только через два дня. Отстраненным тоном – даже для сообщения: «Уехал из города. Когда вернусь – не знаю. Сообщу».

Кристи-Линн сразу написала ответ: «Я приняла некоторые решения. Мы можем поговорить?»

Ответить Уэйд не потрудился.

Теперь, наблюдая за равномерным течением ручья Свитвотер Крик, она подумала, что некоторые люди появляются в нашей жизни лишь ненадолго – и уходят прочь после мимолетного соприкосновения. Возможно, спустя столько лет их с Уэйдом пути пересеклись именно поэтому. Он помог ей взглянуть на себя по-новому и, возможно, переписать свою жизнь. А потом ушел.

Кристи-Линн встала и понесла кружку в дом, к раковине. Впереди много дел: нужно вывезти оставшиеся коробки, вернуть Хэнку лестницу и забрать из мастерской отданную на реставрацию старинную лампу.

Два часа спустя Кристи-Линн закончила дела и ехала домой, ей не терпелось доделать финальные штрихи первого в ее жизни проекта, сделанного своими руками. У нее екнуло сердце, когда она увидела возле дома джип Уэйда. Он сидел внутри, заглушив двигатель, и что-то строчил в один из своих кожаных блокнотов. Услышав ее шаги, Уэйд отложил блокнот в сторону, но ничего не сказал.

– Привет.

Уэйд коротко кивнул.

– Привет.

– Не ожидала тебя увидеть. Не знала, куда ты уехал.

– Я ездил к маме на день рождения и решил ненадолго остаться.

Привести мысли в порядок.

Кристи-Линн сомневалась, хочет ли знать, что именно он имеет в виду.

– Я сделала заметки к оставшейся части рукописи.

– Да. Я получил сообщение.

– Но на последнее ты не ответил.

– Нет.

– Почему?

– Решил, так будет лучше. Я сомневался, что вернусь, и не хотел... все усложнять.

От этих слов у Кристи-Линн внутри все сжалось.

– Но ты вернулся. Ты здесь.

Он равнодушно посмотрел на нее, стуча пальцами по рулю.

– Нельзя убегать бесконечно, верно? И у тебя моя рукопись.

– Верно. Она в доме. Хочешь зайти?

– Подожду здесь.

Резкий отказ ранил.

– Хорошо. Минутку.

Глубоко потрясенная, она отперла входную дверь. Она надеялась на разговор, на возможность извиниться, все объяснить, но Уэйд ясно дал понять, что его не интересуют ни извинения, ни объяснения.

Кристи-Линн поспешно схватила с прикроватной тумбочки рукопись и заметки, надеясь, что Уэйд уедет прежде, чем она

опозорится окончательно. И никак не ожидала обнаружить его у себя в гостиной с Толстым на руках.

– Ты оставила дверь открытой, – объяснил Уэйд и поставил кота на подлокотник дивана. – Он чуть не вырвался на свободу.

– Спасибо. – Кристи-Линн протянула ему бумаги и сделала шаг назад, стараясь сохранять безопасное расстояние. – Надеюсь, мои заметки помогут, но следовать им вовсе не обязательно. Слушай только себя, иначе ничего не выйдет.

Он мельком оглядел рукопись и засунул ее под мышку.

– Спасибо. Я буду рад заплатить.

Холодный ответ – словно пощечина.

– Я сделала это не ради денег. А ради тебя.

Уэйд неловко переступил с ноги на ногу.

– Мне пора.

– погоди. Можно я кое-что тебе покажу? Займет ровно минуту.

Он глянул на дверь, явно собираясь ответить «нет».

– Пожалуйста!

Он кивнул и пошел следом за ней по коридору. Кристи-Линн открыла дверь в пустующую комнату, и в нос ударил запах краски. Уэйд зашел внутрь и медленно огляделся.

– Она... розовая.

– Да.

Не в силах сдержать улыбку, Кристи-Линн оглядела плоды своих трудов: розовые стены, кровать с белым балдахином, нежные узоры из бутонов в каждом углу. Работа заняла почти две недели – гораздо дольше, чем потребовалось бы Хэнку, – но Кристи-Линн хотелось украсить комнату Айрис самостоятельно.

Уэйд посмотрел на нее с изумлением.

– Ты согласилась?

– Да.

– Похоже, за две недели многое изменилось. На твое решение повлияла встреча с матерью?

Кристи-Линн опустила взгляд на руки и принялась оттирать остатки розовой краски с ногтей.

– На него повлияло многое, думаю, оно пришло постепенно. Я начала понимать, какой пустой жизнью я жила – и сколько я потеряю, если продолжу от всего беречься.

– Большой шаг.

– Да, – серьезно согласилась Кристи-Линн. – Но есть вещи хуже страха. Например, когда ты ранишь дорогих тебе людей. И одиночество.

Кристи-Линн стояла и надеялась, что Уэйд ее поймет. Но он отвернулся, изображая повышенный интерес к узорам на стенах.

– Ну... и когда большой день?

– Точной даты пока нет. Я наняла юриста для оформления бумаг на удочерение. Это немного сложнее, чем подготовка трастового фонда, но скоро все должно быть готово. И мне, хоть и не без труда, удалось уговорить Ретту переехать в пансионат для пожилых людей, Мисси посоветовала хороший вариант в нашем городе. Я сказала, что заберу Айрис, только если она согласится поехать с нами. Не люблю применять шантаж, но я очень хочу вытащить ее из Риддлсвиля. Со временем ей понадобится уход, а в «Пайн Брук» она будет под присмотром и сможет видаться с Айрис.

– Рэй не появлялся?

– Нет. Похоже, преподобный утратил интерес к племяннице.

Уэйд сухо улыбнулся.

– Какой сюрприз.

– Спасибо тебе за это, – мягко проговорила она. – Ты угадал, что он станет проблемой.

– Профессиональный инстинкт, – сказал Уэйд, проведя рукой по свежешеллаченному книжному шкафу возле окна. – Здорово. Ты сама?

Кристи-Линн кивнула, застенчиво улыбаясь.

– Мой первый опыт в переделке мебели. Выбирать книги тоже было увлекательно. В детстве я любила читать. Надеюсь, Айрис тоже полюбит.

Уэйд взял с полки «Зеленые яйца и ветчину» и выдавил улыбку.

– Ну, похоже, все получится. Счастлив за тебя. И за Айрис.

Он собрался уходить, и Кристи-Линн запаниковала. Он все еще страшно злился, и совершенно справедливо, но она просто не могла его отпустить.

– Хотела спросить... – Слова словно застряли в горле. – Я надеялась, ты сможешь поехать за Айрис вместе со мной.

Он повернулся, нахмурившись.

– Ты вроде сказала, что Рэй потерял интерес.

– Дело не в нем. Просто... – Она прикоснулась к его руке и почувствовала, как он напрягся, но не отпускала, пока он не поднял взгляд. – Я не хочу ехать одна, Уэйд. Знаю, я говорила, что предпочитаю одиночество, но я ошибалась. Ты мне нужен.

Все эмоции покинули лицо Уэйда, оставив лишь холод.

– Меня больше не интересует роль твоего сопровождающего, Кристи-Линн. Я пытался, но все закончилось плохо.

Кристи-Линн отпустила его руку, подошла к окну и выглянула на улицу из-за плотных штор, повешенных накануне вечером. Она готовилась к этому разговору несколько недель, даже не зная, выпадет ли ей шанс все высказать, но теперь, когда момент настал, словно утратила дар речи, хотя вот-вот потеряет мужчину, который, вопреки всему, нашел путь к ее сердцу. Почему нельзя просто сказать: «Я хочу тебя... Я люблю тебя...»?

Уэйд все еще стоял в дверях, все еще ждал какого-то ответа, но, судя по холоду в глазах, его терпение иссякало. Нужно что-нибудь сказать, что угодно – ведь другого шанса не будет.

– Помнишь, мы обсуждали слова Мисси, что наши «никогда» – это запертые нами же двери?

Уэйд лишь неопределенно пожал плечами. Он заставлял ее отдуваться за все самостоятельно, и Кристи-Линн сочла это вполне справедливым.

– В общем, я много думала и поняла: она права. Материнство было моим «никогда», потому что я боялась наделать ошибок. Но я заперла не только эту дверь. Были и другие, например, я не позволяла себе любить – и *быть* любимой. А потом появился ты, и я так испугалась, что *наделала* ошибок. Но я больше не хочу ошибаться. Я хочу узнать, как делать все правильно – вместе с тобой.

Он стоял, сложив руки на груди, все с тем же осторожным равнодушием во взгляде.

– И все? Вот так просто ты готова начать с чистого листа?

Кристи-Линн сделала шаг вперед, но заставила себя остановиться.

– Не так уж просто, Уэйд. Я долго обо всем размышляла. Ты натолкнул меня на эти мысли. И теперь я точно знаю, чего хочу: я хочу быть с тобой. – Лицо Уэйда расплылось из-за наполнивших глаза слез. Она сморгнула их прочь. – Я не могу... потерять тебя.

На ледяном фасаде Уэйда не появилось ни единой трещинки.

– Прости меня за мой скепсис.

Кристи-Линн снова вытерла глаза.

– Прощу. Знаю, я причинила тебе боль, и твой скепсис совершенно справедлив. Но пойми – я поступила так ненамеренно.

– Я понимаю. И знаю: следующий раз тоже будет ненамеренным. А он обязательно будет, если я решусь тебе поверить.

– Ты ошибаешься, – выпалила Кристи-Линн, сократив дистанцию за два быстрых шага. – Да, я сбежала. Потому что делала так всю жизнь. И потому что ты пытался заставить меня увидеть вещи, которые я видеть не хотела. – Кристи-Линн опустила взгляд, охрипнув от очередного приступа слез. – И увидела, лишь когда стало слишком поздно.

Она с изумлением почувствовала на подбородке его пальцы. Уэйд поднял ее голову, заставив заглянуть себе в глаза.

– Вовсе не поздно, Кристи-Линн. Если ты искренне веришь во все, что сказала. Я уже говорил, что готов подождать, но я должен быть уверен – на этот раз точно. Ты хочешь этого? Хочешь... нас?

Кристи-Линн кивнула, не доверяя собственному голосу.

– Да, – прошептала она. – Хочу. Но я уже предупреждала – я не уверена, что стою ожидания.

– А я ответил, что рискну.

– Даже если я все еще боюсь?

Уэйд прижал ее к себе и легонько коснулся губами лба.

– *Особенно* если ты боишься. – Его слова были словно мед: вязкий, теплый, невыносимо сладкий. – Я буду смелым за нас двоих, пока ты не научишься.

– Думаешь, научусь?

– Да, ведь ты наконец решилась. И женщина, которую я знаю, слишком сильна, чтобы долго бояться такой мелочи, как быть любимой. У тебя все получится, Кристи-Линн. Обещаю. И, сдастся мне, просто прекрасно получится.

И Уэйд поцеловал ее так медленно и глубоко, что ослабли ноги. У нее закружилась голова – от восхищенного изумления и от того, как гармонично соединились их тела, словно две половинки одного целого. Кристи-Линн была готова. Спустя долгие годы бегства и самобичевания она была готова позволить себе быть счастливой.

Но им предстояло обсудить кое-что еще. Она быстро отстранилась и посмотрела на него сквозь мокрые ресницы.

– Для полного раскрытия информации я должна сообщить тебе, что иду в комплекте с маленькой девочкой.

Уэйд широко улыбнулся и прижал ее к груди.

– И с котом, – пробормотал он, прикинув к ее губам. – Не забывай про кота.

Сорок восемь

Риддлсвилль, Западная Вирджиния.

15 октября 2017 г.

Кристи-Линн глянула на Уэйда, когда он подъехал к дому Ретты и заглушил мотор.

Уэйд повернулся и взял ее за руку, видимо, почувствовав взгляд.

– Готова?

Кристи-Линн сделала глубокий вдох, словно ребенок перед прыжком в бассейн.

– Думаю, да.

Уэйд пожал ей руку.

– Готова. Обещаю.

Ретта открыла дверь прежде, чем они успели подняться на крыльцо. Она выглядела более хрупкой, чем в последнюю встречу, с тенями под глазами и помятым лицом. В доме их ждали два потертых зеленых чемодана, розовая флисовая кофта и любимый медвежонок Айрис – в этих двух чемоданах уместилась вся жизнь ребенка. Зрелище пробудило воспоминания о других переездах, странных кроватях и новых школах, когда все приходилось начинать сначала – опять.

«Она, наверное, в ужасе».

Уэйд проследил за взглядом Кристи-Линн.

– Все нормально, – мягко сказал он. – Это хорошо. Это правильно.

Она кивнула, заметив посреди гостиной три наполовину упакованные коробки. Ретта собирала вещи, выбирая, что забрать с собой в «Пайн Брук», а что оставить. Это обрадовало Кристи-Линн. В глубине души она боялась, что Ретта передумает в последний момент.

Кристи-Линн кивнула на коробки.

– Вижу, у вас много дел.

Усталые голубые глаза Ретты обвели заставленную безделушками комнату, словно задаваясь вопросом, откуда все это взялось.

– Я оставляю больше, чем забираю. Они сказали, не нужно привозить даже посуду. Думаю, к вашему возвращению я успею

закончить сборы. – Ретта снова оглядела гостиную. – Все еще не верится, что уезжаю. Я всегда думала, что умру в этом доме.

– Будете по нему скучать?

Ретта задумчиво поджала губы.

– Мне жаль оставлять Хани в одиночестве на том кладбище, – наконец сказала она. – Она всегда ненавидела этот город, а теперь останется здесь навсегда. Зато Айрис уедет, и я очень рада. Она заслуживает большего.

– А где Айрис? – спросила Кристи-Линн, предполагая, что девочка где-то спряталась и рыдает.

– У себя в комнате. Я отправила ее еще раз проверить шкаф. Пытаюсь как-то ее занять. – Ретта набрала воздуха и крикнула: – Айрис, милая. Пора ехать.

Кристи-Линн съежилась, представляя, как звучат эти слова для трехлетней девочки, которую вот-вот увезут из единственного знакомого ей дома.

– Как она? Она... расстроена?

– Немного поплакала, когда я рассказала. Но успокоилась, когда поняла, что будет жить с вами – с ее *мамой-ангелом*.

Это прозвище нравилось Ретте, и Айрис, очевидно, тоже, но оно по-прежнему смущало Кристи-Линн. Непросто соответствовать такому имени, особенно при полном отсутствии материнских навыков.

Ретта с улыбкой потянулась к ее руке.

– Не волнуйтесь. Она еще маленькая, а детские сердца исцеляются. Через год она и не вспомнит это место, а вы станете для нее настоящей мамой.

Бабочки в животе у Кристи-Линн пустились в пляс.

– Но она же знает, что вы совсем рядом? И она сможет видаться с вами, когда захочет?

– Да, но, думаю, поначалу нам не следует слишком часто встречаться. Это только ее смутит. Поэтому я и хотела поехать немного позже. Ей нужно пообвыкнуться, понять, что теперь ее место рядом с вами.

Прежде чем Кристи-Линн успела что-то возразить, вошла Айрис в блестящих розовых кроссовках, подаренных ей в прошлую встречу. Она изумленно вытаращила глаза, заметив Уэйда и Кристи-Линн.

– Детка, – мягко сказала Ретта, – ты скажешь «привет»?

Айрис беззвучно поздоровалась, не сводя взгляда с Кристи-Линн.

Ретта наклонилась и погладила светлые локоны девочки, провела узловатыми пальцами по волосам, личику, плечам, словно пытаюсь запомнить ощущение.

– Ты готова к долгой и веселой поездке на машине, как мы говорили? До самой Вирджинии?

Айрис кивнула, хоть и не сразу.

Ретта взяла ее за руку и подвела к Кристи-Линн.

– И ради Нанни ты будешь большой и хорошей девочкой, верно? – с внезапной дрожью в голосе спросила Ретта. – Будешь смелой и не заплачешь.

Кристи-Линн понадобилась вся сила воли, чтобы не отвернуться, но ей тоже следовало быть смелой. Ради Ретты и Айрис. И это лишь ненадолго, напомнила себе Кристи-Линн. Через три недели Ретта приедет в Свитвотер и поселится всего в нескольких километрах – желанное прибавление в ее стремительно растущей семье. А Кристи-Линн пока предстоит сделать первые шаги в материнстве с нулевой предварительной подготовкой. Впрочем, инструкция и не предполагается. По словам Мисси, умения приходят в процессе – с каждой разбитой коленкой и пролитым соком. Кристи-Линн молилась, чтобы это была правда.

– Давай-ка оденемся потеплее, – сказала Ретта, надевая на Айрис кофту. – А теперь пора в машину.

– Я отнесу вещи, – сказал Уэйд, забрал чемоданы и направился к выходу.

Кристи-Линн посмотрела ему вслед, внезапно почувствовав себя брошенной. Он специально оставил их с Реттой наедине, чтобы они могли сказать друг другу нужные слова. Но о чем говорить в столь душещипательный момент?

– Айрис, – спокойно сказала Ретта и наклонилась, раскинув руки, – иди, попрощайся с Нанни.

Айрис бросилась к ней, и лиловые глаза наполнились слезами, когда прабабушка в последний раз горячо поцеловала девочку в щеку и отдала ее Кристи-Линн.

– Берегите друг друга, – судорожно прошептала Ретта.

Кристи-Линн тихо охнула, когда Айрис оказалась в ее объятиях – и сразу прижалась крепче, такая теплая и легкая.

– Было бы гораздо проще, если бы сегодня вы поехали с нами, Ретта. И для Айрис, и для меня.

Ретта выдавила улыбку.

– Проще не значит лучше.

– А вдруг мне понадобится совет, скажем, какую она любит кашу или какие покупать витамины?

– Кристи-Линн, мы уже все это обсудили. А если что-то забыли, всегда есть телефон, хотя, я думаю, он вам не понадобится. Она легкий ребенок, не считая кошмаров, а они, я думаю, скоро пройдут. Ей просто нужно чувствовать себя в безопасности, а рядом с вами так и будет. Вот увидите. А теперь идите. Вас ждет долгий путь.

– Не проводите нас до машины?

Ретта закрыла глаза, тяжело дыша.

– Боюсь, не смогу. Знаю, мы с ней увидимся через несколько недель, но мы никогда не расставались, и это... тяжело. Но знайте, я вам очень благодарна. В тот день, когда вы постучали в мою дверь, все изменилось.

Кристи-Линн сморгнула слезы и поцеловала Ретту в щеку.

– Это я должна вас благодарить. Теперь мы семья, а раньше у меня никогда ее не было.

Ретта залезла в карман и достала бумажный платок.

– Хватит, а то я сейчас разрыдаюсь. Идите. Мне надо собирать вещи, а вам – везти домой маленькую девочку.

Айрис крепко обнимала Кристи-Линн за шею, когда они спустились с крыльца и вышли на яркий полуденный свет. Уэйд ждал, открыв заднюю дверь машины, готовый усадить Айрис в автокресло. Передавая девочку, Кристи-Линн встретила его взгляд и с благодарностью увидела молчаливую поддержку. *У нее все будет хорошо. У нас... все будет хорошо.* И в этот момент – возможно, впервые в жизни – она поверила.

Когда Уэйд выехал на дорогу, Кристи-Линн бросила взгляд на дом и вспомнила слова благодарности Ретты. *«В тот день, когда вы постучали в мою дверь, все изменилось».* От этой мысли защипало глаза.

Для Кристи-Линн тогда тоже все изменилось.

Эпилог

Айрис сидела на краю розовой кровати и ритмично стучала блестящими кроссовками по оборкам. Кристи-Линн присела рядом, положив себе на колени маленькую бархатную коробочку с серебряной лентой.

Бедняжка. Айрис по-прежнему смотрела вокруг с изумлением, будто боялась, что новый мир исчезнет в любую минуту. И неудивительно. Ведь ее увезли прочь от всего привычного и знакомого. И Кристи-Линн понимала чувства девочки, как никто другой. Но знала: она сможет все изменить.

Уэйд наблюдал за ними, стоя в дверях, привалившись плечом к косяку. Встретившись взглядом с Кристи-Линн, он улыбнулся и подмигнул, пробудив в ней волну тепла и благодарности. Кристи-Линн не ожидала, что будет нервничать, впрочем, посиделок в розовой спальне с трехлетней девочкой она тоже никогда не ожидала.

– Айрис, у меня для тебя подарок, – мягко сообщила Кристи-Линн, протягивая коробочку.

Айрис продолжала смотреть на нее лиловыми глазами, полными неуверенности.

– Хочешь, я открою?

Девочка кивнула и опустила голову, словно внезапно смутившись.

Кристи-Линн развязала дрожащими руками ленту и подняла крышку коробочки.

Айрис изумленно вытаращила глаза, увидев содержимое – пару серебряных кулонов, соединяющихся в одно блестящее сердце. Но потом нахмурила светлые бровки и подняла взгляд на Кристи-Линн.

– Оно сломано.

– Нет, детка. Смотри. – Кристи-Линн взяла кулоны и положила себе на ладонь. – Это две части целого – два кусочка одного сердца. Один для тебя и один для меня. Я помогу надеть, если поднимешь волосы.

Айрис удивленно посмотрела на кулоны, а потом убрала с шеи волосы и замерла, пока Кристи-Линн застегивала серебряную цепочку.

– Молодец. Теперь моя очередь.

В ту же секунду подошел Уэйд и взял с ее ладони второй кулон. Спустя несколько неудачных попыток ему наконец удалось справиться с застежкой. Кристи-Линн улыбнулась Айрис и указала на зеркало.

– Смотри, мы вместе.

Айрис посмотрела на свое отражение и зачарованно погладила пальчиком кулон. А потом повернулась к Кристи-Линн:

– Вместе.

– Да. У тебя – одна половинка, а у меня – другая. Потому что теперь ты – часть моего сердца. И я надеюсь, что однажды я стану частью твоего.

Айрис нахмурила бровки, пытаясь осмыслить услышанное. Наконец она склонила голову набок и вопросительно посмотрела на Кристи-Линн.

– Ты теперь моя мама? *Настоящая* мама?

Кристи-Линн растерянно моргнула, не зная, как отвечать, и боясь вообще потерять дар речи.

– А ты бы хотела?

Айрис кивнула, но ей явно не давали покоя вопросы.

– А ты останешься моим ангелом, если ты моя мама? Нанни сказала, тебя прислал Бог, чтобы обо мне позаботиться.

Кристи-Линн невольно вспомнила сны, терзавшие ее почти каждую ночь, – эти сны резко прекратились, когда она согласилась взять Айрис, – и почти поверила словам Ретты.

– Милая, я думаю, Нанни перепутала. Думаю, это я нуждалась в заботе, и тогда появилась ты, мой маленький ангел, – как во сне.

В ту же секунду Айрис внезапно бросилась к Кристи-Линн и изо всех сил ее обняла – так крепко, что стало непонятно, кто за кого держится. Впрочем, это было уже неважно. Внезапно эти объятия показались Кристи-Линн самой естественной вещью в мире, словно малышка всегда была частью ее жизни.

Выглянув из-за светлой головки Айрис, Кристи-Линн снова увидела в дверном проеме Уэйда. Их взгляды встретились, и сердце наполнилось теплом. Она слишком долго жила со своими «*никогда*», отгоняя счастье обеими руками. Но теперь у нее появилась Айрис. И Уэйд.

Похоже, «*никогда*» наконец настало.

Благодарности

Ни одна книга не пишется в вакууме. Всегда есть длинный список людей, которых следует поблагодарить, – от профессионалов, чья задача – доставить книгу на полку или на ваше устройство, до полезных источников информации и близких людей, которые нас кормят, стирают нашу одежду и всячески поддерживают во время процесса. Так что начну свой список – и, как всегда, буду молиться, что никого не забыла.

Как и со всеми моими писательскими проектами, есть один человек, без которого законченная книга никогда бы не вышла в свет. Это Налини Аколекар из литературного агентства «Спенсерхилл», и она, несомненно, лучший агент на свете. Спасибо за все: за книги, за путешествие, за советы, за подсказки и за поддержку!

Хочу поблагодарить моих чудесных редакторов, Джоди Воршоу и Шарлотту Хершер, за то, что поверили в эту книгу и помогли довести ее до совершенства. А про коллектив издательства «Лэйк Юнион» я могу сказать лишь одно: все хорошие отзывы оказались правдой. Работать с вами – настоящее удовольствие. Я страшно рада быть частью этой удивительной команды писателей и профессионалов!

Моим братьям и сестрам по перу, разбросанным по всей стране: Барбаре Клэйпоул Уайт, Диане Шамберлен, Лоре Спинелла, Ким Бойкин, Карен Уайт, Терри-Линн Томас, Нормандин Уорд Фишер, Хизер Уэбб, Аните Хьюз, Берни Браун, Мэтту Кингу, Дагу Симпсону, Лизе Кэмерон Розен, Митчу Ричмонду, Майклу Хиксу, Шэрил Корнетт и многим другим, у кого всегда находится время прочитать, покритиковать, воодушевить, посоветовать, написать рекомендацию или иначе поддержать писателя в нужде, – мои глубочайшие любовь и благодарность. Вы не представляете, как много для меня значат ваши любовь и поддержка.

Моим *настоящим* Мелиссе (Мисси) Бэк, Куинни Питерсон, Дар Сеттерс, Кэрол Бойер и Дагу Симпсону, чьи имена я одолжила для нескольких персонажей книги, – спасибо, что каждый из вас занимает в моем сердце особое место.

Пэт Кроуфорд, необыкновенной матери и лучшей на свете участнице группы поддержки, – спасибо, что веришь в меня, спасибо за твой чудесный пример и все воодушевляющие слова. Ты столько раз заставляла меня двигаться дальше в минуты сомнений. Люблю тебя. Люблю. Люблю бесконечно.

Тому Келли, моему новоиспеченному мужу и рыцарю в сверкающих доспехах, так всегда было и всегда будет... Ты и я против целого мира. Спасибо, что предложил, что ждал, что сказал «да», за все до и после. Словами не передать, как я люблю тебя. (А я знаю много слов!)

Хочу отдельно поблагодарить Тофер Ли и Кармен Таннер Слотер, которые пришли мне на помощь и помогли придумать имя для Хани Роулингс.

И, конечно же, крепко обнимаю всех моих чудесных читателей. Спасибо за чтение, за отзывы, за рекомендации и за слова поддержки. Но главное – спасибо, что стали частью моей большой семьи. Каждое слово – для вас!